

Марина Суржаневская

ЛИДЕР РЕЙТИНГОВ РУНЕТА!

отражение не меня

СЕРДЦЕ ОХХАРОТІА

Отражение Света и Тьмы приходит в этот мир лишь раз в сто лет, воплощаясь в человеческом теле. И никто не знает, как оно выглядит, есть лишь древнее пророчество на старом свитке и неясные указания. Но когда загорится синяя Звезда Забвения, Отражение должно быть инициировано. Оно должно полюбить и отдать свою силу, чтобы Свет продолжал защищать Пятиземелье от темноты и проклятых. Отражение уже рождено, и охота началась. Ведь и светлым, и темным нужна эта сила, способная изменить мир. Вот только никто не спросил, чего хочет само Отражение. И никто не расскажет, почему ему нельзя любить...

- [Марина Суржевская](#)

- [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ГЛАВА 13](#)
 - [ГЛАВА 14](#)
 - [ГЛАВА 15](#)
 - [ГЛАВА 16](#)
 - [ГЛАВА 17](#)
 - [ГЛАВА 18](#)
 - [ГЛАВА 19](#)
 - [ГЛАВА 20](#)
 - [ГЛАВА 21](#)
 - [ГЛАВА 22](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
-

Марина Суржевская
СЕРДЦЕ ОХХАРОНА

ГЛАВА 1

Элея

Возле замка нас встретили хранительницы. Оливия по-прежнему четко отдавала распоряжения, не обращая внимания на испуганные взгляды девушек, заметивших ее сгоревшие крылья.

— Лея, пройди в целительскую, магистр Райден желает тебя видеть, — приказала она, поджав губы. Не знаю, насколько Оливия была в курсе произошедшего, но на меня она смотрела крайне недовольно, словно это лично я была виновата во всем.

Хотя, может, так и есть. Если бы я не вернулась, если бы умерла, то ничего не произошло бы. У Пятиземелья была бы Искра. Да, не было бы меня. Но разве это такая уж потеря для нашего мира? Кто, кроме Незабудки, стал бы обо мне грустить?

— Мы тебя ждем, — оборвала мои грустные размышления Тисса. Я кивнула ей с благодарностью и встряхнулась, отгоняя грусть. Все-таки порой вот это простое «ждем» способно вернуть человеку желание жить и веру в себя.

Не взглянув больше на хранительницу, я ушла в указанную сторону.

Целительская располагалась в центральном крыле Академии, и я здесь ни разу не была. Занятия отменили, и в ученических царил всеобщий хаос. Никто не понимал, что произошло, но все заметили изменения. Конечно, бурно их обсуждали. В Хандраш привыкли к разного рода магическим явлениям, но сегодня произошло то, чего не бывало никогда. Незыблемая Обитель Искры пала, а на ее месте теперь дрожало призрачное изображение Хрустального Замка. Повсюду появлялись частицы чужого мира, и даже на небе порой виделось другое солнце с зеленоватым и чужеродным оттенком. Наставники пытались навести порядок и успокоить адептов, но и они выглядели растерянными и даже испуганными.

Я спросила у вихрастого паренька, сидящего на окне, как пройти в целительскую.

— ... листья на вкус острые, словно перец, и обладают ярко выраженным привкусом лимона. Аромат незнакомый, квалификации не поддается... — пробормотал парень, подняв на меня глаза.

— Эй, — я помахала рукой перед его лицом, — ты меня слышишь? Целительская в какой стороне?

Вихрастый очнулся и сунул мне под нос широкий лист:

— Чем пахнет?

Я понюхала.

— Молоком, — честно призналась.

— Точно! — Он просиял и вновь склонился над своим свитком, торопливо корябая буквы. — Надо все записать! Ничего не упустить! Это такое грандиозное явление!!! Новый вид растений, понимаешь? Незведанный!

Я оглядела его с сомнением. Тут мир рушится, а этот ненормальный листочки описывает. Нет, магов мне не понять! Повернулась и пошла дальше, решив, что и сама найду дорогу.

— Целительская в конце коридора, — вслед мне крикнул парень. — Слушай, а может, ты еще понюхаешь? У меня нос заложен...

— Ага, на обратном пути, — буркнула я.

— Я тебя ждать буду! Я — Ник!

— Лея, — махнула я рукой и ушла.

На двери целительской был изображен лист клевера, и я потеряла руки, остановившись перед ней. Что я скажу магистру? Но подумать не успела, потому как створка распахнулась, являя Райдена. Он был бледен, но глаза ясные. Под тонкой рубашкой виднелась перевязка.

— Входи. — Маг распахнул дверь, пропуская меня.

Внутри больше никого не было, и мне стало слегка неуютно. словно почувствовав мою скованность, магистр отошел к окну, присел на подоконник.

— Разве вам уже можно вставать? — глупо спросила я.

Он криво улыбнулся.

— Не знаю. Я не спрашивал. — Он помолчал, внимательно рассматривая меня, и под взглядом зеленых глаз стало не по себе. Но голову я не опустила, напротив, подняла еще выше, твердо глядя в глаза магистра. — Расскажешь, что произошло в обители? — Вопрос прозвучал мягко, словно он не приказывал, а просил.

Я нахмурилась. Говорить не хотелось, но я понимала, что магу нужны эти сведения. Очень сухо и без эмоций я рассказала ему все, что со мной случилось. Скрывать смысла не было. Я поведала о том, как вытащила Шариссара из Оххарона, и о том, как меня коснулась Искра. И то, как вернулась, поверив Темному, тоже сказала — по возможности равнодушно. Смотреть в глаза Райдену не стала, стояла, упершись взглядом в стену. А когда замолчала и в комнате повисла тишина, я все-таки повернула голову и вздрогнула. Во взгляде магистра было такое откровенное бешенство, что я попятилась.

— Понимаю, вас злит, что я не смогла пожертвовать собой и умереть, — выдавила я. — Но вы могли бы мне рассказать! Подготовить... Знаете, это трудно — в один миг согласиться на смерть ради спасения мира! Я просто хотела жить, понимаете?

Он глубоко вздохнул, но ярости в глазах меньше не стало. Лишь добавилось удивление.

— Я не виню тебя, Лея, — резко бросил магистр. — А злюсь... не из-за того, что ты вернулась.

Он отвернулся к окну, замолчав. Я неловко переступила с ноги на ногу.

— Искру можно возродить? — несмело спросила я. Райден покачал головой и вновь посмотрел на меня. Теперь его лицо было спокойным, а глаза пустыми и ничего не выражающими.

— Я не знаю. Мы будем пытаться.

— Магистр Райден, — я шагнула ближе, — понимаю, что в ваших глазах я предательница, которая не смогла пожертвовать собой ради Пятиземелья. Вы правы. — Я на миг зажмурилась. — Так и есть. Я предательница и... трусиха. Я испугалась... Я слишком сильно хотела жить. Хотела... любить. Наверное, я не имею права вас просить... но... я не знаю, к кому еще мне обратиться! Моя сестра... Шариссар... Он сказал, что ее забрал Чер Лерой! Забрал в Оххарон! — Я подошла совсем близко, заглядывая мужчине в лицо. — А мои способности пропали. Я больше не могу войти в Отражение. Но мне нужно туда попасть! Вы не могли бы... не могли бы открыть мне портал? Вы ведь это умеете...

Он сжал зубы.

— Нет, — коротко отрубил Райден. — Я не могу это сделать. Я просто не могу, Лея. Ты просишь меня своими руками сконцентрировать остатки силы и пробить проход к врагам. Сейчас, когда Хандраш и так ослаблен... прости. Я... знаю, что Лерой не причинит вреда Незабудке. Я его знаю.

— В последний раз я видела его, когда он атаковал вас этими жуткими ар-нори! — резко бросила я. — И вы говорите, что знаете этого... человека? Не думаю, магистр.

— Меня — да. Но не ребенка, — спокойно возразил маг. — Тем более не своего ребенка. Я не верю, что Лерой предал вас с Сиерой.

— Он не появлялся ни разу за всю мою жизнь! — Я сжала кулаки. — Никогда! Да мы... мы постоянно убегали, прятались, голодали... а он! Он, магистр Искры, ни разу нам не помог! — Давняя боль выплеснулась злым криком. Я глубоко вздохнула, беря себя в руки. И продолжила уже спокойно: — А вы утверждаете, что Чер Лерой не предатель? Что он желал нам с Незабудкой добра? Простите, не верю. Я не собираюсь обманывать себя сказками о добром папочке, который позаботится о нас. У Сиеры есть только я. И я ее найду. Чего бы мне это ни стоило!

Райден смотрел на меня как-то странно.

— Мне жаль, Лея, — тихо сказал он. — Жаль, что тебе пришлось стать такой...

— А мне — нет. — Я высоко подняла голову. — Если вы не откроете портал, тогда придется подождать, пока Оххарон сам к нам явится. Это ведь уже происходит.

— Я не думаю, что Темные захотят полного слияния наших миров, — вздохнул Райден. — Скорее, будут использовать как источник ресурсов. И рабов. Сейчас они ждут полного исчезновения Света, и нам надо использовать это время, чтобы подготовиться.

— К чему?

— К нападению. Меня беспокоит, что Хандраш отделен от остального мира, войска сюда доберутся не скоро. Мы всегда полагались на силу Искры. И не думали, что все произойдет... так. — Он бросил на меня быстрый взгляд. И добавил тихо: — Я тебя не виню, Лея.

Я отвернулась, не желая смотреть на него. Магистр сделал ко мне шаг и застыл, о чем-то напряженно думая.

— Твои способности Отражения пропали? Ты уверена?

Я кивнула.

— Кажется, у меня вообще не осталось никаких способностей, магистр. Почему это произошло?

— Возможно, свет Искры их просто выжег в тебе, Лея. Увы, я не могу сказать точнее. Сама понимаешь, у ковена всегда было лишь два варианта: либо мы находим Отражение и она становится Искрой, либо... не находим. Никто и никогда не возвращался, как ты. Я даже не знаю, кто ты теперь.

— Никто. — Я сжала зубы. — Как обычно.

Он подошел еще ближе и склонил голову, рассматривая меня...

— Я хочу кое-что проверить, Лея. Ты не могла бы... потерпеть?

— Что потерпеть? — не поняла я.

Сделав еще шаг, магистр положил ладонь мне на затылок, вторую руку на талию и притянул к себе. Осторожно. Медленно. И замер, ничего больше не делая. Я тоже застыла, не совсем понимая, что происходит, и готовясь отпрыгнуть в любой момент. Я почти упиралась губами в его грудь и видела, как бьется синяя жилка на напряженной шее мага. Мужская ладонь на моем затылке не двигалась, но мне казалось, еще минута, и он сожмет руку в кулак, схватит меня за волосы. Но ничего так и не произошло. Райден просто отодвинулся и отвернулся к окну.

— Ты можешь идти, Лея, — безразлично бросил он.

Я кивнула, но поняла, что он все равно не видит, и просто молча ушла, тихо прикрыв за собой дверь.

В коридоре меня ждал лохматый Ник.

— Ну, чего ты так долго, — недовольно протянул он и сразу сунул мне под нос какой-то цветок: — Чем пахнет?

— Медом, — буркнула я.

— Точно! — обрадовался парень, хватая меня за руку. — Идем, там уже все собрались, а я тебя жду!

— Где собрались? — не поняла я. — И зачем ты меня ждешь?

— Как это — зачем? Мне же нужно описать целый мешок растений! А у меня нос заложен! Катастрофа! Будешь нюхать и мне рассказывать!

Я хотела возмутиться, что ничего нюхать не собираюсь, но вихрастый уже потащил меня куда-то.

— В главном зале сейчас собрание, там сам Зрячий говорить будет. Надо послушать!

С этим я согласилась и потому позволила протащить себя по коридору до широкой лестницы. Вообще, центральное здание Академии сильно отличалось от нашего крыла, где жили хранительницы с ученицами. Здесь было просто потрясающе, и в другое время я стояла бы, открыв рот и созерцая огромные люстры, бесконечные лестницы, открытые галереи с портретами магистров прошлого, фонтанчиками с питьевой водой, бьющей из искусно вылепленных пастей животных, и мелькающие разноцветные мантии учеников, что пробегали мимо. Главный зал тоже впечатлял своими размерами, и я впервые увидела, сколько в Академии магов. Оказывается, довольно много.

В Хандраш обучались целители — они носили зеленые мантии, бытовики, которых было больше всего — в коричневых, несколько человек в синей ткани — это говорящие с умершими, и отдельно сидящие серьезные маги в черных одеждах — боевые маги. Это те, в ком уровень силы максимальный и кто способен использовать ее для защиты Пятиземелья. Арви тоже сидел с ними и помахал мне рукой. Мои подруги были в другом конце зала, вместе с хранительницами в белых одеждах, но пробираться к ним я не стала, усевшись с краю вместе со своим новым знакомым.

— А почему у тебя мантии нет? — слегка рассеянно спросила я, оглядывая гомонящую, вертящуюся и шепчущуюся толпу.

— Дома забыл, — буркнул Ник. — Смотри, Зрячий идет.

— А почему он Зрячий?

— Грядущее видит. Суть вещей.

Я фыркнула. Тоже мне прорицатель. Не смог увидеть и предотвратить угасание Искры!

— Грядущее изменчиво и вариативно, это все знают, — заумно протянул Ник, угадав мои сомнения. — И видеть его — не означает менять! На изменение провидцы не способны. Это может только Искра.

— А зачем тогда вообще надо его видеть? — изумилась я. — Если ничего нельзя изменить, то толку от этих предсказаний?

Магистр тем временем вышел на помост, его голос магически усилился, доносясь до слуха каждого в этом огромном зале. Прежде всего маг призвал не поддаваться панике и сохранять спокойствие, объяснил, что магистры все уладят и ученикам следует внимательно слушать наставников...

Я слушала как раз невнимательно, рассматривая зал и погрузившись в свои мысли. Зрячий мог обмануть любого из присутствующих, но не меня. К сожалению, я точно знала, что происходит и что это не «временное явление». Это казалось невероятным: еще утром я почти умерла и чуть не стала Искрой, а сейчас вот сижу здесь, в зале Академии, понимая, что для большинства все осталось по-прежнему. Просто странное утро, но кто в Хандраш удивляется странностям? Моя жизнь разлетелась на куски, от меня осталась груда осколков, весь мой мир, чувства, сознание, вся я целиком умерла и воскресла, изменилась безвозвратно, а кто-то рядом со мной сидит и зевает, раздумывая о том, что подадут на обед!

Невероятно, но день, навсегда изменивший меня, для кого-то стал просто еще одним днем. Я усмехнулась. А ведь еще вчера я была Отражением. Еще утром — почти Искрой. А к обеду стала просто оболочкой, наполненной лишь горечью и тревогой. Да, с такой скоростью

изменений моей жизни даже страшно думать, что мне принесет ночь.

И снова пришли воспоминания, что я так упрямо гнала от себя... О мужском теле, что прижимало меня к полу, о губах, что целовали с такой страстью, лишая меня воздуха... Боги, как же мне хотелось не думать об этом! Стереть из своей памяти навсегда! Но мне казалось, что все вокруг напоминает о нем. Я смотрела на черные мантии и видела темные волосы Шариссара. Отворачивалась к стене, и в мерцании светильника чудились его черно-синие глаза. Я делала вдох и ощущала запах его тела, что заставлял меня сжимать кулаки до боли!

— Эй, ты чего побледнела? — Ник дернул меня за рукав.

— Ничего. — Я попыталась сосредоточиться на словах магистра.

— ...с сегодняшнего дня вводится обязательная боевая подготовка для всех учеников Хандраш. — Часть речи я пропустила и не сразу поняла, о чем говорит маг. — Это касается всех направлений и факультетов.

— Девушки тоже будут учиться драться? — изумилась высокая красавица в зеленой мантии. На скамьях целителей произошло волнение, они встревоженно переглядывались.

— Да, — твердо ответил Зрячий. — Вы не ослышались, Виола. Боевая подготовка коснется всех учеников Академии. И начнется уже сегодня. Точнее, прямо сейчас вы должны явиться на тренировочное поле.

Теперь зашумел весь зал.

— Ого, — присвистнул Ник. — Значит, дело плохо. И войны не миновать.

Я с подозрением уставилась на лохматого худощавого паренька.

— Слушай, а ты с какого факультета?

— Знаешь, а мне бежать пора. — Ник вдруг вскочил, подхватив свой мешок с травой. — Еще увидимся, Лея!

— Кто это был? — Ко мне пробрались Полина и Рин. Магистр свою речь закончил, и ученики расходились, активно обсуждая новости.

— Просто знакомый... Слышали, что сказал магистр?

Мы переглянулись, обменявшись понимающими взглядами.

По молчаливому соглашению было решено не распространяться об утренних событиях.

— Девочки, чего застряли? — к нам подошла Тисса. — Всем велено явиться на тренировку.

— Хорошо Камилле, ей разрешили остаться в комнате и отдохнуть, — тихонько вздохнула Полина. И с сомнением осмотрела свое пухленькое тело. И снова вздохнула.

Я ободряюще похлопала ее по руке, и мы покорно пошли за Тиссой.

* * *

Если мы ожидали какого-то легкого занятия, например, пробежки, то сильно ошиблись. Тренировочное поле боевых магов представляло собой полигон с самыми разнообразными мишенями, снарядами, траншеями, какими-то кольцами и ужасающими орудиями. Полина в голос застонала, увидев все это. Впрочем, не только она. Целительницы громко возмущались, отказываясь участвовать в этих «пытках». Только слушать их не стали, мрачный темноволосый парень просто раздал девушкам арбалеты и, окинув их хмурым взглядом, велел стрелять.

— Приказ магистра, — безразлично бросил он девушкам.

Златовласая целительница Виола, поджав губы, натянула тетиву, и ее стрела улетела куда-то в небо. Из рядов зрителей донеслись смешки. Виола отчаянно покраснела.

— Ой, ну кто доверил арбалет девчонкам? — ехидно бросил из толпы парень в коричневой мантии. — Они же только и умеют, что травки перебирать! Лучше бы на кухню их отправили,

печные горшки чистить!

Парни дружно захохотали. Вернее сказать — загоготали, отчего бледные и растерянные целительницы совсем сникли.

— А ну, дай сюда. — Тисса отобрала арбалет у Виолы, прищурилась, рассматривая мишень. И резко спустила стрелу. Парни, образовавшие за спинами круг наблюдателей, молча проследили ее полет и попадание в центр мишени. Не останавливаясь, Тисса спустила все десять стрел почти без перерыва, так быстро, что мы успели сделать лишь два вдоха.

За спинами повисла тишина, а потом кто-то восхищенно присвистнул.

— Вот это да!

Все десять стрел дрожали в самом центре мишени.

Тисса обвела парней хмурым взглядом и вернула арбалет Виоле.

— А теперь пусть кто-нибудь еще раз скажет, что место женщины у печных горшков!

Целительницы смотрели на охотницу, открыв рты в немом восхищении, впрочем, парни примерно так же. Темноволосый маг одобрительно улыбнулся и отошел. Виола склонила голову.

— Научишь? — спросила она, Тисса кивнула.

Мы сбились толпой вокруг кареглазой, по очереди пытаюсь справиться с арбалетом. На десятой попытке я сдалась. У меня ничего не получалось: стрелы уходили куда угодно, только не к мишеням, кажется, они жили какой-то своей особой жизнью, не зависящей от меня. Так что Тисса очень осторожно посоветовала мне попробовать что-то другое.

Попробовать довелось всем и всё. До самого вечера нас гоняли по полю, заставляя стрелять, метать нож, бегать, отжиматься, строить баррикаду и отражать удары в рукопашном бою. Мы ничего из происходящего не понимали, как и большинство учеников, и уже тихо ненавидели отряд боевых магов, что методично и безжалостно нас истязали. Они наблюдали, кто и в чем проявляет успехи, и делали пометки в длинных свитках.

— Я сейчас умру, — простонала Полина, падая на землю после пробежки. — Зачем только я сошла с корабля?!

Я промолчала, пытаюсь отдышаться. Строгий маг, наблюдающий за нашей группой, на меня посматривал неодобрительно. Я хорошо бегала, была довольно вынослива, но и только. Во всем же остальном оказалась совершенно не приспособлена к боевым искусствам. После арбалета был нож, который улетел как раз в сторону этого мага, хорошо, он стоял под магическим щитом. После ножа — длинные клинки, и я умудрилась порезать сама себя, запутаться и упасть, лишь чудом не напоровшись на острие. Дротики, двойные сайкуры, палки с цепью — я лишь пугалась, когда видела все это. А в рукопашном бою просто не могла заставить себя кого-то ударить. А когда на меня нападали, сжималась и закрывала глаза, чувствуя себя просто ужасно.

Один раз я заметила на возвышении красные волосы магистра Райдена — он наблюдал за полем, разговаривая со Зрячим. Маг посмотрел в мою сторону, и я отвернулась, скривившись. Представляю, какая убогая картина в моем лице ему открылась.

— Элея, ноль по всем показателям, — объявил мне наставник. — Даже не знаю, в какую группу тебя определить.

— В группу неудачников, — буркнула я. А что, ноль по всем показателям — это как раз про меня! Даже Полина, которая все время плелась в самом конце, преобразилась, получив в руки метательные дротики. Легкие заточенные палочки она швыряла с удивительной точностью. Я же только вздыхала.

Боевой маг смерил меня убийственным взглядом и отпустил. Я устало поплелась к крылу хранилищ, уже привычно обходя возникшие тут и там чужеземные кусты и качая головой. Да уж, день выдался... занимательный. Во всех смыслах.

Девушки так устали, что даже в купальне все мылись тихо и быстро, мечтая лишь доползти

до кроватей.

— Может, пойдешь к нам в спальню? — спросила Ринка. Я покачала головой. Мне хотелось остаться одной.

В комнате, что мы делили с Незабудкой, было тихо и пусто. Я легла на кровать не раздеваясь, лишь ботинки скинула. И уткнулась носом в подушку. Я очень старалась не плакать, боясь, что девочки услышат и прибегут меня утешать. А видеть никого не хотелось. Внутри меня все дрожало, словно там тоже натянулась тетива, готовая лопнуть. И помимо страха за сестру там было слишком много другого чувства. К тому, кого я даже мысленно не хотела называть по имени.

Я запрещала себе это, выбрасывала из головы, но как трудно было заставить себя не думать! В купальне девочки обратили внимание на мои синяки и красные пятна на шее и груди, пришлось сказать, что от тренировки. Поверили. Только Тисса нахмурилась да Камилла посмотрела задумчиво.

Еще заставить бы и себя поверить.

Не получалось.

Элея

Белая Башня трещала по швам, словно сказочный великан решил поиграть новой игрушкой и выдрать ее из скалы, на которой она стояла.

По ступенькам мы просто скатились, вниз, в мраморном зале, пол встал на дыбы. Между плитами зияли трещины и земля, а сами плиты двигались, норовя скинуть нас в раскрывающиеся провалы. Из одного магистр меня просто выдернул за шкурку, так что я порадовалась, что камзол у мага из крепкой ткани.

Мы вывалились из арки, когда она треснула и сложилась пополам, будто была сделана из бумаги.

— Не останавливайся! — прохрипел магистр, не давая мне обернуться и продолжая тащить в сторону от Обители Искры.

Вернее, бывшей Обители.

Потому что Искры больше не было.

Магистр Райден не остановился, пока мы не выскочили на берег бухты. Сзади все еще скрипело и бухало, что-то рушилось и ломалось с душераздирающим треском. И только на берегу маг коротко выдохнул и отпустил мою ладонь, которую сжимал все это время. И согнулся, зажимая рану в боку. Кровь из нее уже залила его рубашку и штаны, даже в сапоге у магистра хлюпало.

— Беги в сторону пристани, Лея. — Он скривился, не глядя на меня. — Там корабль. Скажи капитану подготовить судно к отплытию. Иди!

Я отбежала на несколько шагов. Остановилась и развернулась. Магистр стоял на песке, зажимая свою рану.

— Надо перевязать, — сказала я, возвращаясь. Он поднял голову. Зеленые глаза потускнели, их заволокла мутная пленка, как бывает у людей перед тем, как провалиться во тьму. Лицо побелело, а на лбу выступила испарина, даже красные волосы прилипли к вискам.

— Иди, я сказал! — он выдавил слова сквозь зубы.

Я посмотрела ему в лицо и со всех ног бросилась в сторону подлеска. Я торопилась, хотя и старалась не паниковать. Вернулась — маг стоял на коленях, зубами пытаясь оторвать кусок от своей рубашки. Я на ходу засунула в рот траву, которую набрала в подлеске, тщательно ее

разжевывать.

— Я же тебе сказал... — Райден поднял голову.

— Я вам помогу.

Выплюнула на ладонь измельченную траву.

— Уж простите, выглядит не очень, но кровь останавливает. Не шевелитесь, магистр Райден. — Я отвела его руку. Подняла голову, заглядывая в помутневшие глаза. — Прощу вас.

Он коротко вздохнул, но позволил мне наложить смесь травы и слюны на его рану. Я постаралась скрыть испуганный вздох, увидев то, что он закрывал рукой. Рана была глубокая, с неровными, рваными краями. Удивительно, что он до сих пор на ногах стоит.

Магистр дышал короткими хриплыми вдохами. Я быстро дорвала его рубашку и перевязала мага, стараясь действовать осторожнее.

— Спасибо, — выдавил он.

Я взглянула ему в лицо.

— Те маги, что выступали против вас, черноволосый и толстяк, упали в туман.

Райден со злостью прошипел что-то сквозь зубы, прикрыл глаза.

— Надо добраться до Академии, — твердо сказал он, — и вывести учеников. Хранительниц. Прислугу... всех. Дать сигнал о бедствии, нам нужны корабли.

Я обернулась туда, куда старалась не смотреть. Белой Башни больше не было. На скале теперь лежали руины, но и они медленно таяли, а на их месте появлялись хрустальные стены. Пока они были призрачными, дрожащими в свете утра, но скоро...

— Что теперь будет? — тихо спросила я.

— Пока в Пятиземелье разлиты остатки светлой силы, Оххарон не завладеет нашим миром. Но...

Он не договорил, не было нужды. Я и так это понимала. Светлая сила закончится со временем, или ее станет так мало, что Оххарон окончательно завладеет Пятиземельем. И не успела я подумать об этом, как рядом с нами появился куст с жесткими и мелкими темно-синими листочками и длинными колючими шипами. Кусок другого мира размером с шаг, что оказался рядом. Я осторожно потянулась к растению. Оно выглядело вполне реально, не призрачно, плотным и ярким, с пряным запахом.

— Не трогай. — Райден вскинул голову. — Это может быть опасно. Мы мало знаем о фауне Оххарона. Идем, Лея.

— Вы уверены, что сможете идти?

— Да. Я пока не могу наложить исцеляющее заклинание. Нужно... время. Спасибо тебе. — Он посмотрел мне в глаза долгим, пристальным взглядом. Я глаза не опустила. — Мне надо узнать, что случилось в Башне. Чтобы решить, есть ли вероятность возродить Искру.

— Я расскажу вам, — ответила я, хотя слова дались с трудом.

— Позже. Сначала нужно помочь людям. — Он вздохнул и медленно пошел по песку, чуть подволакивая ногу.

— Обопритесь на меня, — твердо сказала я, догоняя мага. Взглянула твердо. — Обопритесь, магистр Райден, ну же! Здесь нет ущемления вашей мужской гордости! Так мы дойдем быстрее...

— Да какая гордость... — пробормотал он. — Я тяжелый.

— А я сильная, — и хмыкнула, обнимая его за пояс для равновесия.

— Я заметил.

Не знаю, сколько времени мы добирались до здания Академии, но на подходе нас заметили с башен и навстречу выбежали люди с полотняными носилками. Кто-то подхватил Райдена, рядом тут же возникла Оливия. Волосы хранительницы, всегда уложенные в четыре аккуратные косы, сегодня были растрепаны, но, кажется, она не обращала на это внимания.

— Несите магистра в целительскую, — распорядилась она. — И осторожнее.

А когда женщина отвернулась, я прижала ладонь ко рту. На ее спине не было крыльев. Остались лишь обугленные остовы, проглядывающие сквозь прорехи в платье, словно они сгорели. Хотя почему «словно». Они наверняка сгорели, когда Искра погасла.

Но я не увидела на лице Оливии слез, напротив, женщина решительно сжимала зубы, отдавая распоряжения, и я невольно прониклась к ней уважением.

В стенах Академии царил хаос. Одна из башен рухнула, к счастью, нежилая. На ее месте сейчас возвышалась скала, которой не было еще вчера. Она была черная, покрытая бурым мхом и камнями, на которые вылезали треххвостые ящерицы и смотрели на нас почти с таким же изумлением, как мы — на них.

— ... собрать жезлы... в круг. Собрать силу. Установить магический барьер взамен старого, нужно новое заклинание. — Райден сипло отдавал приказы маленькому сморщенному старичку. Кажется, это был один из наставников Академии. — ...все артефакты... Найдите точки наибольшего проникновения...

— Алларис, прошу вас! — почти простонала Оливия. — Надо наложить на вас исцеляющее заклинание!

— Позже! — отмахнулся Райден. — И надо беречь силу света.

— Но не такой же ценой! — всплеснула руками хранительница. — Дорган, да скажите же ему!

— Я наложу. — Старичок решительно положил ладони на магистра. Тот поморщился, не переставая отдавать приказы. Я отстала, решив, что моя помощь больше не потребуется. Но магистр замолчал и повернул голову. Кажется, хотел что-то сказать, но толпа магов загородила его от меня.

Я осталась на дорожке, глядя вслед носилкам.

Думать не хотелось. Совсем. Стоило на миг остаться в тишине и одиночестве, как навалились воспоминания. Они падали на меня, словно огромные камни: тяжелые, гранитные, придавливающие к земле и грозящие похоронить меня заживо.

— Ну, нет, — прошептала я, сжимая кулаки. Закричала, поднимая голову: — Нет!!!

Я не буду об этом думать. Я не буду вспоминать. Я сотру из памяти и сердца его черносиние глаза, тело, придавливающее меня к полу, слова, произнесенные с равнодушной улыбкой. Я пойду дальше, перешагнув это! Потому что мне надо вернуть Незабудку.

Мысли о сестре снова сжали сердце паникой и тоской.

— Найду, — выдавила я. — Я найду тебя, Незабудка. Только не бойся...

* * *

Шариссар

Темный коридор исчез, оставляя его на земле Оххарона. Паладин откинул голову и глубоко вдохнул привычный запах сырых деревьев, цветущего озель-иса и пепла костров.

Он вернулся.

И вернулся с победой.

Черное тавро, выжженное на его коже, разорвало ткань миров, открывая для паладина путь в Оххарон. Он мог вернуться в любой момент, но знал, что вернется лишь тогда, когда Искра будет уничтожена.

Что ж, он это сделал.

Впереди высилась стена крепости Колючего Острога, и паладин осмотрелся. Он должен был попасть в королевский дворец, так почему оказался здесь? Очевидно, смещение реальностей нарушило метки призыва и сместило точки выхода.

Ну, что ж, может, это и к лучшему. К королеве он еще успеет.

Шариссар шагнул к защитному контуру, готовясь проверить оборону своих воинов. Он не думал о том, что оставил за спиной. Вернее, кого. Испуганную и растерянную девушку с разноцветными глазами. Он не хотел думать о ней, хотя ее аромат все еще был на коже паладина, ласкал его обоняние, напоминая, дразня и заставляя жадно принюхиваться.

Многоликий Мрак! Он не насытился. Того короткого совокупления, что у них было, не хватило, чтобы удовлетворить его похоть. Он хотел продолжения. Длительного, яростного, с бесконечным ощущением ее вкуса, ее рук и тела. Шариссар облизнулся, ощущая, как пересохли губы.

И потряхнул головой.

Желания тела ничего не значат.

А он не жалел. Война не знает слова «жалость». Важны лишь победа и сила. Первое правило, которое он крепко запомнил. Вернее, не так. Которое в него вбили.

Стражи сработали слаженно. Его окружили, как только Шариссар дошел до стены, взяли в оцепление.

— Свободны, — усмехнулся Шариссар. Стражи прижали ладони к груди, приветствуя своего командующего. А когда паладин прошел через мост, ему навстречу тут же кинулся верный Айк.

— Мой господин! Рад вашему возвращению.

— Я тоже, — кивнул Шариссар. — Расскажи, что произошло во время моего отсутствия. Много было прорывов? Каковы потери?

— Много. За десять дней полог разрывался пять раз, и один раз атаковали с тыла Ящеры. Но мы им крылья подпалили, они нашу сеть надолго запомнят! — Айк рассмеялся, сверкнув белоснежными зубами.

— Значит, сеть сработала? — уточнил Шариссар.

— Еще как, мой господин! Поджарились крылатые, а еще говорят, что Ящеры не горят! Пылали, словно сухие головешки!

Паладин слегка улыбнулся. Они прошли во внутренний двор замка, и глаза паладина обозрели привычную картину. Было утро, а значит, время тренировки. Две шеренги стражей бились на харранах — изогнутых зазубренных клинках. Все в человеческой форме. Один не сдержался и обратился, огласив двор утробным рыком. И тут же получил огненной плетью по спине. В воздухе запахло паленой кожей и мясом, черный зверь яростно обернулся к Карающему, опускаясь на четыре лапы и оскаливаясь. Но тот лишь вновь поднял длинные, горящие алым пламенем плети. Два багровых росчерка в воздухе — и спина зверя украсилась пересекающимися ожогами.

— Араор плохо себя контролирует, — констатировал Шариссар, наблюдая представление. — Обращается неосознанно и трудно возвращается. К тому же почти не реагирует на боль. — Тот, кого звали Араором, ревел, бросаясь на Карающего, разрушая стройные ряды стражей. Сверху на него упала живая сеть, ее концы натянулись, вращаясь в землю и удерживая внутри огромного бьющегося зверя. Паладин отвернулся. — Если он не исправится в ближайший месяц, готовьте его к загонам.

Айк чуть заметно поморщился и кивнул. «Загон» — страшная участь для любого оххаронца. Туда попадают те, кто теряет разум, в ком преобладает зверь. Но и такие особи служат на благо королевства, в основном в качестве убойного мяса, которое кидают в первых рядах во время атаки. Голодные звери несутся вперед, не чувствуя боли или страха, они видят лишь добычу, кровь, еду. Неразумные и свирепые, они одним своим безумием способны повергнуть противников в ужас, заставить его отступить.

— Будет сделано, мой господин, — кивнул Айк.

Карающие и наставники заметили приближение высшего паладина и отдали приказ. Стражи мгновенно прекратили бой и слаженно прижали ладони к груди, приветствуя дарей-рана Оххарона. Шариссар повторил их жест, внимательно всматриваясь в повернутые к нему лица.

— Продолжайте.

Пошел к массивной замковой двери, размышляя, чего хочет больше — принять ванну или поесть. Пожалуй, ванну. С хвойным дегтем и травами, чтобы избавиться от запаха. Чтобы смыть его с себя, а не втягивать жадно вновь и вновь, желая лизнуть языком в надежде ощутить и вкус. Шариссар нахмурился и распорядился. Верный Айк понятливо кивнул, но от паладина не укрылось, что и он втянул воздух, не сдержавшись. Значит, тоже ощутил аромат девушки, что был на господине. И этот аромат оруженосцу явно понравился: его зрачки мгновенно сузились.

— Готовь купальню, Айк! — рявкнул Шариссар. Удовольствие от возвращения сменилось злостью. — И если ты еще раз принюхаешься, останешься без ноздрей.

Айк сглотнул. Он великолепно знал, что паладин не бросается пустыми угрозами. И даже дышать перестал, опасаясь спровоцировать своего господина.

— Будет исполнено, — придушенно выкрикнул он и бросился по коридору, но вспомнил, что не все сообщил, и вернулся.

— Мой господин, прошу простить, но утром мы взяли пленного. Кажется, светлый маг. Что прикажете...

— Позже, — раздраженно махнул рукой паладин, и Айк снова унесся.

Шариссар прошел в свои покои, раздеваясь на ходу и швыряя вещи на пол, хотя у него не было такой привычки. Но сейчас ему хотелось содрать с себя все, чтобы не чувствовать этот запах. Даже собственная кожа раздражала. Он налил себе вина, ожидая, пока наполнится горячей водой прозрачный пузырь в купальне. Его вырезали из тела гигантского морского гада, и его размеры позволяли плавать внутри взрослому мужчине. На воздухе мягкий пузырь застывал, становясь прозрачным, но непробиваемым. Так что отверстия для входа и залива воды в нем делали заранее. Такие пузыри могли позволить себе лишь члены Темного Двора, обычные оххаронцы обходились деревянными лоханями. Пузырь уже заволокло от пара, когда Шариссар вошел. Замковый маг склонился перед господином и показал белые ладони — доказательство безопасности воды. Паладин залез в пузырь и кивнул, отпуская мага.

— С возвращением, господин. — Маг снова склонился и попятился к выходу. — И позвольте принести вам свои поздравления.

Паладин лег и закрыл глаза, отдаваясь объятиям воды.

— С чем же? — лениво спросил он.

— Ну, как же... — Маг улыбнулся. — С избранницей, конечно.

— Что? — Шариссар повернул голову, а маг побледнел, увидев лицо паладина. Отступил назад, надеясь сбежать.

— Ну, как же, — неуверенно пробормотал он. — Избранница... У вас метка... Связь... Образовалась...

Шариссар повернул шею, пытаясь рассмотреть свою спину и правое плечо. Темные глаза стремительно краснели, а маг попятился, проклиная собственный язык.

— Зеркало! — рявкнул паладин.

Маг торопливо сотворил зеркало высотой в человеческий рост, потратив почти весь свой резерв и молясь Великому Мраку, чтобы этот день не стал последним в его жизни.

Сузившимися, пылающими углем глазами высший паладин Оххарона смотрел на черный знак, проявившийся на его коже. Метка была бледной, может, поэтому он ее не почувствовал? Или так привык к боли, что не обратил внимания на жжение?

— Убирайся, — сквозь зубы выдавил Шариссар, и маг, испуганно поклонившись, поспешил уйти. Уже за дверью он подобрал полы своего длинного темно-синего одеяния и припустил бегом. Звон разбитого зеркала и яростный рев господина заставили его бежать со всех ног.

* * *

Элея

Первым делом я бросилась в свою комнату. Честно говоря, я все ещё испытывала надежду, врываясь в здание Академии, — все чудилось, что из-за угла покажется смеющееся личико Незабудки... но здесь было тихо и пусто — ни хранительниц, ни учениц.

Я метнулась к шкафу и выхватила осколок зеркала, завернутый в тряпицу. Чем чище отражающая поверхность, тем легче войти в Зазеркалье. Впрочем, надо называть вещи своими именами. В Оххарон. Мне надо было войти в Оххарон.

Уставилась на свое отражение, с отстраненностью отметив белую прядь в волосах и бледное лицо. Но внешняя красота меня сейчас не волновала. Хотя она меня вообще никогда не волновала. Успела рассмотреть каждую свою ресничку, нос, губы и крапинки в глазах, все до мельчайших подробностей, и в раздражении отбросила осколок. Переход не открывался. И с чем это было связано — я не знала.

Что ж... Значит, надо найти другой путь. Я быстро намочила холстину и привела себя в порядок, упрямо прогоняя мысли о том, что произошло в Обители. Не буду об этом думать. Не буду. Не сейчас.

Выхватила свое серое платье, торопливо его натянула, сунула ноги в ботинки и завязала волосы в хвост. Глубоко вздохнула, как делала всегда перед обращением. Вздохнула еще раз. И... ничего. Мое тело осталось неизменным, не желая принимать форму свободной и дикой кошки. Сколько я ни пыталась, обратиться мне так и не удалось.

Значит, это теперь в прошлом... Честно говоря, хотелось сесть в угол и разреваться, как маленькая Незабудка, но воспоминание о сестре привело в чувство. Я лишь ударила ладонью по стене, ободрав кожу и радуясь этой боли.

А потом выбежала из замка и со всех ног помчалась к пристани. Со всех сторон я видела куски другого мира, проникающего в наш. Сразу напротив двери появилось дерево. Его корни вывернули четкую брусчатку внутреннего двора и, словно змеи, извивались, вылезая на поверхность. Крона с широкими желтыми листьями покачивалась где-то на уровне третьего этажа, а с ветвей свесилось неизвестное мне животное, завернувшееся в кожистые крылья. Я пискнула от испуга, когда это создание открыло огромные круглые глаза, развернулось и взлетело, натываясь на стены. Кажется, это существо было не меньше моего озадачено новым местом обитания.

Я замечала растения, которых раньше не было, и появившиеся куски слюдяных плит на земле. Один раз мне даже показалось, что в саду проявилось призрачное здание, но стоило присмотреться — исчезло. Я не понимала, как происходит слияние двух миров, но сама мысль,

что однажды можно проснуться, выйти из дома и увидеть совершенно другой мир, ужасала. Мир со своими хозяевами, которые превратят нас в рабов.

Тряхнула головой, стараясь не думать об этом. Молясь, чтобы с магистром Райденом все было в порядке. Мне нужны были хотя бы ответы, и, как ни странно, он пока был единственным, кто мог их дать. На помощь я не рассчитывала, но, возможно, маг подскажет, где мне искать Незабудку и как ее вернуть.

На берег я выбежала, задыхаясь от быстрого бега. Корабль покачивался на волнах, а на палубе застыли в тревожном ожидании девушки.

— Лея! — общий крик вырвался у всех, когда я взлетела на пристань. — Ну, наконец-то!

— Где капитан Дрозд?! — Я прижала ладонь к груди, пытаясь отдышаться! — Мне нужен капитан!

— Здесь я, красавица. — Старик перевесился через борт палубы.

— Капитан Дрозд! У меня послание от магистра Райдена! Вы должны срочно отправиться на землю и привести другие корабли! — Я набрала побольше воздуха, глядя на бледные лица, что смотрели на меня сверху. — Искра погасла... Надо вывезти всех с Рифа, магистр сказал, что здесь наибольшая вероятность соприкосновения с Оххароном.

— О чем ты говоришь? — Ельга свела брови домиком. — Что за бред несет эта сумасшедшая?

Арви помрачнел, как и Тисса. Остальные выглядели недоумевающими, но пока не испуганными.

— Бред какой! — снова фыркнула Ельга. — Искра не может погаснуть, что за чушь? Ты скисших ягод наелась?

— Капитан, вы слышите меня? — Я смотрела лишь в его лицо. И оно на глазах стало еще старше, словно разом прорезались новые морщины.

— Вот, значит, как... Магистр жив?

— Он ранен. — Я махнула рукой в сторону Академии. — Надо вывезти всех учеников, но один корабль с этим не справится. Нам нужна помощь.

— Я тебя понял, девочка, — грустно кивнул капитан и повернулся к команде: — Готовьте судно к отплытию!

— Я остаюсь. — Арви шагнул на мостки, которые уже начали втягивать на «Грозу». — Райдену нужна будет помощь.

— Я тоже, — кивнула Тисса.

— Лучше отправляйтесь на землю, — выкрикнула я. — Здесь слишком опасно!

— А ты?

— Мне надо найти Незабудку, — негромко сказала я.

Тисса внимательно посмотрела мне в глаза, но ничего не сказала. Арви уже спускался по доске. Охотница подумала и пошла за ним, парень покачал головой:

— Оставайся на корабле, Тис. Я найду тебя. Позже... Лея права, в Хандраш становится опасно.

— Ну, уж нет, — весело улыбнулась девушка, — я остаюсь!

Полина нахмурилась и пошла вслед за охотницей, Ринка тоже бросилась за ними. Помявшись у борта, к ним присоединились Летиция и Камилла. А потом с гордым видом спустилась Ельга.

— Ты-то куда? — простодушно удивилась Рин.

— Я сказала, что не вернусь домой без мужа-мага, — отрезала девушка и, вздернув подбородок, прошествовала мимо.

Мы прыснули от смеха, хотя веселье в подобной ситуации и неуместно, но сдержаться

просто не смогли!

Капитан махнул нам рукой и ушел, сокрушенно качая головой и бормоча себе под нос. Паруса поймали ветер, и «Гроза» стала отходить от берега.

— А теперь расскажи, что происходит! — потребовала Тисса. Меня окружили, всматриваясь с напряженным вниманием в мое лицо.

Я невесело улыбнулась.

— Начать надо с того, что нас привезли на Риф в поисках Отражения Света и Тьмы...

Не вдаваясь в подробности и, конечно, упустив свои отношения с Шариссаром, я поведала о сегодняшних событиях. Настолько, насколько сама о них знала. Девушки слушали, открыв рты, в их глазах сменялись неверие, ужас и понимание. Арви стоял молча, и я посмотрела на него:

— Кажется, ты не удивлен?

— Я происхожу из очень древнего рода, Лея, — спокойно ответил парень. — К сожалению, от его величия ничего не осталось. Но некоторые знания сохранились. Мой отец рассказывал мне об Искре и Отражении.

— Но, как же... — глаза Полины наполнились слезами, и она стиснула ладони, — как же мы теперь без Искры? Что с нами теперь будет?

Я промолчала, потому что ответа на этот вопрос у меня не было.

— Смотрите! — воскликнула Летиция, стоящая лицом к морю. Мы слаженно повернулись.

— Мамочки! — прошептала Ринка.

Тисса помянула всех богов, а остальные просто застыли, не веря своим глазам. Из воды поднимались... скалы. Острые черные пики, разрезавшие водную гладь и вырастающие на наших глазах. Часть Оххарона, которой не было раньше... Спокойное море забурлило, пошло волнами высотой с дом, мгновенно превратившись в бушующую и бьющую стихию. Там, где поднимались пики, вода резко скатилась вниз, а потом завертелась воронкой, стремительно закручивая внутрь себя корабль.

Мы видели, как на палубе бегают люди, как кричат, пытаясь противостоять затягивающей их мощи, как лихорадочно убирают паруса, а капитан держит штурвал с решимостью обреченного.

— Они же сейчас разобьются, — побелевшими губами прошептала Рин.

«Гроза» билась о волны, раскачиваясь так, что борта уже черпали воду. Одна из мачт с громким треском обрушилась, вниз полетели сложенные паруса, словно сломанные крылья.

Арви бросился вперед и, упав на колени, принялся вычерчивать на песке какой-то знак. Символ, похожий на пятиконечную звезду, с рядом рун внутри.

— Что ты делаешь?

— Надо попытаться усмирить стихию! Хоть немного! Они разобьются!! — Маг продолжал ползать по песку, вычерчивая линии. — Только у меня мало способностей к управлению... Если бы здесь был стихийник...

Он отчаянно ударил рукой по песку.

«Грозу» швыряло из стороны в сторону, грозя перевернуть в любую минуту.

— Если бы был стихийник, что он должен делать? — тихо спросила Камилла.

— Встать в пентаграмму! — не задумываясь, выкрикнул Арви. — А так я лишь смогу слегка удержать воронку!

Девушка отбросила за спину рыжую косу и решительно ступила в центр нарисованной фигуры.

— Стихийник есть, — сказала она. — Что дальше?

Арви открыл рот, но ответить не успел. Линии пентаграммы вспыхнули огненно-рыжим цветом, таким же, как волосы Камиллы. Мы издали изумленный вздох, а Арви лишь моргнул. И

поставил последнюю точку в рисунке, не тратя время на удивление.

— Подними ладони — они проводники силы! — приказал он рыжей. — Встань удобно. И повторяй за мной: «Сила воды — моя сила. Я — вода, я — глубина, я — тишина и гладь... Я бесконечна...»

Он говорил слова заклинания, а Камилла их повторяла. Сначала тихо и неуверенно. Потом все громче и четче, яростнее, сильнее, приказывая стихии сдаться и уйти, заставляя успокоиться и подчиниться, сливаясь с волной и становясь ею. Теперь светила не только пентаграмма, светила сама Камилла, и этот свет окутывал берег пеленой, отражался бликами в воде, ныряя в нее золотистыми рыбешками.

И море сдавалось. Успокаивалось, умиралось, подчиняясь молодой стихийнице. Воронка пропала, отпуская свою добычу, и «Гроза» медленно стала обходить пики скал. На таком расстоянии нам уже не был виден капитан, но мы все помахали ему руками, прощаясь.

Вспыхнув, пентаграмма погасла, а Камилла упала на песок, тяжело дыша.

— Получилось, — с изумлением, словно не веря самой себе, прошептала она. Повернула ладони, рассматривая их, словно видела первый раз. — У меня получилось!!!

— Ты очень сильная стихийница, — улыбнулся Арви.

— Мать моя охотница, — пробормотала Тисса. — Да уж, удивила, рыжая.

— Подумаешь, — протянула Ельга, демонстративно отвернувшись. А мы рассмеялись — радостно и громко, от облегчения и восторга, что все обошлось, а «Гроза» не разбилась о скалы.

Арви помог Камилле подняться.

— Идем, надо добраться до замка и что-нибудь поесть. У тебя большой резерв, но его надо восполнять.

— Ты мне расскажешь, как это делать? — Она с восторженной улыбкой посмотрела на парня, опираясь на его руку.

— Обязательно, — уверил маг.

Девушки побежали к дорожке, ведущей в сторону Академии, а я заметила взгляд Тиссы на руку Арви, обнимающую Камиллу для поддержки. На миг показалось, что в темных глазах охотницы взметнулось алое пламя. Но Тисса отвернулась и спокойно пошла за остальными. Вздохнув, я отправилась следом.

Незабудка

Незабудка ловила крысу.

Поначалу глупая крыса думала, что это она охотится на обитателей сырой и вонючей ямы, но маленькая девочка, издающая дикие боевые кличи, быстро убедила хвостатую, что она не права.

На самом деле она убедила в этом и саму крысу, и всех, кому не повезло оказаться рядом с чрезмерно жизнерадостной и смелой малышкой.

Чер Лерой, два воина и один молчаливый парень с белоснежными волосами уже несколько часов наблюдали, как Незабудка настойчиво ловит крысу. И начинали сочувствовать этой усатой и хвостатой твари, потому что девочка была неумоима. Она перекрыла вход в нору, безжалостно стащив с магистра его мантию, и теперь гонялась по яме с визгами и воплями, загоняя свою добычу.

— Великий Мрак, да когда же она успокоится? — простонал один из воинов. — У меня сейчас башка лопнет!

— Я ее придушу, — мрачно пообещал второй, и было совершенно неясно, кого именно: крысу или все-таки девочку.

Молчаливый беловолосый парень выдохнул и, решительно шагнув к дыре в стене, выдернул оттуда мантию Лероя. Крыса, пискнув от счастья, юркнула в нору.

На миг в яме повисла тишина. Но обрадоваться пленники не успели, потому что Незабудка обвела всех обиженными глазенками, всхлипнула и заревела. Беловолосый скривился, воины забились подальше в угол, а Лерой неловко попытался успокоить малышку:

— Ну-ну, маленькая, ну, не плачь!

Незабудка сглотнула, набрала побольше воздуха и заревела еще громче.

— Это что, у Темных пытки такие? — мрачно поинтересовался бородатый воин.

— Да они просто садисты, — отозвался второй.

Лерой вздохнул и в очередной раз попытался пробудить свою силу или позвать ар-нори. Но магия не откликалась, а змеевидные сущности были слишком истощены недавней битвой и не показывались. Магистр покачал головой и посмотрел вверх, туда, где бледнело небо, забранное решеткой. Стены ямы были гладкими, словно стеклянными, без единой шероховатости, так что забраться по ним не представлялось возможным. Беловолосый тоже посмотрел, и на его висках и шее блеснула красная чешуя.

Незабудка мигом перестала плакать и заинтересованно уставилась на это необычное явление. Отпихнув магистра, который пытался гладить ее по голове, она метнулась к своему обидчику и ткнула пальцем.

— Покажи! — потребовала девочка, пытаясь рассмотреть в тусклом свете ямы чешую. Ее скрывали длинные белые патлы и высокий воротник рубашки, а сам парень не собирался потакать капризам девочки. Он открыл рот и зашипел, высунув длинный раздвоенный язык.

Незабудка ахнула, застыла и восторженно захлопала в ладоши.

— Покажи еще!!! — радостно запрыгала она.

Лерой оттащил малышку в дальний угол и успокаивающе кивнул блондину. Тот выгнулся, склонив голову, его глаза побелели.

— Она не со зла! — Магистр сжал Незабудку, не позволяя кинуться к шипящему парню. И

поражаясь, что малышка его совсем не испугалась. Даже ему, почтенному магу, стало не по себе при виде этого существа, которого трудно было назвать человеком. А девочка лишь обрадовалась и попыталась его исследовать, словно неведомую зверушку!

— Не обернется, не бойтесь, — бросил один из воинов, но ушел так далеко, насколько позволяло тесное пространство ямы. — Здесь магические ловушки везде. И он вас не понимает. Ящеры не говорят на нашем языке.

Беловолосый перестал шипеть и отодвинулся в дальний угол, туда, куда не проникал тусклый свет. А потом замер там, словно изваяние.

Незабудка, рассерженная, что ей не дали посмотреть на блестящую чешую на шее парня, перестала вырываться и укусила магистра за руку. Тот вскрикнул от неожиданности. Оба воина засмеялись.

— Бойкая она у вас, — похвалил один, с косматой рыжеватой бородой. — Была бы мальчиком, стала бы ратником. — Он поскреб свои космы. — Ну, если бы в плен не угодила, понятно.

— А ватник — это кто? — заинтересовалась девочка.

— Воин, малышка, — пояснил мужчина, усмехнувшись.

— Когда я вырасту, то стану пираткой! — важно пояснила Незабудка. — А не этим вашим ватником! У пиратов целые сундуки блестящих камушков, я видела!

Уточнять, что видела их только на картинках в книжке со сказками, она не стала. И важно обвела взглядом слушателей.

— Я буду плавать на большом корабле под черными парусами и собирать все блестящие сокровища, какие только найду!

— И зачем тебе столько сокровищ? — усмехнулся в бороду воин.

— Не скажу! Надо! Это... секрет!

— А я никому не скажу, — улыбнулся бородатый. Его друг привалился к стене, пытаясь задремать. — Хочешь, дам тебе клятву на сердце?

Незабудка очарованно открыла рот.

— Клятва на сердце? А это очень страшно?

— Очень! Куда уж страшнее!

— Тогда давайте! — подумав, согласилась девочка.

— Клянусь своим сердцем никому и никогда не выдавать секрет, который поведала мне маленькая госпожа! — торжественно изрек воин, приложив руку к груди. — А если расскажу, пусть мое сердце покинет эту грудь навеки!

— У тебя там только пустая утроба, вечно голодная, а не сердце, — хмыкнул его напарник, не открывая глаз. — К тому же ты не веришь в клятвы оххаронцев.

Но Незабудку клятва впечатлила. Она придвинулась ближе к бородатому и прошептала ему на ухо громким шепотом:

— Мне надо очень много сокровищ, чтобы найти своих маму и папу! Если у меня будет много-много блестящих вещей, они вернутся к нам с Леей, и мы будем жить все вместе!

— Отличный секрет, малышка. — Бородатый отвернулся, пряча глаза.

В углу сидел, обхватив голову руками, светлый магистр, и воину показалось, что он издал сдавленный стон.

Шариссар

Шариссар сжал кулаки и уверенно загнал собственного зверя внутрь сознания. Не позволяя себе обернуться и разнести к Вечному Мраку все в этом замке. Он знал, что такое контроль. Он никогда не позволит себе его потерять. Несмотря ни на что.

Теперь ему не нужно было смотреть на свою спину, чтобы увидеть метку избрания. Теперь он чувствовал ее так же ясно, как видел собственные руки, до вмятин сжимающие бронзовый кубок. Паладин заставил себя расслабиться.

Метка. Черные символы, цепочкой пролегающие над его правой лопаткой. Он скрипнул зубами. Очевидно, Многоликий Мрак еще не наигрался судьбой своего заблудшего потомка, раз решил связать его с той, что ни при каких обстоятельствах не может быть парой для Шариссара. Никогда. И ни за что.

Он сделал глубокий вдох, но стало лишь хуже. Потому что вновь почувствовал тонкий женский аромат. Уже почти неуловимый, но он все еще был. И запах девушки с разноцветными глазами заставлял Шариссара жадно втягивать воздух, хотя он и не хотел этого.

— Бред. — Он мотнул головой.

Метка не приговор. Она лишь говорит о том, что звериная сущность паладина сделала свой выбор. Порой так случается, все-таки их животная ипостась довольно сильна. Но метка избрания не влияет на разум и тем более на чувства. Если человеческая ипостась тоже примет избранницу, то метка станет ярче и закрепится. Если девушка ответит согласием, то связь закольцуется. Такая пара может считать, что им повезло. Их брак будет счастливым, ведь закольцованные никогда не посмотрят в сторону других, не предадут свою пару и будут счастливы вместе.

Но в Оххароне уже давно выбирают пару лишь разумом, метки довольно редкое явление. Может, поэтому Шариссар вообще забыл о такой возможности, когда кусал полукровку. Перед глазами вновь вспыхнул образ: ее тело в его руках — нежное, тонкое, вызывающее в нем такие чувства, что он не мог остановиться. Азарт битвы пробудил зверя, а после оборота всегда хочется... физического наслаждения, разрядки. Всплеск звериной силы жжет кровь, превращая ее в кипящую лаву. Или его превратила в пламя она?

Он не хотел думать о том, как увидел Лею стоящей у черной колоны. На ней было что-то тонкое и почти прозрачное, шелк и кружево, ее кожа мерцала, а запах манил... Он не мог не смотреть на нее. Не мог не желать. Он хотел ее так, что было трудно дышать.

— Желание тела ничего не значит, — упрямо повторил паладин, наливая себе еще вина.

Все закончилось. Завтра ему нужно быть в королевском дворце, чтобы доложить темнейшей о проделанной работе. Он и так проявляет непозволительное вольнодумство, не явившись к ней незамедлительно.

Но Шариссару нужно было обдумать свой визит, и он был благодарен случаю и смещению реальностей, что привели его в собственные владения. Видимо, сам Вечный Мрак решил дать паладину эту ночь. А кто вправе спорить с божеством?

Он отставил кубок, на котором остались вмятины от его пальцев, и подошел к узкому окну. На камнях чернела копоть от последней атаки ящеров, сам камень оплавился и спекся, став гладким, как стекло. Шариссар с досадой провел по нему пальцем. Раньше стена вплоть до этого окна была затянута диким плющом, и паладину нравились темно-зеленые пряные листья, что

оплетали окно. Теперь от растения ничего не осталось. И понадобится несколько лет, чтобы плющ снова поднялся. На башнях теньями стояли дозорные, бдительно осматривая землю и воздух. Наступающие сумерки не мешали оххаронцам, их глаза видели во мраке лучше, чем при ярком свете.

Ни костров, ни факелов во внутреннем дворе не было. Темнота лежала густым пологом у стен и чуть бледнела на открытых участках. В это время большинство стражей ужинали в нижнем зале, оставшиеся несли караул или начищали свои клинки. Лилась вода — кто-то совершал вечерние омовения.

К ночи сильно холодало, дневное тепло собиралось паром и застывало на траве инеем. И когда в небе вошла Звезда Мрака и медленно раскрыла свои сиреневые лепестки, Шариссар улыбнулся. Ему нравилась эта картина. Из этого окна. На внутренний двор, угловую башню, крепостную стену с пиками у поднятого моста. На белый иней, серебром раскрашивающий пейзаж. Она успокоила паладина.

Он еще постоял и вернулся к столу уже совершенно спокойный. Потребовал принести ему чистую бумагу и писчий набор. Завтра состоится Великий Совет Мрака, и ему нужно подготовиться.

Уже глубокой ночью, когда Звезда Мрака медленно смыкала лепестки, Шариссар ушел спать, понимая, что ему надо отдохнуть хоть несколько часов. Он растянулся на постели, пахнувшей лимонником и хвоей, закрыл глаза и уснул мгновенно, не сомневаясь, что как всегда проснется на рассвете.

...дыхание прерывается от сдавленных слез. Они глухие и почти неслышные.

Паладин открыл глаза, бесшумно скатился с кровати и встал в стойку, выставляя клинки. И не поверил своим глазам.

На его кровати лежала Лея.

Подтянув коленки к груди, словно ребенок, и уткнувшись щекой в локоть. На ней было старое серое платье, ноги с поджатыми пальчиками босы, а темные волосы разметались по его подушкам. И она плакала. Во сне. Тихо, беззвучно и горько. Слезы медленно выкатывались из-под черных ресниц и стекали на нос, оставляя влажные дорожки.

— ... не надо... — чуть слышно прошептала девушка.

Шариссар с трудом удержался от искушения протереть глаза. Или усомниться, что не спит. Но паладин, как всегда, был совершенно уверен в том, где он и в каком состоянии. А все его органы чувств — и человеческие, и звериные, просто вопили о том, что это не сон. Лея была.

Она лежала в его постели и спала. Он чувствовал ее запах, ее легкое дыхание и тепло. Очень медленно паладин сделал шаг к кровати. Еще один. Дрожь прошла по его сильному телу, заставляя сжать зубы. И он знал, что это. Дрожь предвкушения. Его мышцы уже напряглись, стали каменными, ожидая первого прикосновения к нежной женской коже. Он помнил, какова она на ощупь. И на вкус. Он слишком хорошо ее помнил. И тело паладина мгновенно воспламенилось, словно его засунули в кипящую лаву, все чувства обострились до болезненного предела, а потребность в прикосновении стала мучительной.

Он, не теряющий головы никогда и ни с кем, мгновенно утратил свой хваленый контроль, стоило ощутить запах Леи и увидеть ее на своей кровати. Словно мир исчез, сметенный этой необходимостью, мучительной жаждой прикосновения к этой девушке.

Он сделал шаг, сдерживая себя, чтобы не наброситься. Еще один.

И... Лея исчезла.

Медленно и бесшумно Шариссар положил один клинок на постель и прижал ладонь к тому месту, где она только что лежала. С хрипом втянул воздух. Ему не показалось. мех покрывала примялся и слегка нагрелся от девичьего тела. Паладин наклонился, втягивая запах. Потом лег

рядом, сложив на груди руки с двумя зажатými изогнутыми клинками. Уставился в потолок, на котором была выложена фреска.

И прекрасно понимал, что уснуть ему уже точно не удастся.

Он не знал, что именно происходит, но это ему до безумия не нравилось.

Потому что слишком смахивало на это самое безумие.

* * *

Чер Лерой с беспокойством посмотрел на темнеющую дыру с решеткой. Сколько он ни кричал, требуя проводить его к главному, никто так и не пришел, и магистр лишь сорвал себе голос.

— Не старайтесь, — посоветовал бородатый. Они с приятелем привычно устроились на гнилых тюфяках. — Яма далеко от основных построек, а надзирающим плевать, хоть весь день орите. Правда, кормят исправно, и за то спасибо.

Словно в ответ на его слова сверху упал сверток, в котором лежали куски засушенного жесткого мяса, завернутые в траву. Вода капала по тонкому желобу — несколько капель за минуту, лишь чтобы пленники не погибли от жажды.

— Э, ящер, еда пришла! — крикнул в угол бородатый, но беловолосый парень не отреагировал. Так и сидел, закрыв глаза и не двигаясь. Лерой показалось, что он даже не дышит.

— Он жив? — испугался маг.

— Жив, жив, — успокоил воин, раздирая зубами полосу мяса. — В спячку впал.

— Кажется, он не дышит, — усомнился магистр. Его слух всегда был чрезвычайно остер.

— Ну да. Спячка же. У них и сердце почти не стучит в этом состоянии. — Бородатый сплюнул. — Эй, ты что, Ящеров никогда не видел?

Чер Лерой не ответил и сел на тюфяк, забрав две полоски мяса. Но есть не стал, решив пока приберечь еду. Неизвестно, что будет дальше, а девочке нужно питаться. Уставшая Незабудка задремала на коленях у магистра, и Лерой прижал ее, пытаясь согреть.

— Давно вы здесь? — тихо спросил он пленников.

— Семь дней. Я — Ло, — бородатый стукнул себя кулаком в грудь. — А это — Ро. Братья мы. Загребли нас Лютые на равнине, а мы всего-то табун крылаток сопровождали! И табун-то не наш! Эх... Теперь на рудники, наверное... Или и того хуже... Мы же равнинные...

У Лероя голова закружилась от обилия совершенно непонятных сведений.

— Лютые? Это вы так... оххаронцев называете?

— Их, кого же еще? Звери они... Ты-то человек, сразу видно.

— А вы откуда?

— С равнин, говорю же. — Ло поцокал, выковыривая пальцем из зубов остатки мяса.

— А крылатки — это кто?

— Эй, ты с гор спустился, что ли? — удивился Ло. — То-то, я смотрю, выглядишь странно.

— С гор, — вздохнул Лерой. Его мантия магистра из плотной шерсти как раз послужила одеялом для Незабудки. И теперь маг сидел в одной полотняной светлой рубашке, штанах и сапогах из тонкой кожи. На братях же была кожаная одежда, тяжелые ботинки, подбитые железными ободами. Сверху их плечи укрывали свалывшиеся шкуры, лица обильно заросли бородами, и длинные волосы были собраны в множество хвостиков, перевязанных между собой в подобие шлема.

Неудивительно, что лысая голова и чисто выбритое лицо мага вызвали недоумение.

— Холодно, — сквозь дрему пожаловалась девочка.

Лерой плотнее укутал Незабудку в мантию.

— Нам еще повезло, что оказались в этой яме, — меланхолично протянул Ло. — Она хоть за крепостной стеной. А те, что снаружи, совсем гнилые, да и холоднее в них на порядок. — Бородач зыркнул из-под кустистых бровей. — Как же ты в горах в такой худой одежде? Там же ночью можно без конечностей остаться, все отморозить!

— Так вышло, — сипло пробормотал Лерой. Он вновь посмотрел наверх. За решеткой уже загорались звезды. По стенам ямы пополз белый иней. Самого магистра уже отчаянно трясло от холода, но он старался держаться и лишь плотнее укутывал Незабудку. Но помогало это мало. Девочка дрожала, ее личико побледнело, а дыхание вырывалось паром.

Магистр растер малышке ладошки, подышал, пытаясь согреть. Ло и Ро захрапели в углу, закутавшись в свои вонючие шкуры и прижавшись друг к другу.

— Проклятые Темные, — сквозь зубы пробормотал магистр, вновь растирая руки девочки. Ее состояние беспокоило мага, и до зубовного скрежета бесило, что он ничего не может сделать. Его метка призыва должна была по обыкновению перенести Лероя в королевский дворец Оххарона, но оказался он здесь. Вероятнее всего, реальности сместились, образовав искажение в пространственном потоке. И куда их с Незабудкой занесло, маг понятия не имел. И даже не представлял, как из всего этого выбираться. Темные просто взяли их в кольцо и без вопросов спустили в яму.

Магистр попытался вызвать в памяти образ Сейны, который всегда помогал ему, но в этот раз казалось, что любимая смотрит с неприязнью. Он сжал зубы и вновь принялся растирать малышке ручки и ножки, пытаясь согреть.

* * *

Айк вскочил, протирая сонные глаза, и с ужасом уставился на паладина, вошедшего в его комнату. Рыжеволосая девица испуганно пискнула и забилась под покрывало. Потом подумала и повела бедром, оголяя его и выставляя на обозрение. Все же она всегда мечтала забраться в постель самого высшего, а не просто его оруженосца.

Но к ее огорчению, паладин на ее прелести даже не посмотрел.

— Айк, готовьте мне арку в королевский дворец, — с порога распорядился господин. — Скорее. Я тороплюсь.

Паладин развернулся и так же стремительно удалился. Девица разочарованно вздохнула. Айк вскочил, словно ужаленный, и бросился подбирать разбросанные вещи.

Шариссар шел по спящему замку, размышляя. Он был уже полностью собран для посещения темнейшей: плотные штаны и удлиненный черный камзол дополнен серебристым мехом, свисающим с плеч, на левом бедре — белый клинок, украшенный рубинами. На пальцах — перстни рода и принадлежности к Темному Двору. Официальный наряд для посещения королевы и Совета. Другого оружия на Шариссаре не было: к темнейшей не принято приходить с клинками.

Многие новобранцы, попадающие в армию, не понимают, для чего им учиться владению оружием, ведь боевая форма оххаронцев сама по себе смертельное оружие. Их никогда не переубеждают. Им лишь показывают, что происходит с теми, кто слишком долго остается в этой форме. Беснующиеся в загонах, обезумевшие дикие звери — впечатляющая картина. А ведь бой может длиться долго... Значит, придется возвращаться в человеческую ипостась и при этом продолжать сражаться.

Такой демонстрации обычно достаточно, чтобы новобранцы с должным рвением

тренировались владеть двойными изогнутыми клинками или мечом.

Замок просыпался, и встречные стражи прижимали раскрытую ладонь к груди, приветствуя высшего и получая кивок в ответ. Айк догнал его уже во дворе.

— Господин, ваш завтрак...

— Нет. Сразу арка.

Айк понятливо кивнул, еще раз искоса себя осмотрев. За небрежность в одежде можно было получить серьезное наказание, а если высший заметит недостаточно начищенное оружие или брошенный во дворе щит — можно и в яму угодить. И содержать там будут без всяких поблажек, как рабов. Оруженосец хорошо помнил, как господин отправил к пленным одного из новобранцев — отпрыска побочной ветви правящих. И парень просидел там почти месяц, а когда его все-таки подняли, забыл все свои глупости. Хотя и разговаривать при этом тоже почти перестал, лишь тренировался сутками, чтобы больше не вызывать гнев высшего паладина Мрака. Все знали, что командующий никого не щадит. И прежде всего себя.

Арку проводник уже ставил, трясая седой бородой. Переход пришлось устанавливать за защитным контуром, у крепостной стены, чтобы не разрушить барьер.

— Еще несколько минут, мой господин. — Проводник склонился в поклоне, словно сломался. Шариссар кивнул и отошел в сторону, не желая мешать. Солнце только-только взошло над Оххароном, и белый иней таял, оставляя на камнях и траве капли воды. А еще через полчаса, когда воздух прогреется достаточно, все вокруг затянет белесым туманом, плотным и густым. Это время наибольшей уязвимости, время нападения.

Именно в такое время на его родовой замок когда-то напали Светлые.

...На ранней заре, когда туман мягко стелется по высоким серебристым травам, а лучи солнца еще не греют, а лишь несмело трогают кожу первыми поцелуями тепла. Это время, когда оеры еще висят на деревьях, завернувшись в кожистые крылья, а быстроногие лай мирно дремлют в своих стойлах. Время, когда Звезда Мрака закрывает свои лепестки, а озерные хищные цветы-дроги — раскрывают, готовясь ловить неосмотрительную живность, а то и заплутавших путников.

Это было время самых сладких снов или самого нежного пробуждения. И его утро было счастливым. Он всегда просыпался очень рано, словно торопился жить. И в это утро тоже вскочил раньше всех, даже раньше слуг, за что его частенько корила мать. Мол, не пристало наследнику правящей ветви вскакивать раньше черни. Но выговаривала она всегда с улыбкой, да и Шариссар ее не особо слушал даже в детстве. А сейчас и подавно. Он встретил уже тринадцать лютых зим, он сражался с пещерным зверем и победил его и слова матери почти не слушал. Он был уже достаточно взрослым, чтобы не слушать никого. Разве что опекуна. И то лишь потому, что испытывал настоящее уважение к высшему паладину Оххарона.

И тем обиднее было, что его раннее пробуждение ничем не помогло обитателям замка. Он не смог ничего сделать. Не предупредил, потому что сидел у стойла со своей любимицей — молодой, черной, как мрак, кобылой, начищая скребком ее шкуру. И не слышал, как прорвался защитный контур и в замок вошли враги.

Он не смог никого спасти, хоть и кинулся, услышав крики умирающих. Не смог никого защитить, хоть и бросался на Светлых, ворвавшихся в замок, словно одержимый. Не смог отвернуться, когда умирали все, кого он любил. Не смог...

Это был жестокий урок. Первое осознание, что он не всемогущ. И что война не знает слова «жалость»...

Шариссар отвернулся от созерцания замковых стен. Почему он вспоминает прошлое?

Зачем? Прошлое давно погребено под тяжелыми мраморными плитами, а родовой замок превратился в центральный оплот военных действий. Когда-то у этих владений было другое название, но сейчас это Колючий Острог — место, где все напоминает о войне.

— Мой господин. — Проводник снова поклонился, прерывая мрачные мысли паладина. Между двух установленных им камней перехода натянулась синяя пленка арки. — Проход во дворец открыт, мой господин.

— Благодарю.

Шариссар шагнул к дрожащей пелене и замер, уже занеся ногу в подпространство. Нахмурился, разворачиваясь:

— Айк, что это?

— А?

Оруженосец стремительно обернулся, пытаясь понять, что вызвало неудовольствие высшего. Но все было тихо и мирно, в воздухе тихо звенели ночными льдинками деревья, исполняя рассветную песню. И в ее идеальную ледяную мелодию грубо и фальшиво врывались совершенно посторонние звуки, разрушающие гармонию холодного рассветного звона.

— ... Разгорается заря,
Поднимается трава
Под волшебным светом
Этим теплым летом...
Будем петь мы и плясать,
Будем солнышко встречать...

— Великий Мрак, — прислушиваясь, сказал паладин. И вдруг рассмеялся. — Ушам своим не верю!

Элея

Я проснулась резко и открыла глаза, уставившись в потолок. Что меня разбудило? Сердце стучало молотом, а губы пересохли — так бывало, когда я переходила грань Отражений. Но ведь я просто спала! И этот странный сон... Ощущение чужого присутствия и взгляда — голодного, хищного, почти звериного. Нет, не чужого... Мне снился Шариссар. И именно злость на то, что он смеет приходить в мои сны, разбудила меня.

Я поднялась, потряхивая головой и пытаюсь прогнать это ощущение его присутствия. Я не знала, как это назвать, но внутри меня словно натянулась невидимая нить, и она тянула, дрожала, причиняя мне почти боль. Словно мне нужно было... куда?

Потерла виски, отбрасывая эти странные мысли.

За окном была еще ночь, лишь переходящая в раннее утро. Замок спал. Где-то вдали шумело море, в рассветной тишине было слышно, как мягко накатывают на берег волны.

Я сползла с кровати и нашла свою обувь. Раз уж проснулась, нет смысла опять пытаться уснуть — это я знала по опыту. Накануне хранительницы выделили нам несколько новых комплектов одежды, сказав, что это распоряжение магистров. В том числе и наряд для тренировок. Вечером же я так устала, что даже не посмотрела, что в свертках, и сейчас развернула с легким любопытством. Хмыкнула и надела узкие штаны и рубашку, сверху мантию зеленого цвета. Кажется, нас присоединили к целителям. На ноги натянула все те же ботинки и вышла в коридор. И изумилась, увидев, что в нижнем зале в одиночестве сидит за столом магистр Райден.

Он уставился на меня, когда я вошла, так пристально, что стало не по себе. Взгляд мага скользнул по моей одежде, и мужчина отвернулся.

— Светлой Искры, — по привычке пожелала я, остановившись в дверях. — То есть... я хотела сказать...

Он хмыкнул и указал мне рукой на стул напротив:

— Садись. И не извиняйся. Светлой Искры — это хорошее пожелание. Было и осталось. Будешь завтракать?

Я неуверенно кивнула. И удивилась еще больше, когда маг не щелкнул пальцами, перемещая продукты на стол, а встал и ушел. Вернулся с подносом, на котором стоял кувшин с молоком и плетеная корзинка с теплыми булочками.

— Силу надо беречь, — пояснил он в ответ на мой слегка шокированный взгляд. Райден поставил поднос на стол, налил молоко в кружку и протянул мне.

— А что вы здесь делаете? — запоздало удивилась я.

— Тебя жду.

Я чуть не подавилась молоком.

— Зачем?

Магистр смотрел в упор, но я не понимала, что за выражение было в зеленых глазах. Я вообще его не понимала. Вроде должен орать и злиться, ведь это из-за меня Пятиземелье осталось без Искры. А он лишь смотрит и даже ни разу не обвинил меня. Ни в чем.

— Я видел вчера, что у тебя плохо получаются боевые искусства.

Я хмыкнула:

— Плохо? Это мягко сказано. У меня совсем не получается.

— Возможно, тебе подойдет что-то другое.

— Я не понимаю, зачем все это, — вздохнула я. — Чего вы добиваетесь? Сделать из учеников воинов? За несколько дней? Какой в этом смысл?

— Воины из вас вряд ли получатся. — Магистр криво усмехнулся. — Я хочу научить вас защищаться. Пока есть время. Сейчас эти умения важнее истории Пятиземелья или мироведения.

— Будет война? — тихо спросила я, но маг не ответил.

— Доедай свою булочку, — он кивнул на мой завтрак. — Ее пекла Дори, а выпечка у нее отменная. Это ее дар крови — стряпать, и в каждое свое творение она вкладывает частичку души. Поэтому ее еда успокаивает и дарит радость. К тому же она очень вкусная.

Магистр чуть рассеянно улыбнулся, а я положила в рот кусочек булочки. Сдоба действительно была отменной, пышной и в меру сладкой, тающей во рту.

— Замечательно! — улыбнулась я. И решила проявить вежливость: — Как ваша рана?

— Зарастет. — Он продолжал меня пристально рассматривать. — Ты хорошо спала, Лея?

— Почему вы спрашиваете? — удивилась я.

Он нахмурился, не отвечая.

— Если тебе начнут сниться странные сны, ты скажешь мне об этом, Лея? — Я упрямо поджала губы, и магистр вздохнул. — Не скажешь. Что ж... понимаю. Хорошо, поговорим об этом позже. Идем. — Маг поднялся, увидев, что я доела, и отнес грязную посуду. Я снова смутилась. Как-то стало не по себе от его действий, все-таки он — магистр Искры, а выходит, словно прислуживает мне. Но самого Райдена это, похоже, не беспокоило. Он кивнул мне, пропуская вперед.

— Мы идем на тренировочное поле? — уточнила я.

— Нет. В другое место. Туда, где никого нет.

Я слегка напряглась и замедлила шаг. Идти с ним куда-то, где мы будем наедине, не хотелось. Райден остановился и резко развернулся ко мне.

— Я не причиню тебе вреда, Лея, — сквозь зубы сказал он. — Обещаю. Мне бы не хотелось, чтобы ты меня боялась.

— Я не могу себя заставить не бояться, — хмуро бросила я.

— Я это понимаю. — Он качнулся, словно хотел прикоснуться ко мне, но не стал. — Поэтому я и хочу научить тебя защищаться. Чтобы ты могла не бояться.

— Ну... хорошо, — слегка растерянно пробормотала я.

Маг отвернулся и пошел через сад, в сторону отдельно стоящего здания.

— Это тоже тренировочный зал, просто меньшего размера, — пояснил Райден, открывая дверь. Внутри была площадка с множеством различных предметов, установленных на постаментах.

— Мы будем стрелять? — предположила я, рассматривая ряд глиняных ваз.

— Нет. — Маг подошел ко мне сзади и взял мою ладонь. — Ты будешь бить, Лея. Этим.

Я подняла то, что он вложил мне в руку. Твердая рукоятка, оплетенная мягкой кожей и удобно лежащая в ладони. И длинное, упругое, словно живое, основание, свернувшееся в змеинные кольца и лишь ожидающее, когда рука двинется, взмахнет, прикажет...

— Да вы шутите? — изумилась я. — Плеть? Что мне с ней делать?

— Плеть — это оружие. Или защита. Смотря как его применять. Пастухи с ее помощью отгоняют волков от отары. А разбойники могут одним ударом убить человека. Или даже... не человека.

В руке магистра тоже была рукоять, и он слегка повел ею, казалось, совсем неуловимо, но кожаное жало взметнулось, и кончик метко сбил один из горшков.

— Ух ты. — Я посмотрела на мага удивленно. — Где вы так научились?

— У меня было насыщенное... прошлое. — Он слегка улыбнулся.

— Вот как-то не верится, что вы были пастухом, — пробормотала я, и магистр хмыкнул.

— Тебе не нравится ближний бой, насколько я понял. И не подходит нож или арбалет. — Он вновь щелкнул, сбив дальний горшок. — Но плеть — это нечто уникальное, Лея. Держи крепче. — Райден встал за моей спиной и сжал мою ладонь. — Не думай. Почувствуй рукоять. Это оружие, которым ты можешь защититься. Наказать. Ранить. Или просто пригрозить... Оно способно сделать тебя сильнее... — Голос обволакивал, обещал, дразнил. — Попробуй, Лея. Просто попробуй.

Я повела кистью и изумилась тому, как послушно кольца развернулись.

— Еще.

Подняла руку.

— А теперь ударь, Лея. Сильно.

Я взмахнула рукой, и плеть издала слабый щелчок.

— Сильнее.

Еще один щелчок.

— Сильнее, Лея!

Щелчок.

— Я бью, как могу!

— Ты совсем не бьешь! — Он резко развернул меня к себе, в зеленых глазах вспыхнула злость. — Ты боишься. Боишься ударить даже по этому горшку! Ударь сильнее. Так, как тебе хочется ударить, не сдерживай себя! Изо всех сил.

— Это неправда! — возмутилась я. — Я ничего не боюсь!

— Боишься. Всего, — оборвал он меня и отошел, словно не желая стоять рядом. — На поле ты закрывала глаза, когда к тебе приближались. И падала в грязь, стоило кому-то занести руку. Ты привыкла прятаться, опускать глаза и терпеть. А я хочу, чтобы ты ударила. Изо всех сил.

— Я это и делаю!

— Нет! — холодно оборвал он. — Ты боишься бить. Не оттого, что труслива, твоей смелости позавидует и мужчина. Но ты слишком привыкла прятаться. И бояться. А если ты будешь бояться, то бить будут тебя. Бить, трогать, обижать. — Магистр склонился, и в зелени его глаз я увидела свое бледное отражение. И это напомнило мне, как я стояла в пещере с матовым озером и смотрела в другие глаза. — С тобой будут делать что захотят, Лея. Если ты не научишься давать сдачи. Даже я сейчас могу толкнуть тебя на этот пол, содрать с тебя штаны и...

Плеть просвистела в воздухе и оглушительно хлопнула, соприкоснувшись с досками пола, а я яростно уставилась в лицо мага. Он посмотрел насмешливо:

— И все? Может, мне продолжить?

Плеть взвилась, повинувшись моей руке, и снесла горшок возле магистра. Райден посмотрел на осколки у своих ног и кивнул:

— Вот так уже лучше. Не становись жертвой. — Он повернул голову, глядя на меня. — Раз ты не пожелала умирать ради Искры, то будь достойна жить!

Плеть снова оглушительно щелкнула по полу.

— Я не обязана доказывать свое право на жизнь! — яростно выкрикнула я, разозлившись. — Никому, даже вам! Я не виновата, что родилась полукровкой! Или что стала проклятым Отражением! Или что не пожелала подышать в Обители! Я ни в чем не виновата!

И я вновь ударила. Ярость и боль стали плетью, а плеть стала ими. Я била и била, круша все вокруг, выплескивая свои невыплаканные слезы, обиду, горечь и страх. Разрушая, я возрождала себя. Собирала по частям. Я стала черным вихрем, разящим жалом, яростной фурией, желающей

убивать. Я кружилась в этом безумном танце под музыку ударов хлыста, и эта мелодия казалась мне лучшей на земле. Моя кисть онемела, но я не останавливалась, пока не поняла, что в этом помещении не осталось ни одного целого горшка. Я разбила их все, наслаждаясь разрушением, звуками бьющихся сосудов и воцаряющимся хаосом.

Остановилась, тяжело дыша, и с изумлением осмотрелась.

— О Боги...

Рукоятка выпала из моей ладони, которую я просто не чувствовала. Я повернула голову. Магистр стоял в тени, за полосой света от окна, привалившись к стене. Его глаз я не видела.

— На сегодня достаточно, — безучастно сказал он. — Завтра продолжим.

Он развернулся и вышел, створка качнулась, закрываясь. А я осталась стоять, пытаюсь осознать, что сейчас произошло.

Магистр дал мне оружие. И силу. Взамен всего, что я потеряла. Дал способ защиты. И мне это понравилось. Только зачем он это сделал?

Я развернулась, прищурилась, осматривая помещение. Целых горшков не осталось, но ведь можно сложить черепки? Правая рука ныла, и я перекинула плетъ в левую. И улыбнулась предвкушающе.

Останавливаться я не собиралась.

* * *

...Разгорается заря,
Поднимается трава
Под волшебным светом
Этим теплым летом...
Будем петь мы и плясать,
Будем солнышко встречать!

Незабудка хрипела, но упрямо напевала песенку. Ло и Ро причмокивали и качали головами, магистр пытался успокоить малышку:

— Милая, помолчи, у тебя горло красное. А ты песни поешь!

— Лея говорит, что если радоваться солнышку, то оно будет нас согревать, — сипло объявила девочка. — А если воротить от него нос, оно обидится и навсегда уйдет. И настанет вечная ночь!

— Я уже столько слышал об этой Лее, что почти ее люблю, — хмыкнул Ло.

Магистр нахмурился и хотел ответить, но тут свет загородили тени, и сверху упала веревка с доской.

— Эй ты, лысый, вылезай! — крикнули сверху.

— Ну, кажись, прощаемся, — меланхолично сплюнул Ло. Ро цыкнул и отвернулся. — Зря ты девчонке рот не заткнул. Теперь безумным зверям отдадут, на закуску.

Магистр отпрыгнул от веревки, за которую успел схватиться.

— Вылезай давай! — вновь заорали сверху.

— Зачем? — спросил магистр.

Наверху на миг стало тихо, а потом и мага, и Незабудку обхватила тьма, и они оказались наверху, щурясь от света.

— Ой, это мы как тут? — сипло воскликнула малышка и закашляла.

Чер Лерой, прищурившись, посмотрел в насмешливые глаза Шариссара.

— Вот и мне интересно, как вы тут? — задумчиво протянул тот. Взгляд паладина остановился на чихающей девочке, и Чер Лерой дернулся, чтобы закрыть собой малышку. Но заслужил лишь еще один насмешливый взгляд Темного. — Очень интересно. Следуйте за мной, магистр Лерой. Айк, закройте арку. Я немного задержусь.

— Будет исполнено, мой господин.

Паладин развернулся и пошел через брусчатый двор. Хмурый страж одарил магистра недовольным взглядом.

— Иди, чего встал? Господин ждать не любит.

Чер Лерой кинул взгляд в черную дыру ямы, подхватил на руки Незабудку и пошел вслед за Шариссаром.

* * *

Шариссар

Он толкнул дверь своего кабинета и развернулся к магистру. Внимательный взгляд паладина отметил его плачевный вид и слишком легкую для Оххарона одежду. Стражи сказали, что взяли пленных еще вчерашним утром, значит, они провели в яме сутки.

Шариссар присел на корточки перед девочкой. Та уставилась на него блестящими зелеными глазенками.

— Целителя ко мне, — не поворачивая головы, приказал паладин молчаливому стражу у дверей. Тот беззвучно удалился.

— Не делайте вид, что заботитесь о девочке, — раздраженно бросил Лерой.

— Забочусь? — Шариссар поднялся. — Кажется, это обязанность ее отца. — И усмехнулся, увидев побледневшее лицо магистра. — Не так ли?

— Вы ничего не знаете... — глухо сказал Лерой, покосившись на девочку. Та увлеченно рассматривала серебряный маятник, раздумывая, как бы к нему подобраться.

— Вы так думаете?

В дверь вошел лекарь, и Шариссар указал на Незабудку.

— Милая, пройди с целителем, пожалуйста, — напряженным голосом велел Лерой.

— Не пойду, — заупрямилась малышка, с испугом глядя на мужчин.

Шариссар подкинул на ладони серебряное кольцо для бумаг.

— Если пойдешь и сделаешь все, что скажет лекарь, — подарю, — улыбнулся он.

Незабудка внимательно осмотрела кольцо, украшенное камнями, и ее глазки зажглись. Тронула осторожно пальчиком и перевела взгляд на Шариссара.

И спрятала ладошки за спину.

— А Лея говорит, что у незнакомых нельзя брать подарки!

— А мы Лее не скажем, — чуть хрипло ответил паладин. — Это будет наша тайна. Договорились?

Девочка, нахмурившись, смотрела в черно-синие глаза. Но блестящее кольцо было таким красивым, что устоять она не смогла. И важно кивнула, соглашаясь:

— Хорошо. Договорились.

Когда дверь за целителем и Сиерой закрылась, паладин указал магистру на кресло.

— Вина? Или велеть принести вам завтрак? Не думаю, что вам понравился обед в яме.

— Чего вы хотите? — вскинулся Дерой.

— Гораздо интереснее, чего хотите вы, — усмехнулся Шариссар. — Впрочем, часть ваших планов мне известна. Вы пожертвовали вашей старшей дочерью в надежде, что она сможет спасти ваш мир, ведь так? Вы знали, что Лея — Отражение?

— Я не собираюсь перед вами отчитываться, — вскинул голову Лерой.

— Что ж, тогда внесу ясность, раз вы еще не поняли. — Шариссар отошел к окну, за которым уже начинались утренние тренировки стражей. — Вы находитесь в Колючем Отроге. Это мой родовой замок. Земли до самого Полога также принадлежат мне. Не Темному Двору, не королеве, а единолично мне. На этой территории я — бог и властелин, и если мне будет угодно пилить вас по частям, сращивать, а потом снова пилить, и так в течение сотни лет, то никто не сможет мне помешать. — Паладин искривил губы в усмешке. — Даже Ее Величество. Даже несмотря на ваш с ней договор. Никто.

— Не думайте, что вам удастся меня запугать, — глухо бросил магистр.

— Я и не пытаюсь это сделать. Я объясняю вам ситуацию. Вы на моей территории, и я вправе решить, как мне с вами поступить. И с вашей дочерью.

Светлый маг вздрогнул.

— Откуда вы знаете... о моих дочерях?

— Не имеет значения. Итак, вернемся к моему вопросу. И надеюсь, вы поймете как можно быстрее, что ответы я получу в любом случае. Даже если вы умрете, у меня есть Поднимающий, который выбьет ответы из вашего тупа.

Лерой смерил Темного взглядом. Тот ответил таким же.

— Итак? — Шариссар приподнял бровь. — Вы знали, что Лея Отражение, и решили пожертвовать ее жизнью?

— Нет! — воскликнул маг и устало опустил в кресло. — Нет. Я не знал. Никто не знает этого точно. Но я надеюсь, что это не она... Я надеюсь на это! Я установил у Белой Башни ловушку, чтобы моя дочь не смогла войти в Обитель Искры. На случай... Если ее заставят это сделать. Мой портал был двусторонний и завязан на мою родную кровь. И он сработал.

— Только попалась не Лея, а Незабудка, — догадался Шариссар. — Вот как. Занятно... Значит, вы хотели ее обезопасить? А как же спасение мира?

Лерой молчал, безучастно рассматривая свои ладони.

— Насколько я знаю, по договору с Лиарией вы должны были сделать все, чтобы Отражение не стало Искрой. В общем, установив портал, вы соблюдали условия договора. Ведь так? Думаю, вы собирались спрятать дочь. И что предъявить темнейшей взамен? Морок? Иллюзию? Она ведь захочет доказательств того, что угроза устранена и Отражение уничтожено. И кстати, ей нужны обе ваши дочери.

Лерой продолжал молчать, и паладин покачал головой:

— Верю, что вам даже хватило бы сил и магии, чтобы это осуществить.

— Я ничего вам не говорил. — Лерой поднял голову. Черно-красная морда вылезла из-за грязного ворота рубашки и растянулась на его лице, оскалившись.

— Только Темнейшее Величество ни за что вам не поверит. Вас будут пытаться, пока вы не заговорите. — Шариссар помолчал, делая неспешный глоток. — А вот мне поверят, — бросил он. Магистр поднял изумленный взгляд. — Ваш план неплох. Но исполнение хромает. Я скажу Лиарии, что лично убил ваших дочерей. А вы подтвердите.

— Зачем вам это? — Голос Лероя слегка дрогнул.

Шариссар улыбнулся, не отвечая.

— Вам принесут завтрак, магистр. После мы отправимся ко двору королевы. Советую подкрепиться, вам предстоит тяжелый день. Встретимся у арки.

Он вышел, оставив за спиной недоумевающего Светлого.

Когда молчаливый слуга принес поднос с едой, магистр подозрительно принялся и даже попытался проверить еду магией. Но его резерв был почти пуст, а мясная похлебка пахла весьма аппетитно. К тому же магистр не видел смысла травить его. Убить Светлого можно гораздо проще. Поэтому он быстро поел, вытер губы салфеткой и уже через десять минут стоял у двери.

Хмурый страж открыл перед ним дверь. Еще двое встали по бокам, когда они вышли в коридор. Но Чер Лерой не сопротивлялся. Он готов был на все, лишь бы спасти свою семью. Верить или нет Темному, магистр так и не решил. Скорее, нет, но вот альтернативы Лерой пока не видел. И потому решил подыграть и сделать вид, что доверяет паладину.

Что еще ему остается?

Лерой помнил, как паладин Мрака обернулся там, в Хандраш, когда ранили Лею, и это воспоминание заставляло магистра надеяться. Возможно... возможно, у его детей еще есть шанс, и Темный поможет. Все равно сопротивляться Лерой не мог, в данный момент у Светлого даже силы не было, и Шариссар прекрасно об этом знал. Его могли просто оглушить и связать, вот и все.

Арка стояла на прежнем месте, и паладин Мрака уже ждал его. Чер Лерой остановился рядом.

— Послушайте, — начал он. — Я не знаю, для чего вы это делаете и что потребуете взамен, но знайте... что я буду вашим должником, если вы поможете мне. Хотя нет, не мне... моим детям. И не сомневайтесь, я буду убедителен перед королевой. Никто не усомнится в моих словах. Однако возможно... нам надо обговорить детали? Э-э-э... наверное, мне стоит знать, как именно погибли мои дочери? Чтобы врать... правдиво.

— Детали... конечно. — Шариссар заложил руки за спину и посмотрел на замковую стену. Его взгляд стал черным, синева проклятых пропала. — Детали... что ж. Я вам расскажу. Вашу старшую дочь я нашел в Обители. Увы, ваши надежды не оправдались. Она все-таки была Отражением. Лея отразила магию Искры, но я вернул ее из Ничто, не позволив умереть. Вам ведь не нужно объяснять зачем? Вы ведь прекрасно знаете, что представляет собой ваша Искра. — Шариссар по-прежнему смотрел на замковую стену, и этот взгляд магу совсем не нравился. Чер Лерой нахмурился.

— Что вы...

— Не перебивайте, магистр, — безразлично оборвал паладин. — Вам ведь нужны детали. Так вот. Лея вернулась. Там же, на полу вашей Обители я изнасиловал ее и рассказал о вашем договоре с королевой Оххарона. Та Искра, что была в вашей дочери, угасала с каждым моим словом, а я смотрел. Мне нравилось то, что я видел. Нравилось смотреть на нее. Все же она была красива. Элея.

— Была? — Лерой сглотнул, глядя на паладина расширившимися глазами. Он не понимал, что происходит.

— Была, — подтвердил Шариссар. — Я убил ее, конечно. Обезглавил. Убедившись, что Искра не возродится.

— Я... это...

Магистр снова сглотнул и потянул грязный ворот своей рубашки. Ар-нори бесновались под кожей, впитывая чувства мага.

— Это звучит... ужасно, — выдавил Лерой, пытаясь сдержать накатывающую панику.

— Вероятно, вы правы. — Паладин на миг посмотрел Лерой в глаза, и магу стало не по себе от темноты этого взгляда. — Что же касается вашей младшей... Тут все гораздо проще. Ее сбросили с замковой стены. Оттуда.

Шариссар вновь посмотрел на стену, и Лерой тоже перевел взгляд. И дернулся. На стене

стояла маленькая фигурка. В бархатных с лентами штанишках по моде Ушедших Времен, в зеленой курточке. В испачканной рубашке. С растрепанными темными косичками.

— Нет... — побелевшими губами прошептал Лерой.

— Вы будете очень убедительны перед королевой, — холодно сказал паладин, поднимая ладонь. — В этом я даже не сомневаюсь, магистр.

Чер Лерой, светлый магистр Искры и несчастный отец, бросился к замковой стене, когда маленькая фигурка начала падать. Он бежал и не слышал собственного крика, бежал, отчаянно пытаясь дотянуться до силы, сотворить хоть что-то, способное замедлить это неотвратимое падение. Что-то, что подарит крылья маленькому тельцу, отчаянно размахивающему руками. Что-то, что повернет время вспять и остановит неизбежность.

Девочка упала на камни двора с ужасающим звуком.

Чер Лероя оттащила равнодушная стража и связала мага. Он смутно помнил, как пытался отбиться, вырваться, убить... Но его магия спала, а стражей было слишком много.

Связанного магистра кинули у арки, хорошенько приложив затылком о булыжники брусчатки. Шариссар наблюдал происходящее совершенно безучастно, его темные глаза смотрели на все беснования магистра спокойно и даже равнодушно. Он кивнул своим стражам и шагнул к дрожащей пелене перехода.

— Я убью тебя. — Голос магистра прозвучал сипло, он сорвал голос от крика. И спокойно. Так, как звучит голос человека, который все потерял. — Клянусь, что убью.

— Попробуйте, магистр, — холодно отозвался Шариссар.

Лиария

Лиария была в золотом.

Хотя правильнее было бы сказать, что она была золотом. Ее лицо покрывала золотая краска — губы, веки, скулы. Ресницы блестели от золотой пыли. Белые волосы укрывала плотная сеть из тончайшей золотой нити. И платье — жидкое золото, струящееся по совершенному телу, стекающее на черные плиты пола и оставляющее на них мерцающие драгоценные капли.

Королева была само совершенство.

Совет в полном составе поднялся, когда темнейшая вошла в огромные арочные двери зала. Здесь не было ничего, кроме древнего куска первозданной скалы, поставленной вместо стола, высоких окон и двух каминов в противоположных концах зала. Тринадцать членов совета склонились перед королевой, приветствуя, и темнейшая приблизилась к трону, стоящему у первозданного камня. Золотая пыль плыла за ней искрящимся шлейфом. Обвела взглядом присутствующих и остановила взгляд на Шариссаре.

— Рада видеть Совет в полном составе, — в ее голосе скользнула насмешка. — Надеюсь, ты вернулся с хорошими новостями, дарей-ран Шариссар Даметхар, высший паладин Мрака?

— Думаю, мои новости понравятся вам, Ваше Темнейшее Величество. — Паладин шагнул вперед. — Искра Пятиземелья уничтожена.

Ряд советников заволновался, задвигался.

— Светлой силы пока еще слишком много в Пятиземелье, — продолжил Шариссар, — но смещение реальности уже началось. Думаю, мы все чувствуем это. С каждым днем наши миры будут все ближе друг к другу. Приоритет силы и магии позволит нам укрепиться в мире Искры и завоевать Пятиземелье. Войска Мрака готовы к нападению в любой момент, Ваше Величество. Светлые не отдадут свой мир без боя, но без Искры их шансы на победу ничтожны. Их земли станут для нас источником ресурсов, крови и рабов на долгие века. При разумном их использовании Пятиземелья хватит на тысячелетие. — Он сделал паузу, не отрывая взгляда от лица королевы. — Теперь, когда Искра уничтожена, темным магам хватит черной силы, чтобы удержать миры от полного слияния и установить односторонний пространственный переход в Пятиземелье. Переход, способный пропустить нашу армию. Но нам необходимо дожждаться ослабления Светлой силы.

— Но разве давать Светлым фору — не чревато последствиями? — выступил вперед советник Вас Иор. — Ведь это время они используют для того, что укрепить свои рубежи и собраться с силами.

— Их армия не способна противостоять нам без боевых магов, — возразил Шариссар. — Без магии это будут лишь уязвимые человеческие тела, вооруженные арбалетами и клинками. Против нашей боевой формы и черной силы они ничто. К тому же боевые силы Светлых размещены на границах, а мы сделаем прорыв в Хандраш.

Советники заговорили разом, выдвигая предложения. Шариссар, напротив, замолчал, давая время Совету и королеве обдумать его слова. Лиария подняла ладонь, взметнув золотую пыль. Голоса спорящих смолкли.

— Подготовьте план нападения, дарей-ран, — обратилась она к высшему паладину. Тот склонил голову.

— Он готов, Ваше Величество.

— Рада, что ночь после возвращения вы потратили на мысли об Оххароне, — с насмешкой отозвалась Лиария, давая понять, что знала о появлении паладина еще вчера. — Я готова выслушать ваш план...

Через несколько часов Совет покинул зал. Шариссар остался, он знал, что разговор еще не закончен.

— А теперь я хочу знать подробности, дарей-ран. — Королева встала с трона и подошла к нему. — Но продолжим мы не здесь.

Она протянула ему ладони, и паладин сжал их в своих руках. Тьма окутала их темным покрывалом, разрывая пространство и перенося обоих на самую высокую башню Оххарона. В глазах Шариссара сразу потемнело от разлитой здесь магии и сладкого запаха крови, он сделал глубокий вдох. Его нить все еще была оборвана, и он ослаб.

— Наш провидец оказался прав, Ваше Величество, — голос Шариссара не выдавал ни одной эмоции. — Дочь темнейшей принцессы Сейны помогла возвеличиванию Оххарона. Отражение воплотилось в ее теле, и ее дух стал Искрой.

— Ты ее убил? — Лиария облизала губы.

— Искра мертва, Ваше Величество.

Глаза Лиарии вспыхнули золотым светом.

— Воистину, ты умеешь доставлять мне удовольствие, Шариссар, — с насмешкой потянула она. И подошла еще ближе, так что между ними осталось расстояние размером с ладонь. Ей пришлось закинуть голову, чтобы смотреть в лицо мужчины.

— Ты привел с собой светлого магистра. Того, кто посмел сочетаться узами брака с Сейной. Мои слуги доложили, что Светлый находится в беспамятстве. Что с ним?

— Он увидел смерть своей младшей дочери. Очевидно, это заставило его скорбеть.

— Вот как? — Губы королевы сложились в улыбке. — Как интересно... Твое сердце не ведает жалости, мой паладин.

— Возможно. — Он склонил голову, безучастно глядя в лицо королевы. — Лишь сила и процветание моего мира имеют значение.

Лиария положила ладонь на черный камзол мужчины, отодвинув свисающие серебристые хвосты.

— Ты меня порадовал, Шариссар, — тихо сказала она. — Ты приведешь Оххарон к победе. Какую награду ты хочешь получить? Проси все, что хочешь...

Паладин чуть склонил голову, внимательно всматриваясь в глаза темнейшей.

— У меня две просьбы, моя королева.

— Какие? — Она улыбалась.

— Подарите мне жизнь Чер Лероя, Ваше Величество.

— Что? — Лиария нахмурилась. — Этого червяка? Зачем он тебе?

— Можете считать моей прихотью. — Паладин заложил руки за спину, не реагируя на ладонь королевы, что по-прежнему лежала на его груди. — Вы ведь собирались его убить, не так ли? Теперь, когда он выполнил свою часть договора, вы собирались его убить.

— Конечно, — улыбнулась она.

— Поэтому я прошу его жизнь. В награду. Возможно, мне понравится светлый магистр в качестве раба.

Лиария пристально всматривалась в темные глаза мужчины, пытаясь понять его мысли. Но лицо Шариссара было спокойным, в глазах застыла вежливая почтительность. Не более того.

Королева кивнула:

— Хорошо. Ты сможешь забрать его после того, как я с ним... поговорю. Думаю, попав в твои руки, Лерой еще сильнее возжелает смерти.

Она рассмеялась, Шариссар промолчал.

— Какова вторая просьба, дарей-ран?

— Позвольте посетить Вместилище Тысячи Душ.

Лиария убрала свою ладонь с его груди и нахмурилась.

— Зачем?

— Чтобы задать вопрос, Ваше Величество.

— Нет смысла спрашивать какой, не так ли? — в ее голосе насмешка сменилась злостью.

Она отвернулась и отошла к краю площадки. — Ты ослаблен, Шариссар. А Вместилище требует силы. Значительной силы. Пока я не могу позволить тебе войти туда.

Паладин молчал, рассматривая спину королевы. И не позволяя своей злости вырваться наружу.

— В таком случае прошу позволения мне вернуться в свой замок, Ваше Величество, — холодно произнес он. — Мне необходимо заняться проверкой боеготовности наших войск.

Лиария посмотрела из-за плеча.

— Ты живешь войной Шариссар. Мой идеальный паладин Мрака... Но в мире существует не только война.

— Не для меня, Ваше Величество.

— Что ж. — Она кивнула и вновь отвернулась. — Ты можешь вернуться в Острог. Но будь готов прийти по первому моему зову.

— Как всегда, Ваше Величество.

Она быстро взглянула в глаза дарей-рана, но насмешки в них не увидела. И указала рукой на чашу: — Иди. Я соединю твою нить. Ты ослаб, мой паладин.

Шариссар молча скинул черный камзол, серебряный мех в багровом свете тоже отливал красным. Паладин спокойно разделся, складывая одежду на каменный постамент. Его движения были четкими и скупыми. Привычными. Он сжал в ладони белый клинок и шагнул к чаше.

— Что это?! — Голос Лиарии обжег, словно плеть, и холодные пальцы легли на его спину. Туда, где пульсировала метка избрания. Шариссар отстранился, прикосновение было ему неприятно. Посмотрел через плечо.

— Это метка избрания, Ваше Величество. Но, думаю, вы и так это знаете.

Ее ногти царапнули кожу паладина, словно Лиария с трудом сдерживалась, чтобы не вогнать их по самое основание. Синие глаза заволокло Тьмой полностью, и над башней начал заворачиваться черный вихрь.

Королева злилась.

— И кого же мне следует поздравить, дарей-ран? — Голос же, напротив, прозвучал почти ласкающе.

— Никого. — Шариссар отвернулся и ступил в чашу. Черная кровь всколыхнулась от его движения, пошла волной. — Это ошибка зверя, и я ее исправлю.

Он лег в чашу и прикрыл глаза. Провел по запястью лезвием, не глядя, и опустил руку, позволяя крови смешаться. Багровая жидкость вскипела, вскрылась пузырями, побелела, словно на ней появился налет инея. И Сердце Оххарона запульсировало тяжело и мощно, заставляя кровные нити, что опутывали его, потемнеть почти до черноты.

Лиария вошла в чашу, ее золотое платье напиталось кровью и красной волной укрыло тело королевы.

— Кажется, Сердце Оххарона не желает принимать тебя обратно, Шариссар! — Ветер взметнул белые волосы, и темнейшая раздраженно отогнала его. — Или оно не хочет принимать тебя с этой меткой? Кого выбрал твой зверь, дарей-ран?

— Не думаю, что это имеет значение, — ровно ответил Шариссар, снизу вверх глядя на

королеву.

— Ты отказываешься отвечать мне?

— Это не имеет значения, — с легким нажимом повторил паладин.

— Я настаиваю!

Кровь уже бурлила, словно лава, ее цвет менялся, то вспыхивая алыми огненными отблесками, то темнея черной коркой. И в этом свете волосы и кожа Лиарии казались еще белее, лишь в глазах пылало отражение багрового огненного сердца. Шариссар встал так резко, что черно-красная жидкость скатилась волной с его тела, выплескиваясь через бортики.

— Я сказал, что это неважно, — процедил он, шагнув к королеве. Так близко, что она увидела в черно-синих глазах свое отражение. — Если Сердце Оххарона не примет меня, что ж... — Он усмехнулся, в упор глядя в глаза королевы.

— Ты забываешься, Шариссар. — Ее голос стал похож на шипение ядовитой змеи. — Ты служишь мне и обязан...

— Я служу Оххарону, — бесцветно оборвал ее паладин. — И лишь ему. И если вы имеете претензии к моей службе, Ваше Величество, я готов принять их с должным вниманием и почтением.

Лиария облизала губы, внезапно ставшие сухими, и усмехнулась.

— Вот как... Ты всегда был... своеволен, дарей-ран. Но это помогает тебе вести Оххарон к победе.

Она опустила глаза, осматривая широкую грудь паладина, его живот с четким рельефом тренированных мышц, тонкую полосу темных волос ниже. Вскинула голову. Паладин смотрел спокойно, и его эмоций королева не увидела.

Как всегда.

— Если твой зверь пожелал сделать выбор, надеюсь, у тебя достаточно разума, чтобы исправить эту ошибку! — хлестко бросила Лиария. — Мне ведь не нужно напоминать тебе об Иранте? И о том, что ты с ней сделал? — Она улыбнулась, приоткрывая темно-красные губы и показывая белоснежные зубки и удлиненные клыки. Словно черная кровь на кости. Подошла еще ближе, почти прикасаясь к телу мужчины. Понизила голос до шепота: — Ты ведь помнишь, как рвал ее когтями и зубами, мой паладин? И что осталось от красивой юной девушки после того, как ты с ней закончил?

— Достаточно, Ваше Величество. Я ничего не забыл. — Шариссар сказал это спокойно, и сколько королева ни смотрела, она так и не увидела багровый отблеск в его темных глазах. Дарей-ран полностью себя контролировал.

Она резко отвернулась, взметнув красное платье, и свела ладони, заставляя Сердце Оххарона вспыхнуть.

Шариссар снова лег и откинул голову на бортик, закрывая глаза и отдаваясь во власть магии крови и черной силы. Его спина выгнулась дугой, когда кровная нить вновь соединила его с сердцевиной их мира, боль пронзила всё тело, но паладин не издал ни звука, привычно переживая ее атаку. Когда он пришел в себя и открыл глаза, Лиария вновь сияла золотом платья, стоя на краю площадки. Паладин поднялся, все еще пошатываясь от пережитой боли, склонился перед королевой.

— Благодарю, Ваше Величество.

— Через два дня мы встретим Великую ночь Мрака и отпразднуем уничтожение Искры, — проронила Лиария, величественно спускаясь по каменным ступенькам чаши. — Надеюсь, Темный Двор увидит своего дарей-рана.

— Несомненно, Ваше Величество.

— Можешь вернуться в Острог, Шариссар.

Она развернулась, взметнув золото юбок, и уплыла, почти не касаясь пола шелковыми туфельками.

* * *

Шариссар вышел из арки и кивнул стражам. Те опустили оружие, прижали к груди ладони. Острог накрыла ночь, Звезда Мрака была полностью раскрыта, освещая фиолетовым светом покрытый инеем пейзаж. Паладин глубоко вдохнул морозный воздух, наблюдая, как дыхание вырывается облачком пара. За его спиной проводник убирал в ритуальный мешок пространственные камни, запечатывая силу заклинаниями.

Паладин пошел через двор, вспоминая подробности сегодняшнего Совета. Он был доволен и спокоен. И лишь одно заставляло Шариссара хмуриться — запрет королевы на посещение Вместилища Тысячи Душ.

Ее формулировка и обоснование не обманули паладина, он знал, что это был отказ. Она не хотела, чтобы Шариссар задал свой вопрос. Интересно, почему?

Впрочем, паладин догадывался. Он скривил губы в улыбке. А Вместилище он посетит. Даже без разрешения темнейшей. Его кровная нить вновь связывала его с Сердцем Оххарона, и паладин ощущал, как тело наполняется черной силой. Густой и притягательной, дарующей магию и жизнь. Он скинул тяжелый камзол, отороченный меховыми хвостами, оставшись в одной светлой рубашке. Взмахом руки отпустил стражей. И когда остался один, открыл потайную дверь в своих покоях и прошел через короткий проход, входя в небольшое помещение.

Девочка спала, подтянув коленки к груди. Совсем как ее старшая сестра.

— Мой господин. — Лекарь вскочил, протирая сонные глаза, и склонился. Шариссар остановился в нескольких шагах от кровати, не приближаясь. Незабудка во сне что-то сказала и перевернулась. Ему было не так-то просто обмануть Лероя. Все же на обычную иллюзию магистр не купился бы. Но это и не была обычная иллюзия. С замковой стены действительно упало тело, одетое в наряд Незабудки. Слегка подправленное черной магией. И давно мертвое. Это был один из поднятых Бездушных, карлик. Бесчувственная груда мышц, костей и черной крови, сгодившаяся для создания обманки.

— Ей лучше? — Шариссар окинул взглядом девочку, отмечая, что бледность ушла с ее личика.

— Да, мой господин. Девочка поправится. Ее тело на удивление быстро исцеляется. Да и болезнь была не страшной, она всего лишь замерзла, просидев ночь в яме. Оттого и кашляет. Я натер ей спинку согревающей мазью и дал теплое питье...

— Хорошо. — Паладин оборвал его. — Присматривайте. Отвечаете жизнью, Эрхо.

— Да, мой господин.

Шариссар отвернулся и ушел к себе. Разделся, аккуратно сложив одежду. Прошел в купальню и опустил ладони в хрустальный пузырь. Вода в нем была холодной, но паладина это не остановило. Он зашел в воду, быстро помылся и вернулся в спальню. Уставился на кровать. Но постель была пуста, и Шариссар разозлился на себя за то, что испытал разочарование.

Леи не было.

Он лег на меховое покрывало, не чувствуя холода. В комнате было сыро — его не ждали, и камин остался незажженным. Но укрываться Шариссар не стал, намеренно заставляя свое влажное тело остыть.

Закрыв глаза, ощущая на животе металл зазубренных лезвий. Он привык спать с оружием и не собирался менять своих привычек. Они не раз спасали ему жизнь. Сна не было, хотя паладин

устал. Или он не позволял себе уснуть, слишком настойчиво прислушиваясь к тишине комнаты?

Вновь разозлившись, Шариссар приказал своему сознанию спать.

Реальность сместилась почти на рассвете. Теплое дыхание коснулось лица паладина, и он мгновенно открыл глаза, сдержав замах руки с оружием. Медленно повернул голову. Лея спала на боку. Темный завиток волос упал на плечо Шариссара. Он не стал трогать его, хотя коже стало щекотно. Этой ночью девушка не плакала. И спала в ночной сорочке. Тонкая ткань облегла ее изгибы, те, что он так хорошо помнил. Его ладони сжались на рукоятках клинков до белизны в костяшках. Губы тут же пересохли, а телу стало жарко. И его мужской орган моментально отреагировал, налился кровью и увеличился. Шариссар облизал губы, жадно втягивая запах Леи. Его тело хотело перевернуться, прижать девушку к кровати, накрыть собой. Сжать одной рукой ее ладони, пока она не успела проснуться. Другой задрать ее сорочку. Или лучше разодрать ее совсем, чтобы не мешала видеть ее тело. А потом... Потом опустить голову и накрыть горячим ртом ее грудь. Да именно так. Сначала втянуть в рот ее сосок. Дождаться изумленно испуганного вскрика, когда Лея проснется и распахнет глаза. И тогда уже впиться в ее губы, выпивая этот крик вместе с дыханием.

А после этого подмять ее под себя и войти в ее тесное лоно, умирая от наслаждения... Он знал, что это будет так. Почти до потери разума, до невероятного чистого экстаза, до рычания и полной темноты в глазах!

Он хотел этого. Как же он этого хотел!

Тело напряглось, готовясь перевернуться...

Лея исчезла.

Первый клинок вспорол обивку кресла и воткнулся в щель над камином. Второй с размаху разодрал мех покрывала. А сам Шариссар зарычал так, что стражи, караулившие снаружи, ворвались в покои.

— Пошли вон! — рявкнул паладин.

Переглянувшись, стражи поклонились и ушли. Шариссар вскочил, выдернул из стены свой клинок и заметался по комнате, шипя сквозь зубы и проклиная это смещение граней. И свою метку, которая притягивает Лею.

Он остановился, заставив себя замереть посреди комнаты. А потом решительно прошел в купальню, залез в почти ледяную воду. Вышел, встряхнувшись, как зверь, и стал одеваться, натягивая вещи на мокрое тело.

* * *

Лиария

Темнейшая королева кружилась по комнате, не в силах остановиться. В этом огромном зале уже не осталось ни одного целого предмета, какое там! Даже стены были испещрены рытвинами ударов, а пол усыпала хрустальная крошка, резавшая ступни Арамира острыми гранями. Над королевским дворцом бушевала буря, алые молнии разрезали бесконечную темноту неба с периодичностью меньшей, чем пульсация огненного сердца на самой высокой башне Оххарона. Ледяной ливень колот случайных путников острыми иглами, пробивая кожаные плащи и впиваясь в кожу несчастных.

Лиария злилась.

Она взмахнула рукой, приказывая острым осколкам слиться в огромное зеркало, и скинула золотое платье. Замерла, закусывая губу почти до крови.

— Разве я не прекрасна? — спросила она, рассматривая себя в серебряной поверхности. — Разве я не самая красивая женщина во всем Оххароне? Скажи мне, мой слуга, разве я не желанна?

— Вы само совершенство, моя королева, — безжизненно ответил Арамир.

— Так почему он не желает меня?! — с яростью выкрикнула Лиария, и зеркало треснуло, осыпалось неровными гранями. — Почему так равнодушен? Объясни мне, слуга!

— Я не знаю, моя королева.

Она откинула голову, наблюдая кружащиеся под высоким потолком белые вихри снега и хрустальных осколков, не в силах сдержать собственный гнев. Перевела потемневшие, без белков, глаза на Арамира.

— Почему его зверь сделал выбор? Почему? Мне подвластен целый мир, мое тело и лицо совершенны, моя магия способна погубить или возвеличить, так почему он никогда не выбирает меня?! — Тонкие руки Лиарии обвила сеть красных прожилок, поднимаясь все выше, но темнейшая этого не замечала. — Лишь раз... — прошептала она. — Только лишь раз он был со мной... Моим... Так давно. Бесконечно давно. Когда мы были совсем другими. Я — живая. А он... — Она закрыла глаза и обхватила себя руками, гибко покачиваясь, словно змея. — Я знаю, какой он может быть, мой холодный паладин... — Ее шепот почти не был слышен. — Я знаю, сколько в нем было огня... Я знаю, каково засыпать в его объятиях, измученной его страстью, обласканной его поцелуями! Никто не может стереть их с моего тела, никто не может заменить в моей памяти. В моей власти — бесконечность, целая бездна времени и всего одно воспоминание. Разве это не жестоко? Разве справедливо? Зачем мне эта проклятая вечность?!

Последние слова она вдруг резко выкрикнула, и тысячи хрустальных осколков вновь со звоном взвились в воздух. Лиария подняла руки, и хрустальная крошка осыпала ее тело, сливаясь в мерцающий наряд, прозрачный и колючий, с острыми гранями и зеркальным блеском.

— Я совершенна! — выкрикнула королева. — Я прекраснее всех! Так почему он не любит меня?

— Нельзя заставить любить, — бесцветно сказал Арамир. Его глаза в кружеве белой изморози казались застывшим голубым льдом. — Нельзя заставить не любить.

— Нельзя?! — Лиария в ярости взмахнула рукой, и парень отлетел, ударился о стену. — Ты ошибаешься, глупец! Любовь всего лишь сочетание физического желания и нелепой потребности в чужом тепле! — Она замерла, и хрустальное платье тоненько звякнуло, соприкоснувшись гранями. — Его зверь выбрал другую... Ну что ж. Она пожалеет об этом. Сильно пожалеет.

Лиария коварно улыбнулась.

— Вы жестоки, моя королева. — Арамир поднялся, отряхнул с ладоней осколки.

— Я выше жестокости, выше добра или зла! — высокомерно прошипела Лиария. — Я — совершенство. А добро или зло — лишь мера познания мира, ничего в нем не меняющая! — Она вскинула голову. — Ничего, Арамир... Его тело захотело другую, но его сердце принадлежит мне! — Темнейшая расхохоталась. — Самое огненное сердце Оххарона навеки мое! Я опутала его паутиной тысячи жизней, и лишь я могу прикоснуться к нему, оно стучит, потому что я этого желаю! Моя магия заставляет его биться, понимаешь, Арамир?

— Нет, моя королева.

— Ты дурак, слуга, — пренебрежительно бросила Лиария. — Сила Оххарона в его сердце, огненном сердце, до краев наполненном ненавистью! Сердце того, кто живет в боли целую вечность, и ничто не способно этого изменить! И это сердце я могу тронуть, могу прикоснуться к нему, сжать в своих ладонях! Только я! Лишь я способна на это! Только я!

— Только вы, моя королева, — послушно повторил Арамир. В его снежных глазах на миг

возникло злое торжество, но пропало слишком быстро, чтобы Лиария успела его заметить.

Впрочем, она и не смотрела на парня, поглощенная своими мыслями и яростным кружением по залу. Она повернулась к нему лишь тогда, когда поняла, что ее гневу требуется другой выход. И поманила к себе Арамира. Тот послушно подошел, прижал к себе королеву, ощущая, как впились в тело острые грани ее платья.

— Доставь мне удовольствие, слуга, — с насмешкой протянула Лиария, сильнее прижимаясь к телу Светлого. — Заставь меня кричать от наслаждения, и я, возможно, подарю тебе еще несколько дней жизни.

— Вы бесконечно добры, моя королева.

Арамир дернул хрустальное платье, не обращая внимания на кровь, стекающую по ладоням, обнажил белое тело и впился в губы королевы. Он точно знал, как заставить темнейшую кричать.

Элея

Я вновь проснулась, задыхаясь, с колотящимся сердцем. Что со мной происходит? Мне снился сон. Станный, маетный, волнующий... Мне снился пряный запах, что заставлял меня жадно хватать воздух губами. Снилось хриплое дыхание, обжигающее щеку.

Мне снился Шариссар. Я ощущала его присутствие всем телом, всеми органами чувств, даже с закрытыми глазами.

Что со мной? Неужели сны бывают... такими?

Я потеряла виски и встала, потянувшись к своей одежде. Все тело ныло после вчерашних занятий, маги всерьез решили заняться подготовкой учеников к сражению. А еще в Хадраш похолодало. Так неожиданно, что мы, привыкшие к теплу и вечному лету Рифа, застыли в изумлении на тренировочном поле, когда короткая трава начала покрываться инеем. Мы даже не сразу поняли, что произошло и почему изо рта вырывается при дыхании пар.

— Это что, снег? — изумилась Ринка, опуская арбалет. И как маленькая протянула ладони, ловя медленно кружащиеся снежинки. Они парили белыми бабочками, опускаясь на ярко-зеленую траву Хандраш, на цветущие вишни и дорожку, выложенную красным камнем. И все застыли, изумленные, поднимая ладони, чтобы поймать сверкающие снежинки.

— А в Низинках уже зима, — задумчиво протянула Полина и высунула язык, — а теперь вот... и здесь.

— Чего застыли? — окрикнул нас «надсмотрщик», то есть тот самый боевой маг, приставленный к нам. Называли его Шип, у этих черномантиевых было принято давать второе имя уже в Академии, и большинство пользовались им, а не данным при рождении. Наш Шип свое имя оправдывал, мы его за глаза именовали «колючкой в одном месте». Правда, при нем боялись даже дышать, одна Тисса дерзила. Но ей это позволялось: девушка стреляла, дралась и метала всевозможные режущие предметы с ловкостью, которой мог позавидовать сам Шип.

Мы отмерли и послушно потрусили дальше. Это называлось «пробежка со стрельбой». Сначала мы бежали, потом падали за какие-то ограждения и стреляли, потом снова бежали.

Ужас.

Кстати, я ни разу не видела на поле Ника, хотя пару раз встречала его ползающим в саду с мешком. Но торопилась сбежать раньше, чем лохматый меня увидит, понимая, что иначе буду нюхать его листочки и травинки до слез и чихания!

И хоть у меня болели кисти после вчерашнего упражнения с плетью, но после поля я решительно двинулась в сторону здания в глубине сада, намереваясь продолжить. И вздрогнула, когда в темноте увидела высокую фигуру.

— Магистр! Вы меня напугали. — Он молча зажег лампы, освещая помещение, и повернулся ко мне. Слегка нахмурился.

— Лея, ты хорошо себя чувствуешь?

— Да, вполне, — удивилась я вопросу. — А вы?

Он криво улыбнулся. Я заметила, что последнее время магистр улыбается именно так — не широко, как тогда, на корабле, а лишь одним уголком рта, невесело. Хотя, вероятно, у него было мало поводов для радости.

— Лея, я хочу кое-что сделать... — начал он, в упор глядя на меня.

— Что? — напряглась я.

— Хочу попытаться узнать, осталась ли в тебе хоть малейшая доля Искры. Но для этого мне нужно твое добровольное согласие. И желание мне помогать.

— И я после этого останусь жива? — Он кивнул, снова усмехнувшись. Я нахмурилась, задумавшись. — Я дам вам свое согласие при одном условии, магистр Райден.

— Торгуешься? — Он приподнял бровь.

— Вынуждена. — Я твердо встретила насмешливый взгляд мага. — Я сделаю все, что от меня требуется, если сможете найти Незабудку.

Магистр молчал, и я в отчаянии шагнула ближе, заглядывая в зеленые глаза. Их выражение я понять не могла, как ни старалась.

— Пожалуйста! Магистр Райден! Я согласна на что угодно, только помогите мне ее найти! Умоляю вас!

Я подошла еще ближе, уже почти готовая до него дотронуться. Но маг отодвинулся, чуть прикрыв глаза, его лицо исказилось на миг, как от боли.

— Лея. — Он тряхнул головой. — Я хочу помочь тебе. Очень хочу. Я просто не могу этого обещать. Но там, куда мы сейчас пойдем, ты сможешь задать вопрос и получить ответ.

— Я смогу узнать, где сестра? — восторженно воскликнула я.

— Ты сможешь попытаться, — кивнул он. — Так ты согласна?

— Конечно!

Согласна? Да пусть в меня хоть ножи втыкают, лишь бы узнать, что Сиера жива!

— Хорошо. — Он протянул мне руку и улыбнулся. — В моем кабинете нет дверей, так что придется потратить немного Света на портал.

Я не успела удивиться, как он сжал мою ладонь, окутывая силой, и уже через миг мы оказались в просторном помещении. Здесь было несколько окон, и, что удивительно, располагаясь на одной стене, они все открывали вид на разные части Рифа. Огромная карта Пятиземелья на столе была живой, на ней виднелись не только леса и озера, но и города с домами, дворцами, мостами и лавочками, и, присмотревшись, можно было увидеть движущиеся фигурки людей, зверей и даже птиц.

Я ахнула, заметив черного кота, что умывался на крыльце большого дома в Низинках.

— Боги, да это же Брысь! Кот портнихи, у которой я работала! Глазам своим не верю! Неужели здесь можно увидеть всех?

— Нет, не всех, но многих, — магистр Райден отошел к стене и принялся раскладывать возле нее серебристые бусины. — Можно увидеть тех, кто никак не защищен магией. Здесь нельзя увидеть правителей или членов королевского двора, да и других влиятельных людей. У них у всех есть защита от такого... подглядывания.

— А меня здесь можно увидеть? — заинтересовалась я.

— Хандраш тоже здесь не просматривается, как видишь. Лишь общие контуры.

Я наклонилась, всматриваясь в очертания Рифа. Вокруг него бушевало море и высились скалы. Те пики, что чуть не погубили «Грозу», тоже были здесь, и я ахнула, увидев, что скалы окружают Риф плотным кольцом.

— Да, рельеф морского дна изменился, — кивнул Райден, увидев мой взгляд. — И то, что раньше казалось достоинством, стало ловушкой. Мы на Рифе словно в капкане, Лея...

Его глаза снова стали злыми от безнадежности их положения, и маг отвернулся.

— Но ведь «Гроза» смогла вырваться! — воскликнула я. — И капитан Дрозд приведет другие корабли!

— Все не так просто. — Райден осторожно установил на серебряную подставку прозрачный шарик. — Посмотри на карту Пятиземелья, Лея. Наши территории довольно велики. И все основные силы армии сосредоточены на границах с Зоной Сумрака. Правителям придется снять

оттуда часть сил и перебросить к Хандраш. А на это надо время. Ситуация парадоксальная, но Риф практически беззащитен. Ведь тысячелетия это было самое магическое место Пятиземелья, здесь не нужна была армия, нас защищала Искра. А теперь...

Он покачал головой.

— Подождите. — Я попыталась осознать его слова. — Вы хотите сказать, что мы остались без поддержки Пятиземелья? Но как же... Правители обязаны нам помочь!

Он закончил устанавливать шарики и повернулся ко мне. Глаза мага были злыми, и я сглотнула, ощущая желание попятиться.

— Правители даже не знают, что Искра угасла, Лея. И я не уверен, что капитан Дрозд сможет найти хоть кого-то, кто к нему прислушается и поверит. Я отправил птиц с посланием, но ответа пока не получил. И у меня не получается поставить портал за пределы Хандраш. Искажение реальностей не выпускает.

— Что? — До меня постепенно доходил весь ужас нашего положения. — Но ведь придворные маги почувствуют уменьшение Света!

— Да, но не сразу. Время, Лея... Оно уходит. И думаю, Темный Двор просто выжидает, пока Хандраш ослабнет достаточно для прорыва.

— Боги... Но как же так? Ведь когда в мир пришло Отражение, правители должны были подготовиться... Должны были принять меры... Собрать армию... — Я увидела взгляд Райдена и осеклась. — Магистр, только не говорите мне, что правители не знали об Отражении!

— Это не входит в их полномочия, — любезно, словно на великосветском приеме, пояснил маг, и мне захотелось его ударить чем-нибудь тяжелым. — Дела Хандраш всегда были... секретны. И тайной Отражения и Искры владели лишь посвященные маги ковена.

— Я сейчас закричу, — хмуро призналась я. — То есть правители Пятиземелья даже не в курсе, что наш мир на пороге завоевания другим миром? Маги это скрывали? Как это называется?

— Политика, — хмыкнул Райден и ударил ладонями по стене. Все установленные им шарики разом вспыхнули, и на каменной кладке образовался проход. Внутри было темно и тянуло сыростью, так что я поежилась.

— Поэтому нам надо сделать все, чтобы вернуть Искру, Лея. Или хотя бы часть силы. Я надеюсь, что это возможно. Прощу. — Магистр протянул мне руку.

— Выглядит мерзко. — Я заглянула в черное нутро и ахнула, когда магистр легко приподнял меня и перенес через край пролома.

— Внизу будет светлее, — сказал он, сжимая мне ладонь. — Осторожно, тут ступеньки.

— Я ничего не вижу!

Я на ощупь поставила ногу, опираясь на твердую руку мага. Мы спускались по довольно узкой лестнице, на расстоянии меньше вытянутой руки были каменные стены, влажные от плесени.

— Терпеть не могу подземелья, — буркнула я. — Надеюсь, вы ведете меня не в местный склеп? Предупреждаю, я боюсь скелетов!

— Зачем их бояться? — зловеще отозвался Райден. — Они мирные, погребут костями и успокоятся.

— Магистр!

Он тихо рассмеялся.

— Я пошутил, Лея. Нет здесь скелетов, не переживай. Здесь даже крыс нет.

— Это тоже как-то подозрительно. — Он вел меня в полной темноте, все ниже и ниже. Лестница спирально закручивалась, и порой стены сужались настолько, что приходилось идти друг за другом. Через какое-то время мне уже начало казаться, что мы идем так бесконечно

долго, а спуск все не заканчивался. И в этом мире темноты моим ориентиром была лишь теплая и сухая ладонь, что держала меня, и спокойное дыхание идущего рядом магистра.

— И куда ведет эта лестница? — не выдержала я.

— Скоро узнаешь. Потерпи немного.

Я прикусила язык, хотя хотелось расспросить. Мы сделали еще один поворот, и мне показалось... нет, не показалось! Определенно стало светлее! Я даже могла рассмотреть гладкие стены и лицо мага. Свет шел откуда-то снизу, и чем ближе мы подходили, тем ярче он становился. Но это был не желтый свет сгорающего масла или факелов и не бледное мерцание лунницы, это сияние было ровным и белым. И меня все сильнее охватывало волнение и радостное ожидание. А когда лестница закончилась, и мы вошли в круглый подземный грот, я прижала ладони к груди. В центре лежал плоский камень, и именно от него исходило белое сияние.

— Это... это же Оракул! Магистр Райден, это действительно он? Глазам своим не верю! К нему можно прикоснуться?

— И даже больше. Тебе надо на него лечь.

— Надеюсь, раздеваться не придется? — ляпнула я, и Райден насмешливо изогнул бровь. А я, кажется, покраснела. Тогда, в Обители Искры, мои чувства словно занемели из-за произошедшего, и мне даже стыдно не было. Тогда мне вообще было на все наплевать. А сейчас воспоминание о том, что магистр видел меня без одежды, заставляло испытывать мучительный стыд. Боги, как представляю, какая я там стояла... Обнаженная, с распущенными волосами и наверняка безумием во взгляде.

Ужасно стыдно. И больно.

Я скрипнула зубами и отвернулась, не желая видеть его лицо. Райден же неожиданно поднял меня на руки и посадил на камень.

— Достаточно будет снять обувь, — сказал он и стянул с меня правый ботинок.

— Я сама...

Но магистр уже снял и левый, чуть задержав ладонь на моей стопе.

— И чулки тоже, Лея.

Он отошел, а я прижала босые ступни к камню.

— Он теплый, — растерянно пробормотала я. — Неужели это правда легендарный Оракул?

— Да. — Я услышала в голосе мага улыбку. Он повернулся, когда я закончила с чулками, и подошел. — Ложись на спину, Лея.

Я подчинилась. Потолок тоже слабо светился, словно отражал свет камня.

— Магистр, — вдруг спросила я, — а откуда взялась первая Искра? Действительно упала с неба в воды моря? И ее вытащил в своем неводе рыбак?

Он ходил вокруг камня, расставляя какие-то предметы, и я повернула голову, наблюдая.

— Я не знаю, Лея. — И улыбнулся, увидев мое недоверчивое изумление. — Мне, конечно, льстит твоя вера в то, что я знаю все на свете. Но все же я не настолько... древний.

Я насмешливо фыркнула и выразительно посмотрела на мага.

— Но, думаю, это лишь легенда. На самом деле никто не знает, откуда взялась первая Искра. Не поднимайся, — осадил он, увидев, что я привстала. — Искра появилась три тысячи лет назад, по нашим подсчетам. И до наших дней сведения о ее появлении дошли лишь в виде легенд. Древние свитки повествуют о квинтэссенции любви, которой она является. — Я снова фыркнула, вспомнив призрачную девушку в Белой Башне. Нашли любовь!

— Полупрозрачный призрак с тоской во взгляде как-то мало похож на эту самую... квинтэссенцию, знаете ли!

Райден улыбнулся и продолжил:

— Пожалуй. Но она действительно возникла на этом Рифе. Возможно, благодаря Оракулу. Этот камень способен усиливать и накапливать Свет. Поэтому частицы его мы используем в магических жезлах.

— То-то я и смотрю, что камушек с одной стороны словно мыши погрызли! Вы ведь отламываете по кусочку на эти усилители? На жезлы? — хмыкнула я, а маг негромко рассмеялся.

— Оракулу это не вредит. Он восстанавливается, словно живой организм, наращивает частицы, что мы забираем. Хотя, возможно, для него мы действительно всего лишь надоедливые мыши. Я раньше об этом не задумывался, знаешь ли!

Я поерзала. Камень был теплым и гладким, лежать на нем было довольно удобно, но как-то не слишком приятно думать, что Оракул — живой.

— Но главная его особенность — Оракул видит Свет в людях. Ты ведь знаешь, что с его помощью наставники отбирают будущих магов?

— И вы хотите узнать, осталась ли во мне Искра? — заключила я. — Оракул это увидит, да?

— Я на это надеюсь.

— Что я должна делать?

Райден закончил свои приготовления и склонился надо мной. Зеленые глаза сияли каким-то магическим светом, словно внутри их горел огонь.

— Прижми ладони и ступни к Оракулу, Лея. И не двигайся.

— Будет больно? — тихо спросила я.

— Нет. Не бойся. Но ты должна быть спокойна и не волноваться, что бы ни происходило. Оракул — это артефакт. Он способен приоткрыть тайны событий и явлений, дать ответ на вопрос. Он даже может показать грядущее. Но при этом усиливает истинные эмоции до высочайшей точки, поэтому постарайся не нервничать. Думай о том, что действительно для тебя важно, Лея.

Я снова легла, прикрыла глаза.

— Вы поэтому дали мне плетъ, магистр? — Ладони и ступни, прижатые к камню, начали немного нагреваться. — Чтобы я... выплеснула свой гнев перед тем, как идти к Оракулу?

— Я дал тебе плетъ, чтобы ты могла себя защитить. И не бояться. — Он вновь склонился надо мной. Камзол маг снял, закатал рукава светлой рубашки до локтей и распустил волосы. Красная волна падала ему на плечи, и мне захотелось потрогать пряди. Просто из любопытства, все же никогда не видела такого удивительного цвета волос!

— Даже вас?

— Прежде всего — меня, — сказал Райден, не отрывая от меня взгляда. Его взгляд стал напряженным, он потянулся ко мне и закрепил правую руку кожаной петлей на поверхности камня. Потом то же проделал с левой.

— Не могу сказать, что мне все это нравится, — нахмурилась я. Подвигала руками, ладони свободно ходили внутри петель, и я смогла бы вытащить их при желании. Это слегка меня успокоило.

Магистр переместился, закрепляя мне ноги.

— Петли удержат тебя в одном положении. Не пугайся, пожалуйста.

Я заставила себя лежать спокойно, ощущая его руки на своих лодыжках. Правда, прикосновение было совсем мимолетным, магистр просто проверил крепеж и отошел.

— Что теперь?

— Ничего. Закрой глаза. Дыши. Слушай.

Я послушалась. Камень подо мной определенно нагрелся, и я даже успела испугаться, не поджарит ли он меня. Маг сказал слушать, но в гроте было тихо, и никаких звуков я не слышала. Чуть приподняла ресницы, желая узнать, что делает магистр. Он стоял, оперевшись ладонями в

камень и опустив голову.

— Не подсматривай. Глаза закрой, — негромко велел он.

— Вы же не видите, что я подсматриваю! — удивилась я.

— Нетрудно догадаться, — хмыкнул он и улыбнулся, не открывая глаз. — К тому же все подсматривают.

Я замолчала и смежила веки. Конечно, подсматривают! А кто же удержится? Как-то не слишком приятно лежать на нагревающемся камне и гадать, что будет дальше! Впрочем, тепло Оракула успокаивало, и в какой-то момент я начала впадать в странное состояние полудремы.

Меня словно покачивало на волнах в лодочке, туда-сюда... Ощущения были приятные вплоть до того момента, как я вспомнила... Шариссара. И сразу перед глазами все заволкло тьмой и я начала задыхаться. В уши ударил звук — низкий, вибрирующий, мощный, словно рев надвигающегося шторма. В один миг на меня обрушились боль, обида и гнев, желая разорвать на части, уничтожить, искалечить мне душу!

— Дыши, Лея. — Голос магистра пробился сквозь рокот в ушах, и я почувствовала теплые ладони на своих висках. — Вспомни о сестре. Думай о Незабудке...

Незабудка, конечно! Она — самое главное! Мой свет, мой лучик, родное и любимое сердечко. Я так тосковала по ней! Боги! Как же мне нужно хоть на минуточку увидеть малышку, узнать, что она жива и здорова, что ее не обидели. Хоть на миг прикоснуться к ее темным кудряшкам, заглянуть в глаза...

Тьма рассеялась, и я увидела... Я действительно ее увидела! Незабудка спала в незнакомой мне комнате, ее укрывало теплое меховое покрывало. Я увидела камин и кресло, в котором сидел сухонький бородатый мужчина. Он дремал, опустив голову на бархатную спинку и уронив из рук толстую книгу. В комнате пахло лекарственными травами, запах шел от глиняного кувшина, что стоял у кровати малышки. Большого рассмотреть не удалось, сознание вернулось в тело, и я распахнула глаза. Выдернула руки из кожаных петель и резко села.

— Магистр, я видела ее! Я видела Незабудку! Магистр Райден, что с вами?

Маг стоял, опираясь побелевшими кулаками на камень, и когда поднял голову, я отпрянула. Лицо мага застыло напряженной маской, зрачки сузились в крошечную, почти невидимую точку.

— Магистр Райден? Вам плохо?

Я потихоньку сползла с Оракула, не приближаясь к магу. Его взгляд тяжело остановился на мне и стал более осмысленным.

— Все в порядке, — глухо выдавил он. — Я просто... кое-что увидел. Грядущее.

— Грядущее Пятиземелья? — осторожно поинтересовалась я. Если так, то дела у нашего мира плохи. Потому что радостным от увиденного Райден точно не выглядел.

— Нет. — Он криво усмехнулся. — Всего лишь свое собственное. — Он вновь опустил голову, рассматривая свои ладони, лежащие на светящемся камне. — Лея, иди вверх. Прошу тебя.

Я хотела спросить, увидел ли он во мне Искру, но не стала. Слишком странно маг выглядел, да и к беседе был явно не расположен. Он выпрямился и повернулся ко мне, его тело было напряженным, я видела, как натягиваются мышцы и сухожилия на его руках, что он сжимает в кулаки, как выступают вены. Черты лица заострились, а в глазах появилось то голодное выражение, которое я видела в лице магистра на корабле. Между нами было несколько шагов, но мне казалось, что я чувствую жар его тела и хриплое дыхание. Даже сам воздух накалился, и дышать стало почти нечем.

— Иди, — не спуская с меня тяжелого взгляда, велел магистр.

Так как он стоял между мной и лестницей, пришлось пройти мимо, по возможности обходя Райдена по широкой дуге. Магистр наблюдал за моими осторожными перемещениями так

внимательно и неотрывно, что стало не по себе. А я в очередной раз вспомнила, что не стоит доверять магам. Неизвестно, что у них на уме. Вот сейчас, например, Светлый смотрел на меня так, словно раздумывал, каким способом меня лучше убить. По крайней мере, мне казалось, что он думает об этом, хотя ручаться я, понятно, не могла.

Обойдя Райдена, я торопливо бросилась на лестницу, радуясь, что теперь хожу в штанах, а не путаюсь в подоле юбки. Только вот мои ботинки остались возле Оракула: я так торопилась сбежать, что не стала их подбирать. И теперь я прыгала по камням лестницы босиком, и чем выше, тем холоднее они становились. И тем меньше было света.

Он догнал меня уже в темноте, дернул, разворачивая, и тяжелое тело впечатало меня в стену, а горячие губы накрыли мой рот. Я лишь хотела сделать вдох или возмутиться, но не успела ни того ни другого. Райден целовал сильно, страстно, языком раскрывая мне губы и удерживая голову руками. И сразу — нежно, почти невесомо, лаская мои губы, словно умоляя меня ответить, раскрыться, довериться...

Но длилось это лишь мгновение, он отпрянул почти сразу, отстранился.

— Прости меня. — Голос магистра прозвучал глухо и хрипло. Я же лишь хватала ртом воздух, пытаясь прийти в себя после этой неожиданной атаки. И радуясь, что на этой лестнице достаточно темно и моего ошарашенного лица он не видит. — Прости. Этого больше никогда не повторится. Я тебе обещаю. Это... побочный... эффект.

Он отошел на противоположную сторону узкой лестницы и привалился к стене. Постоял так, откинув голову. Я тоже замерла, не зная, что сказать. Вернее, говорить не хотелось вовсе.

— Я могу идти, магистр Райден? — по возможности без эмоций поинтересовалась у мага. — Или мне стоит подождать продолжения... побочных эффектов?

— Обуйся, — резко приказал он, не глядя на меня. И только тут я заметила, что магистр принес мои чулки и ботинки.

— Если бы мне так не хотелось вас ударить, я бы сказала спасибо, — негромко бросила я, подхватила со ступеньки свою обувь и побежала вверх. Обуться я смогу и потом, мне не хотелось оставаться с магом наедине в полумраке этой лестницы. Но уже на самом верху я все-таки обернулась и снова вздрогнула. Оказывается, он шел следом, хотя шагов Райдена я не слышала. Маг замер, когда я резко повернулась, а я набрала побольше воздуха, как перед прыжком в воду.

— Магистр Райден, — резко бросила я, — скажите, зачем вы пришли в Обитель? Вы были ранены, почти умирали, но шли пешком всю дорогу... Зачем? Искрой я стала бы и без вашего участия... Или умерла, если бы не стала... Зачем вы туда шли?

Он не отвечал, лишь смотрел на меня снизу вверх. И я отвернулась.

— Не отвечайте. Я... не должна спрашивать. Не знаю, что на меня нашло!

Я выскочила в пролом и оглянулась, запоздало вспомнив, что дверей в этом помещении нет. Магистр шагнул следом и открыл портал, сосредоточенно не глядя в мою сторону.

Я также отворачивалась, не желая встречаться со взглядом зеленых глаз мага.

Ортан

Он вытянул руку и сглотнул. Слюна была вязкая, густая и кислая, может, от того, что был голоден. Или от того, что его тошнило, когда он смотрел на свою руку. Хотя бы потому, что он ее не видел.

Молодой маг стоял в коридоре Академии. Мимо него пробегали ученики, все куда-то торопились, двигались, переговаривались. А он стоял один. Потому что его не видели. Не замечали. Его не было.

Ортан снова сглотнул. Это началось тем утром, когда отец закинул его в портал. Память услужливо показала воспоминания: вот отец обвиняет Райдена в предательстве, и Ортан испытывает злорадство от происходящего. Он стоит за спиной отца и смотрит на всех этих девушек, а особенно на полукровку. Видит страх в ее разноцветных глазах. Все-таки он покажет ей, кто здесь хозяин, пусть и не так, как было задумано изначально. А потом все завертелось — вызванные Лероем ар-нори, спущенный стражем болт, рев огромного черного зверя... Лорд Хормольд открыл портал с трудом, хорошо, что Авелий помог, черноволосый обладал даром отдавать магию и усиливать других магов.

— Ортан, живо за мной! — скомандовал отец, и парень, пригибаясь, метнулся к переходу.

Портал закрылся, и уже внутри Авелий закричал:

— Не могу удержать! Реальность сместилась! Нас затягивает к Искре!

Лорд Хормольд выругался, и Ортан изумленно уставился на отца, ведь тот никогда не позволял себе крепких выражений, считая подобное поведение ниже своего достоинства. Его полное лицо плыло и словно плавилось в сиянии портала, искажалось, как восковое, и смотреть на это было жутко.

— Ортан не выдержит Искру! — выплюнул он. — Его надо выпустить! Разорви проход, Авелий!

Два мага вскинули руки, и сияние перехода усилилось. Сам Ортан происходящее понимал с трудом, все же он никогда не был прилежным учеником. Он лишь догадался, что его отец прервал перемещение, а потом его ужалило болью, и парень вывалился на траву, больно ударившись о землю. Он застонал, лежа с закрытыми глазами.

— Ну папочка, я тебе сейчас все скажу... — пробормотал Ортан, принимая сидячее положение. Открыл глаза, потянулся к затылку, раздумывая, какого размера там шишка. И ойкнул, как девчонка. Тела не было. Ни рук, ни ног, ни живота. Ни-че-го.

Парень лихорадочно схватил себя за ногу. Ощущения были. Ладонью он чувствовал свое тело и одежду на нем, но вот глазами не видел. Ортан застонал в голос и снова лихорадочно прошелся ладонями по ногам, плечам, груди, почти с ужасом ожидая, что чего-нибудь не найдет и на ощупь. Но все было на месте, и парень слегка успокоился. Он просто невидим. Почему-то. Но он есть, живой и даже невредимый, дышит и чувствует, значит, все не так плохо. Его пальцы натолкнулись на медальон, висящий на шее.

— Подпали меня Искра! — Ортан поскреб затылок. — Так вот в чем дело!

Когда отец вытолкнул его из портала, на нем был древний артефакт сокрытия сути! Неужели это он так подействовал? Усилился настолько, что полностью скрыл молодого мага? Растворил его физическую оболочку в пространстве? От этих мыслей стало не по себе, и парень вновь торопливо себя ощупал. Выдохнул. Нет, все-таки его тело есть, просто невидимо.

Попытался снять медальон, но ничего не вышло: артефакт висел на шее, не двигаясь.

Он поскреб подбородок, раздумывая, что предпринять. Надо дождаться отца. Магистр Хормольд уж точно вернет все на свои места. А пока... Ортан хмыкнул. Пока можно воспользоваться своим положением. Например, пройти незамеченным в крыло целительниц. Или посмотреть, чем занята полукровка. Хотя она наверняка уже сидит в подвале вместе с тем Темным, что таскался за ней.

Вспомнив Темного, Ортан поежился, не сдержавшись. Встречаться с ним снова парню не хотелось.

В то утро все казалось ему поправимым и даже не слишком страшным.

А теперь Ортан стоял в коридоре Академии и размышлял, что ему делать. Отец так и не вернулся в свои покои, и найти его парень не смог. А в самой Академии что-то происходило. Белая Башня исчезла, из подслушанного разговора парень понял, что с Искрой что-то произошло. И магистр Райден вернулся в свой кабинет — живой и невредимый. А когда Ортан увидел его, проходящего мимо, то просто взвыл в голос.

Только его никто не услышал.

Никто.

Ни один человек из несущихся мимо его не слышал, не видел и не ощущал.

И это было ужасно. Это было самое отвратительное, что только испытывал за свою жизнь молодой маг. Его — так жаждущего признания, любви и поклонения — больше не было. И на исходе дня Ортан готов был орать от ужаса и отчаяния. Его положение казалось ужасным. Он не мог открыть ни одну дверь. Он не мог ударить, толкнуть или сбить с ног. Он не мог положить в рот еду. Потому что его ладони проходили сквозь любые предметы, как сквозь воду.

Ортан был нематериален.

И бродил по Хандраш, глядя на лица своих друзей или недругов, хватал их за руки, орал им в уши или наступал на ноги, но ученики не замечали ни одного из этих действий. Когда мимо прошел Арви, Ортан бросился за ним в комнату для подготовки, готовый упасть на колени от радости.

— Арви! Арви, это я! Я здесь! Слышишь меня? Арви, урод ты, сволочь, ублюдок, ты должен меня услышать! Ты должен! Ты же мой друг!

Но Арви лишь хмуро листал учебник. Даже когда Ортан попытался выдрать темные волосы на башке приятеля, тот даже не пошевелился.

— Я привидение. — Сдавшись, Ортан сел на стол и безумно рассмеялся. — Что б я сдох! Я поганый, невидимый, нематериальный призрак! Меня нет!

Арви, захлопнув книгу, поставил ее на полку и ушел. А его невидимый друг расплакался. В конце концов, этого все равно никто не увидит.

А потом понял, что даже покинуть эту комнату со стеллажами учебных свитков он тоже не может. Потому что способности проходить сквозь стены, какая должна быть у нормального призрака, у Ортана не было. Он потерял все и ничего не приобрел взамен.

Его просто не стало.

* * *

Шариссар

За утро он успел побывать на тренировках нескольких взводов, проверить надежность Ледяного Полога вокруг Острога и нанести неожиданный визит десятку командующих армией

Мрака. И отправить двух из них в яму за то, что низшие паладины не заметили разорванную линию щита на вверенной территории. Проводник израсходовал почти весь свой резерв, устанавливая для Шариссара путевые арки и разрывая для него ткань пространства.

Его дыхание вырвалось с хрипом где-то в середине дня, когда паладин вдруг замер посреди тренировочного лагеря.

...Ее целовали. Жадно, страстно, нежно. Чужие губы прикоснулись к губам Леи, и паладин зарычал, ощущая, как удлиняются клыки и выгибается спина. Зверь бился, требуя выпустить его, ломая человеческую волю в истовом желании убивать. Он хотел рвать на части, раздирать клыками, сдирая кожу лоскутами, хотел, чтобы тот, кто посмел прикоснуться к Лее, умирал мучительно, захлебываясь собственной кровью. И даже это не смогло бы удовлетворить его жажду мести, заглушить боль и ярость, что взорвались в нем, когда он ощутил ее недоумение от чужого поцелуя. Но не отвращение. Не ненависть. Лее не было неприятно. Она лишь... удивилась.

И это окрашивало его мир черно-красным цветом скорого убийства.

Шариссар сдержался лишь благодаря тренированной годами выдержке и самоконтролю, ставшему его второй кожей. Он сдержал обращение, тряхнул головой, заставляя себя вслушаться в отчет командующего гарнизоном. И даже почти понимая, о чем тот говорит! Его глаза лишь блеснули краснотой и вновь стали черно-синими и пустыми.

Он не позволит себе забыться до потери контроля.

Никогда.

В его жизни уже было это — тьма, охватывающая разум, голый инстинкт и желание убивать, острая грань потери человечности — притягательная и сладкая. Мир в такие минуты окрашивается цветом боли и агрессии, а клыки ощущают вкус чужой крови. Паладин лучше, чем кто-либо, знал, что испытывают звери, запертые в клетках загонов. Он был одним из них, и лишь ему удалось вернуться в сознание...

И самое ужасное, что он сохранил память о том периоде. Он прекрасно помнил все, что творил, будучи зверем, помнил наслаждение убийством, помнил и загонял в глубины своего разума, так далеко, как только мог.

Проклятая метка и девушка с разноцветными глазами заставляли его вновь вспоминать то время, вновь терять контроль. И за это он почти ненавидел Лею. И себя.

В Острог Шариссар возвращался уже в сумерках, когда земля покрылась инеем. Предусмотрительный Айк подал господину мантию из цельного куска меха горного волка, что достигал размеров здорового коня. Весь день оруженосец истово старался предугадывать желания своего командующего и по возможности держаться за спиной, чтобы не попадаться ему на глаза. Но его не покидало ощущение, что за внешним спокойствием господина бурлит обжигающая лава, готовая выплеснуться и спалить дотла весь Оххарон.

И потому Айк вздохнул с облегчением, когда они вернулись в Острог и паладин отпустил своего доверенного.

Шариссар поднялся в башню, которую занимал единолично и вход в которую был заказан всем остальным обитателям Острога. И первое, что услышал, войдя в свои покои, это вопль!

Он рванул к потайной двери и в смежную комнату ворвался, готовый к сражению и занося свои зазубренные лезвия.

— Ух ты! Какие здоровые штуки! — восхитилась Незабудка при виде его.

— Что здесь происходит? — мрачно поинтересовался паладин. В комнате, еще вчера такой чистой и опрятной, царил хаос. На полу валялся перевернутый поднос, горшок с кашей

опрокинулся, рассыпав содержимое, а мясная подливка выплеснулась на бархатную обивку кресла. Все подушки и покрывала Сиера сбросила с кровати и теперь прыгала по голому тюфяку. Даже занавеска была оборвана с одного края, словно на ней успели покачаться из стороны в сторону.

Сиера надула губы и вновь подпрыгнула на кровати.

— Девочка отказывается есть! — с возмущением пожаловался целитель. Его куцая борода тряслась от негодования. — Я не могу ее заставить! Это... наказание какое-то! Простите, но я лекарь, а не... нянька!

— Не буду! — завопила Сиера. — Не буду есть! Не буду спать! Я хочу к Лее! Не буду!

— Молчать! — рявкнул Шариссар. Оба — и девочка, и целитель — подпрыгнули и захлопнули рты, уставившись в черные глаза паладина. — Вижу, тебе лучше, Незабудка, — уже спокойно сказал паладин. Девочка нахмурилась.

— Откуда ты знаешь меня? Ты кто?

— Можешь считать, что я твой господин.

— У меня нет господина! — Сиера вздернула остренький подбородок. — Моя сестра Лея говорит, что мы свободные и никому не принадлежим! Только Богам!

— Твоя сестра Лея такая же наивная, как и ты, ребенок! — хмуро бросил Шариссар. — А теперь слезь с кровати и убери за собой все, что разбросала. Живо!

— Не буду! — насупилась Незабудка. — Не буду, не буду, не буду! Я хочу домой!

— Ты будешь делать то, что я тебе велю! — вновь рявкнул паладин.

Целитель побледнел еще больше, но неуверенно пробубнил:

— Осмелюсь предположить, что девочка напугана, мой господин... и не понимает, что происходит...

— Мне плевать! — Шариссар одним движением оказался рядом и сдернул Незабудку с кровати. Схватил ее за шиворот и приподнял на уровень своих глаз, словно котенка. — Будешь делать то, что я сказал. И немедленно все убереешь за собой. А потом сядешь и съешь все, что тебе принесут.

— Моя сестра придет и убьет тебя, понял? — выкрикнула Незабудка.

— О, ты даже не представляешь, как я этого жду, — оскалился паладин.

— Все равно не буду! Ой!

Она завопила, увидев как черно-синие глаза стали красными, словно угли, а клыки мужчины удлинлись, приподняв верхнюю губу.

— Башку откушу, — пообещал Шариссар, клацнув зубами.

Губы девочки скривились, словно она собиралась заплакать, но Сиера лишь шмыгнула носом.

— Мой господин, — неуверенно попытался вмешаться целитель. Но получил в ответ злой взгляд красных глаз и попятился. Шариссар разжал ладонь, и девочка шлепнулась на тюфяк.

— Когда вернусь, здесь должно быть чисто и тихо. А ты должна лежать в постели и видеть свои детские сны, поняла? — предупредил он, свысока оглядывая Сиеру. Развернулся и ушел.

* * *

В его покоях уже успели наполнить горячей водой пузырь в купальне, и паладин с наслаждением лег в исходящую паром воду. Неспешно вымылся, вдыхая запах хвои и трав, вылил себе на голову ведро ледяной воды, завершая омовение. Не вытираясь, вышел в спальню, позволяя телу обсохнуть. Потом так же неторопливо оделся.

Он сознательно давал девочке время, чтобы выполнить его приказ, не сомневаясь, что, вернувшись, увидит относительно чистую комнату и Незабудку, послушно лежащую в постели.

Поэтому входил он, почти готовый улыбнуться. И с трудом сдержал рык, увидев, что комната выглядит как после побоища. К общей картине хаоса добавились перевернутое кресло, окончательно оборванные занавески и растерянный лекарь, потрясающий головой, сидя на полу. На его черепе дрожали остатки каши.

— Это не девочка! — увидев господина, взвыл целитель. — Это какое-то исчадие Бездны! Я не могу... не понимаю...

Самой Незабудки в комнате не было.

— Где она? — очень спокойно спросил паладин. Целитель растерянно оглянулся.

— Так только что... была же... здесь... где-то...

Одним рывком Шариссар поднял дубовую кровать, но под ней никого не было. Осмотрелся. Принюхался. Прошипел сквозь зубы проклятие и скользнул к окну.

Сиера стояла на каменном бордюре в десяти шагах от окна и продолжала упрямо ползти дальше. На высоте, с которой и смотреть было страшно, не то что идти!

Шариссар сдержал свой рык и запрыгнул на бордюр. Для его роста и веса он был слишком узким, там, где маленькая девочка могла ползти на четвереньках, он с трудом помещался. Иней уже покрыл каменные стены белым налетом, и паладин скрипнул зубами, когда Сиера покачнулась, а ее ладошки скользнули по камню. Она пыхтела и сопела, не замечая крадущегося сзади мужчину. Шариссар сделал еще один шаг. Камушек вывалился из кладки и улетел вниз, стукнувшись о стены. Паладин скользнул по бордюру и резко схватил девочку за ногу. Та вскрикнула, взмахнула руками, теряя равновесие. Упасть ей не давали лишь железные пальцы, что сомкнулись вокруг ее щиколотки.

— Ну и куда ты собралась? — поинтересовался паладин, держа девочку вниз головой над пропастью. Даже в таком положении Незабудка умудрилась гневно сверкать зеленющими глазами и поджимать губы.

— Домой! — выкрикнула она.

Шариссар оглянулся, приподняв бровь. Посмотрел налево. Потом направо.

— Серьезно? И ты даже знаешь, где твой дом? Что-то я здесь вижу лишь свои владения.

Он снова посмотрел по сторонам, чуть разжал пальцы, и девочка завизжала. Он вновь перехватил ее ногу, усмехнувшись.

— Я найду! — заорала Сиера. — Отпусти!

— У вас это что, семейное? — угрюмо бросил Шариссар. — Одна сестричка просит отпустить в воде, не умея плавать, вторая — висит на уровне третьего этажа.

— Я тебя не боюсь! — обрадовала Незабудка.

— И глупость — это тоже, видимо, общее, — еще больше помрачнел паладин. — Все, побегала, и хватит. — Он легко развернулся и пошел обратно к окну, уверенно ставя ноги в сапогах на узкий скользкий бордюр.

— Все равно сбегу, — пообещала Незабудка, пыхтя и кусая губы. Шариссар хмыкнул.

— Тогда я тебя к кровати прикую. Цепью. Как собаку. Поняла?

— А у тебя есть собака? — подумав, осторожно поинтересовалась Незабудка.

Шариссар покосился на висящее вниз головой создание. Ее личико стало красным, ресницы — мокрыми, и их кончики покрылись инеем. Но глаза сверкали не от страха, а от любопытства.

Нет. Логике этого существа он понять не мог.

Совершенно!

— Нет, — хмыкнул он. — Щенки есть. Хочешь посмотреть?

Он дошел до окна и втолкнул девочку в комнату, Незабудка плюхнулась на мягкое место.

Шариссар запрыгнул следом. Целитель отскочил и с трудом удержал облегченный вздох.

— Так как? — Он окинул девочку взглядом.

— Я все равно тебя ненавижу, — буркнула Сиера. — Но щенков покажи.

— Утром. Но сначала убереешь эту комнату. А я прослежу.

Незабудка вновь насупилась, а Шариссар уселся в кресло, закинув ногу за ногу.

— Может, позвать слуг? — несмело предложил целитель. — Ночь на дворе, девочке давно спать пора...

— Сама испачкала, сама и убирать будет! — отрезал паладин. — И поторопись. Мне не хочется тут с тобой до утра просидеть!

Следующие полчаса Сиера, пыхтя и бурча, убирала комнату под недовольным взглядом паладина. После ее уборки помещение вряд ли стало чище, скорее наоборот. Но Незабудка честно старалась. И надеялась, что никто не заметил, как она затолкала остатки каши вместе с горшком под кровать. Меховое покрывало было слишком большим и тяжелым, чтобы затащить его обратно на постель, и Незабудка решила прилечь на него и немного отдохнуть. К тому же огромный мужчина, что вытащил ее со стены, в сторону девочки не смотрел: он разжег огонь в камине, пока она наводила порядок, и теперь сидел, задумчиво рассматривая языки пламени.

Свернувшись на мехе, Незабудка закрыла глаза, решив, что надо хорошенько все обдумать...

— Девочка уснула, — тихо сказал целитель.

— Я знаю, — отозвался Шариссар. — Идите к себе, Эрхо. Вам тоже надо отдохнуть.

— А вы, мой господин?

Паладин поднял голову, посмотрел чуть удивленно.

— Простите, — смутился целитель и поспешил откланяться.

Паладин поднялся и подошел к окну. Вдохнул морозный воздух и повел рукой по раме, устанавливая щит. Кровная нить Оххарона вернула и возможность пользоваться черной магией. Барьер вспыхнул огненными всполохами и налился темнотой, образуя сетку, затвердел. Шариссар довольно провел по нему пальцем. Прочный. И точно не выпустит из комнаты девочку.

Бросив быстрый взгляд на свернувшуюся на мехе Незабудку, Шариссар чуть помедлил. Но, отвернувшись, быстро вышел из комнаты, плотно закрыв за собой дверь.

Ортан

Дверь хлопнула, и Ортан повернул голову. В ученическую вошла девушка, одна из тех, что он вел в Хандраш. Кажется, Ельга. Парень хмыкнул и покачал головой. Сейчас ему казалось, что это было сто лет назад: глупые провинциалки, которых они отобрали в грязных Низинках, постоянный двор, корабль... Как они с Арви веселились, наблюдая за тем, как эти курицы ползут по веревочной лестнице!

Тогда у Ортана еще было все: лучший друг, отец, удобная жизнь и собственное тело.

А что теперь?

Девушка вошла слишком быстро, так что он не успел выскочить в открытую дверь, а это означало, что придется ждать, пока она найдет книгу, за которой пришла, и уберется отсюда.

— Давай скорее, глупая курица, — буркнул Ортан, зная, что его никто не услышит. Никто не слышал, сколько парень ни орал до хрипоты и темноты в глазах.

— Сам придурок, — огрызнулась девушка и потянулась за толстым томом на верхней полке. Ортан фыркнул и... застыл.

— Ты меня слышишь? — заорал он так, что Ельга от испуга уронила фолиант и сама покачнулась на деревянной лесенке. Она нелепо взмахнула руками и начала падать, так что Ортану ничего не оставалось, кроме как поймать девицу. И слишком запоздало он вспомнил, что не имеет тела, так что Ельга с визгом грохнулась на пол.

— Эй, ну вставай уже! — возмутился молодой маг. — Ты меня точно слышишь?

— И вижу, идиот, — буркнула Ельга, усаживаясь и откидывая с лица растрепавшиеся волосы. — Ты зачем отошел? Я же ударила!

— Никуда я не отходил, — с досадой буркнул Ортан. — Не знаю почему, но у меня исчезло тело!

— Ха-ха, очень смешно, — фыркнула девушка и поднялась, отряхнувшись. Тут она все же вспомнила о своих матримониальных планах и послала парню очаровательную улыбку. Правда, маг ее не оценил.

— Хватит скалиться, поднимайся и иди вперед! Будешь открывать мне двери и делать, что я скажу!

— С чего это? — возмутилась Ельга, задумалась и ткнула в Ортана пальцем. Ее ладонь прошла сквозь его грудь, и девушка совершенно по-детски ойкнула. — Надо же, как интересно! — непонятно чему обрадовалась она. — Это ты неудачно намагичил, да? Ух ты! И что, тебя правда никто не видит, кроме меня?

— Никто! — рявкнул Ортан, теряя терпение. — И хватит тыкать в меня пальцем!

— Я же должна удостовериться! — еще радостнее сообщила Ельга.

— Удостоверилась? А теперь топай вперед, живо! И двери придержи! Будешь делать то, что я говорю!

— Ну уж нет, — промурчала донельзя довольная девушка. Ее глаза засверкали, словно драгоценности, а губы сложились в очаровательную улыбку самки богомола. — Это ты теперь будешь делать то, что я скажу! И тогда я помогу тебе вернуть тело! А иначе... — Ельга насупилась. — Иначе оставлю тебя здесь и скажу всем, что разбила в ученической горшок с пометом ширши! Знаешь, как он воняет? Да сюда целый век никто не зайдет.

— Стерва! — завопил Ортан, начиная понимать, насколько он влип.

— Ага, — важно подтвердила девушка. Парень в ярости замахнулся, но встретил лишь ухмылку. — Только сделать ты мне все равно ничего не сможешь! Тела-то у тебя нет. А вот если будешь слушаться, у нас может получиться вполне достойное сотрудничество.

Ортан в ярости пнул ближайший стол, но, увы, его призрачная нога не почувствовала удара. От бессильной злобы он побегал по ученической, надеясь, что вот прямо сейчас его тело вернется, или сюда войдет отец, или еще как-то его жизнь образуется и вновь станет понятной и привычной, но ничего подобного не произошло. Он все еще был нематериален, и единственная, кто мог его видеть и слышать, — эта глупая курица, взирающая на него с улыбкой и предвкушающим блеском в глазах.

— Чего ты хочешь? — Сдавшись, Ортан упал на скамейку. Сидеть у него, как ни странно, получалось, или это тоже была иллюзия и он лишь зависал в воздухе?

Ельга облизала губы.

— Прежде всего ты должен дать мне обещание. Непреложную клятву.

— Да говори уже, — поморщился Ортан. И угораздило его связаться с этой деревенщиной!

— Ты должен на мне жениться!

— Что?! — Ортан заорал так, что казалось, должны были оглохнуть все в Хандраш, но на деле зажимала уши лишь его новоиспеченная «невеста».

И орал он долго и со вкусом, пока не выдохся окончательно, понимая, что выбора у него нет!

* * *

Магистр Райден и магистр Корвелл Зрячий

— Это все бесполезно! — Райден швырнул на стол перо, жалея, что в его руках нет чего-нибудь более увесистого. — Надо просто их спрятать!

— Куда? — Зрячий поджал губы и вздохнул. — Куда, Алларис? Куда нам спрятать всю Академию? Ты сам говорил, что так у них будет хотя бы шанс...

— Какой шанс? — Райден нервно шагнул по кабинету. — Если мы правы и Темные пробьют проход именно в Хандраш, то у нас нет шансов, Корвелл! Что мы сделаем? Выставим против озверевших стражей горстку учеников? Целительниц с букетиками в руках? Искра! Это все... бред!

— У нас нет выхода. — Старик снова вздохнул. — Они придут сюда, Алларис. Как только барьер спадет, оххаронцы придут. И мы оба это знаем. Надо подготовить учеников. Не к сражению, нет. Надо научить их... выживать. Хотя бы так. И возможно, мы сможем продержаться до прибытия основных войск.

— На мои послания до сих пор нет ответа, — сквозь зубы процедил Райден, продолжая мерить шагами комнату. — Правители словно вымерли и не слышат меня! Ни один портал не открывается дальше территории Рифа. И сила... уходит. Наш запрет на полное использование магии ничего не изменит, Корвелл. Без Искры сила все равно иссякнет.

— Ты все делаешь правильно, Алларис, — мягко сказал Зрячий, чем заслужил злой взгляд своего ученика и друга.

— Правильно? — Райден скривил губы в злой насмешке. — У меня семь десятков учеников, хранительницы, прислужники и десяток стражей. И это силы, с которыми я собираюсь противостоять армии Оххарона? Боги! Я не знаю, как их спасти! Проклятые Боги, я просто не знаю! — Он раздраженно откинул со лба красную прядь. — На Рифе мы как в капкане, Корвелл!

А до земли не добраться без кораблей!

Он глубоко вздохнул и положил ладони на карту. Его взгляд снова стал сосредоточенным и холодным, словно и не было этой мимолетной вспышки отчаяния.

— Я найду выход. Обязан.

Он нахмурился, провел пальцем по изрезанной линии побережья.

— Кажется, тебя беспокоит еще что-то, Алларис? — негромко сказал Зрячий. — Ты водил девушку к Оракулу.

Он не спрашивал, а утверждал. Все-таки магистр не зря носил второе имя.

— Я не увидел Искру. — Райден выпрямился. — Я ничего не увидел. Ни Света, ни Тьмы, словно ее сущность находится в коконе. Думаю, может, тебе попытаться, Корвелл. Только... осторожно. Не напугай ее.

Старик внимательно посмотрел в глаза инкуба:

— Вот как... Но что-то Оракул тебе все-таки показал. Не так ли, мой друг?

— Это... не важно. — Райден помрачнел, зеленые глаза застыли, словно стекло.

— Разве?

— Да.

Корвелл Зрячий вздохнул. Он знал своего бывшего ученика слишком давно, чтобы настаивать. Если Алларис Райден не желал говорить, то выбить из него ответ было невозможно.

— Я пообщаюсь с Отражением. И не переживай, вреда я ей не причиню.

Райден кивнул и вновь склонился над столом, внимательно изучая очертания Рифа. И уже когда Корвелл был у двери, негромко окликнул:

— Скажи, предсказание грядущего может... быть неверным? Ведь будущее изменчиво.

— Только не предсказание Оракула, — мягко ответил Зрячий. В его голосе прозвучало сожаление.

— Я так и думал, — усмехнулся Райден, вновь отворачиваясь.

Корвелл вышел, прикрыв за собой дверь, а Алларис невидящим взглядом уставился на карту. Но длилось это лишь несколько мгновений, большего он себе не позволил. Да и эти краткие минуты заставили его скривиться от ощущения собственной слабости и разозлили.

Больше он не думал о том, что показал ему древний артефакт. Он просто не мог позволить себе отвлекаться на подобные мысли, хотя внутри было тяжело и больно от увиденного. Не страшно, нет. Просто тяжело. Словно горечь разлилась внутри от осознания, как много он не успел, не сделал, не почувствовал... Горечь понимания.

Но думать об этом магистр не стал, решительно сжав в ладони перо и придвинув ближе свиток для заметок и плана. Он должен спасти Хандраш, это его обязанность и долг. И сделать все для возрождения Искры.

Если бы еще знать, что делать...

Нет никаких указаний на то, что угасшую святыню возможно вернуть! Ни одной, самой крошечной и малюсенькой зацепки! Да и если можно было бы это сделать, стал бы он рисковать жизнью Леи?

Райден потер глаза, потянул створку, раскрывая окно, потому что ему было нечем дышать. В лицо ударил морозный воздух, холодный, зимний, и маг вдохнул его полной грудью, радуясь ознобу, охватившему тело.

Крайгена он так и не вернул из Ничто, силы в Хандраш оставалось все меньше, и магистр не желал ее уменьшать на возвращение тени. И, возможно, это к лучшему, что Крайген не рядом. Ведь он точно знал бы, что чувствует маг, а делиться своими эмоциями Райден не хотел.

Потому что знал: Леей он рисковать не стал бы. Все же магистр был достаточно умен, чтобы не врать себе. Он мог не ответить девушке, зачем шел в Обитель Искры, но сам-то он знал

ответ. И он заставлял мага закрывать глаза и сжимать кулаки в отчаянной попытке сдержать то, что творилось в его душе, скрывать немыслимую бурю нежности, страсти и тоски по той, что смотрит на него с опасением и недоверием.

И уже в который раз он вспомнил, как увидел ее в Обители. Нет, в тот момент вид обнаженной девушки не вызвал у него ни вожделения, ни мужского интереса и желания рассматривать, он испытал лишь мучительную агонию осознания, что она была с другим, он хотел лишь закрыть ее тело, спрятать, сберечь, вытереть слезы с ее щек!

И убить Темного.

Если бы у него было время... Это эфемерное понятие утекающих сквозь пальцы мгновений, эти крошечные, незаметные минуты, которых мы не ценим, пока не начнем понимать, что они заканчиваются!

Если бы у него было время, он мог бы все изменить. Завоевать ее доверие, быть рядом, чтобы помочь, поддержать, закрыть собой от всего мира, уберечь от невзгод и потерь... Он готов был стать для Леи другом, наставником, братом, да кем угодно! Лишь бы быть рядом и видеть в ее глазах тепло и свет. Он готов был оставаться лишь тенью возле той, что пробудила в нем такие чувства!

И возможно, когда-нибудь она увидела бы в нем нечто большее.

Но, увы, Оракул не ошибается. А он показал, что у магистра осталось слишком мало этих безжалостно уходящих минут...

Он закрыл створку и вновь сел за стол, сосредоточившись на работе и заставляя себя не вспоминать вкус нежных девичьих губ и тонкое, дрожащее в его руках тело. Оракул подавляет волю магов, и магистр... не сдержался. Не смог противостоять безудержному желанию прикоснуться к той, о ком грезил.

Жаль, что он никогда не узнает ничего большего. Он мечтал не о неистовой плотской страсти, хотя, конечно, подобные мысли воспаляли его мгновенно, но еще больше он желал бы почувствовать, каково это — просыпаться утром с той, кого любишь. Бесконечно долго смотреть на нее, спящую, тая каждый вздох и счастливое биение сердца, боясь пошевелиться, чтобы не разбудить ее. А потом видеть, как вздрагивают ее ресницы и она смотрит в его лицо — сонно и радостно... Целовать ее. И нежить в своих руках, продлевая утреннее пробуждение, сохраняя тепло и ощущение ее тела на целый день. Замирать от счастья каждый раз при новой встрече и грустить при расставании на недолгий миг...

Было так много всего, чего Алларис Райден никогда не чувствовал и даже не думал, что ему нужны эти чувства. И его пугало собственное отношение к этой девушке. Он не знал, что влюбиться можно так просто и быстро, не за что-то, а вопреки всем доводам собственного разума, наперекор воле и обстоятельствам, безнадежно и мучительно. И в то же время — счастливо. Да, он был счастлив, что испытал хотя бы это. Сладкую и горькую любовь, первую и последнюю, мучительную и единственную.

И он ни за что не отказался бы от нее, не отдал и не желал бы изменить.

Даже если Оракул показал Райдену его собственную смерть. От руки той, кого он полюбил сильнее жизни.

* * *

Элея

На тренировочном поле Полина яростно ругалась с Шипом. Пухленькая и невысокая

девушка казалась рядом с высоким и мрачным боевым магом совсем крошкой, но это не мешало ей гневно сжимать кулаки и даже подпрыгивать, пытаясь доказать свою правоту. В суть конфликта я вникать не стала, обошла орущих стороной и двинулась в сторону арбалетной зоны. Там Тисса ожесточенно всаживала в мишени стрелы, словно имела что-то личное против безобидных кружков с черточками. Не выдержав атаки кареглазой, одна из мишеней закачалась и упала, словно сраженный в бою противник. Древки стрел беспомощно покачнулись в самом центре нарисованного круга.

— Э, ты, кажется, не в духе, — пробормотала я Тиссе. И подняла ладони, когда она наградила меня яростным взглядом. Если учесть, что в руках девушки все еще был арбалет, выглядело это впечатляюще. Вернее, угрожающе. — Я пошутила, Тис! Что с тобой?

Девушка глубоко вздохнула и мрачно посмотрела в сторону. Я проследила ее взгляд: на траве черномантиевые обучали девушек приемам самообороны. Камилла стояла в паре с Арви, и на ее губах блуждала улыбка, словно стихийница не изучала боевые искусства, а занималась чем-то на редкость приятным.

Арви сделал ей подсечку, и они оба упали на траву. Камилла рассмеялась. Тисса яростно прищурилась и, натянув тетиву, спустила еще одну стрелу. К счастью, по мишени.

— Он просто ее обучает, — негромко сказала я. — Мне кажется, ты зря злишься...

— Вижу я, как он ее обучает! — Еще одна стрела с силой вонзилась в деревянный круг. — Убила бы! Обоих!

Она засопела, спустила сразу три стрелы и резко опустила арбалет.

— Ладно, — повернулась ко мне Тисса, сверкнув глазами. — Можешь не стесняться и назвать меня дурой! Я знаю, что не имею права ревновать. Арви ничего мне не обещал. У нас даже ничего не было. Ну, почти...

Она вдруг залилась краской, а я открыла изумленно рот. Вот уж не думала, что наша суровая охотница умеет краснеть! Уточнять, что это было за «почти», не стала, постеснялась. Захочет — сама расскажет.

— У нас война на носу, а я о парне думаю, — грустно сказала Тисса. — Мама меня за это по щекам бы отхлестала! И заставила на муравейнике сутки пролежать!

— О, сурово у вас, — впечатлилась я.

— Это еще ерунда, — отмахнулась Тисса. — Хотя после этих жалящих мелких насекомых такой распухшей и красной становишься, что уже совсем не до любви!

— Кажется, мне бы тоже не помешал муравейник, — пробормотала я. — Нигде не видела поблизости?

Тисса хмыкнула, окинув меня внимательным взглядом.

— То-то я смотрю, у тебя отметины такие... Говорящие. Явно не от тренировок. Такие только мужской рот оставляет. Жадный и ненасытный.

Теперь краской залилась я, да так, что даже уши загорелись. Тисса снова хмыкнула.

— Да не смущайся так, я же говорю, у нас с этим делом проще как-то... нравится парень — хватаешь и в угол тащишь. Темный и безлюдный. — Она кинула на Арви хмурый взгляд. — Главное, не влюбляться в него. Вот любовь все удовольствие портит, это я тебе точно говорю!

— Ну да. Портит, — подтвердила я. — Даже странно, что ты с таким отношением в Хандраш невинной приехала.

— А я настоящего мужчину ждала, — помрачнела Тисса. — Дождалась вот... — Она пнула ногой ком земли и тряхнула головой. Посмотрела с любопытством. — Это наш красноволосый магистр так над тобой постарался? — совершенно обыденным тоном поинтересовалась Тисса. Я, кажется, снова вспыхнула, как маяк. Но бойкую охотницу это совсем не смутило! — А что, он к тебе равнодушен, отсюда видно!

Я слегка испуганно обернулась, ожидая где-то за спиной увидеть Райдена. Но на поле его не было, лишь толпа орущих, бегающих, прыгающих и дерущихся учеников.

— С чего ты это взяла? — буркнула я.

— Да ладно, что, я не вижу, как он тебя смотрит? — пожала плечами Тисса. — Разве что не облизывается. И понимаю, почему ты не устояла, магистр мимо проходит, а у меня внутри все обрывается. И в животе такое... томление... А я ведь Арви... того. И вообще, мы, охотники, к инкубам мало восприимчивые. Какое-то расовое несоответствие, точно не знаю.

— К кому? — ошалело переспросила я. Тисса пощелкала пальцами перед моим носом.

— Лея, ты меня слушала? Я ведь тебе намекала! Наш магистр — инкуб, тот, кто способен влиять на женщин так, что они... ну, можно сказать, влюбляются. По уши. Ну и в темном углу с таким хорошо так, что потом другие кажутся пресными и простыми, словно древесный гриб. Вот мне моя прабабка рассказывала... — оживилась Тисса и склонилась к моему уху, — я от нее про этих красноволосых и узнала. Так вот, был у нее один такой. Мимо нашей деревушки проезжал да задержался на несколько дней. Ну, бабка его и приютила... А он... поблагодарил. Да как! Не представляешь, что он с ней делал! Вернее — ей...

— Тиисса! — взвыла я. — Я не хочу знать, что делал какой-то там инкуб с твоей прабабкой! Фу, у меня аппетит испортился!

— Так она тогда была молодой и красивой! — обиделась Тисса. — Я статью в нее пошла! И, кстати, очень интересное он с ней делал! Такое... очень даже любопытное и завлекательное! Я вот не против, чтобы мне тоже кто-нибудь... так сделал!

Она вновь посмотрела в сторону Арви и нахмурилась.

— Ничего такого магистр со мной не делал, — мрачно бросила я, не желая вникать в личную жизнь родственницы Тиссы. — И ты ошибаешься насчет него. Никакого интереса он ко мне не испытывает, просто надеется вернуть Искру.

— Ну да, — фыркнула Тисса.

— Да!

— Может, тебе просто хочется так думать?

— Нет!

— Со стороны виднее!

— Тогда мне виднее, что Арви скоро станет косоглазым от того, что постоянно в нашу сторону косится! — разозлилась я.

— Правда? — обрадовалась Тисса. — Ничего, косоглазый — это мелочи. Главное, чтобы все остальное работало!

Я схватилась за голову.

— Руки с ногами, — захохотала охотница. — А с остальным у него и так порядок!

Я уже хотела уйти, пока неисправимая Тисс не начала меня вновь посвящать в интимную жизнь своей прабабки или свою собственную, но кареглазая сама сменила тему.

— Слушай, Лея, а что это с нашей Ельгой творится?

— А что?

— Да странная она какая-то, — прищурилась подруга, высматривая на поле фигурку Ельги. Я тоже обернулась. Та стояла с края и улыбалась. А потом ее губы шевельнулись, словно она что-то сказала. И снова.

— Тебе не кажется, что она болтает сама с собой? — осведомилась Тис.

— Кажется. — Возле Ельги никого не было даже близко.

— Вот-вот. И мне так кажется. Кстати, уже не первый раз. Как считаешь, может, наша зазнайка умом тронулась? Ну, на почве того, что никто замуж не берет?

Я фыркнула, не сдержавшись.

— Не знаю. В этом Хандраш мы все скоро с ума сойдем. Ой, мне бежать надо! — воскликнула я и решительно двинулась с поля. Тисса перевела взгляд на появившегося магистра Райдена и понимающе хмыкнула.

— Давай, давай, беги. Мужики страсть как догонять любят! Ты, главное, не слишком быстро, смотри...

— Тисса! — возмутилась я. — А Арви снова Камиллу уронил, кстати.

Кареглазая злобно зашипела, а я метнулась в сторону, пока Райден меня не заметил. После произошедшего на лестнице общаться с ним как-то не хотелось.

Правда, убежать особо далеко не получилось, меня перехватил магистр, только не Райден, а Зрячий. Он возник передо мной так неожиданно, что я чуть не уткнулась магу в грудь и отскочила.

— Светлой Искры! — выпалила я.

— Ну, я тоже на это надеюсь, — улыбнулся магистр, внимательно рассматривая меня своими удивительно молодыми глазами. — Возможно, вы сможете нам всем в этом помочь, Элея.

— Вы тоже верите, что Искру еще можно возродить? — поняла я и пожала плечами. — Мне не хочется вас разочаровывать, но, кажется, во мне ничего такого, искристого, не осталось. Ни капельки. У меня даже способности крови пропали! Так что мне жаль...

— Не будем торопиться, — мягко ответил Зрячий. Он вообще говорил очень мягко и дружелюбно, спокойно и располагающе, так и хотелось ему довериться, обнять, уткнуться лбом в серую мантию с вышитым глазом и все-все рассказать. Даже то, что я не собиралась рассказывать никому и ни за что. Вот только мне подобные желания не свойственны, а значит, магистр пользуется магией. И осознание этого заставило меня нахмуриться и отойти от него на шаг.

— Так-так, — заинтересовался магистр, — значит, магия на тебя не действует! Любопытно. Очень любопытно!

Он обошел меня по кругу, рассматривая, как забавного и редкого зверька. Я нахмурилась еще больше.

— Знаете, я была бы вам благодарна, если бы вы не осматривали меня, словно экспонат на выставке уродцев! — огрызнулась я, а Зрячий улыбнулся.

— А ты не из робкого десятка, Элея, — он склонил голову, продолжая буравить меня яркими глазами. — Не расклеилась, не мучаешься чувством вины и угрызениями совести...

— Я мучаюсь лишь от того, что нахожусь в разлуке с сестрой! — я ответила ему таким же прямым взглядом. — Не пытайтесь повесить на меня чувство вины, магистр! Я ни в чем не виновата! Это вы должны были за тысячелетия найти способ сохранения Искры без убийств невинных девушек! И не моя вина, что вы его не нашли!

— А что, если этого способа просто нет, Элея?

Маг вздохнул и отвел глаза.

— Не будем спорить, — примирительно сказал он. — Поверь, нам тоже было нелегко принимать такие решения...

— Отправлять на смерть ни в чем не повинных девушек? Да уж, наверняка трудное решение! Не вам же надо было умереть ради Искры! — снова разозлилась я. Глаза магистра стали еще ярче.

— Если бы я мог умереть, чтобы спасти чужие жизни, то сделал бы это, не задумываясь! Если бы это мог Алларис, то он был бы первым! — сказал маг, и я отвернулась, слишком искренними прозвучали его слова. — Но увы, наша жизнь или смерть не способна возродить

Искру. Не думай, что послать кого-то на смерть легче, чем умереть самому. Ты ошибаешься, Элея. Это гораздо сложнее — решить чужую судьбу... И надеюсь, тебе не доведется этого испытать, — Зрячий помрачнел, и я вдруг поняла, что маг очень стар. Я даже представить не могла, сколько ему лет.

— Много, — словно услышав мои мысли, подтвердил он. — И нет, я не способен слышать твои мысли, просто у тебя очень выразительное лицо. Ты еще так юна, девочка... Составишь мне компанию? В моем возрасте полезны прогулки на свежем воздухе.

Я медленно кивнула, задумавшись над словами Зрячего. Что, если бы мне пришлось принимать решение и отправлять кого-то на смерть? Выбирать, кому жить, а кому умереть? Я содрогнулась от этой ужасной мысли. Лучше уж действительно — самой...

— Это правда, что вы провидец? — спросила я.

— Иногда у меня получается что-то увидеть, — улыбнулся старик. — К сожалению, лишь увидеть, но не изменить.

— И вы видели, что я — Отражение?

— Нет. Такие видения мне не под силу.

Мы неторопливо шли по мокрой дорожке. Мимо с жужжанием, словно рой ос, пронеслись ахои, устремляясь на тренировочное поле. Это означало, что там перерыв, и во время него эти светящиеся создания наведут порядок и восстановят все, что успели разрушить ученики. А я впервые подумала о том, что станет с ахои без Искры? Ведь эти маленькие крошки тоже живут благодаря силе света!

Я скрипнула зубами. Боги! Ну почему все так сложно?

— О, на самом деле все просто, — кажется, старик вновь прочитал мои мысли! — Законы мироздания очень просты, Лея. Жизнь, развитие, познание себя и окружающих, стремление к своей сути... Но люди слишком все усложнили. — Он грустно улыбнулся. — Вот ты знаешь, какова твоя суть, юное Отражение?

— Я уже не отражение, — мотнула я головой.

— А кто же ты?

— Просто... девушка. — Я слегка растерялась. — Обычная. Как все.

— Все разные, дорогая. Вон твоя подруга Тисса пылает, словно пламя, ее сжигает все сразу: и ревность, и первая любовь, и азарт битвы, и жажда жизни. Удивительно яркая суть. Или вон та, — он кивнул на фигурку Полины. — Настоящий боец с душой целительницы. Природа не наградила ее сильным телом, но сполна отмерила духа и доброты. Или вон та, Ельга. Все мысли о себе, любимой, и она твердо уверена в своей правоте. И даже права. По-своему. Так что все разные. А ты какая?

— А я хочу вернуть сестру! — выпалила я.

— Хочешь, но это ли главное в тебе? Большинство людей так и проживают всю жизнь, не понимая себя, а ведь они приходят в мир лишь за этим знанием... — протянул магистр и повернулся ко мне, взял за руку. — Ты позволишь?

Он посмотрел мне в глаза, не мигая и так пристально, что я успела пересчитать редкие светлые ресницы на его веках. Несколько минут мы так и стояли, глядя друга на друга, а потом маг моргнул и отпустил мою ладонь.

— Вы что-нибудь увидели? — потребовал я.

— Занятно, очень занятно... — пробормотал магистр.

— Что именно?

— Твоя суть находится в плотном коконе, Элея. Но вот что оттуда вылупится — бабочка или нечто ужасное? Это и будет ответ на вопрос, кто ты. Занятно, очень занятно...

Он развернулся и пошел прочь, не прощаясь и не обращая внимания на мой сердитый

ВЗГЛЯД.

Магистр Райден и магистр Корвелл Зрячий

Однако стоило магистру Зрячему подойти к Райдену, как вся его напускная медлительность и задумчивость слетели в мгновения ока!

— Что ты увидел? — вскинулся Алларис.

— Это потрясающе, мой друг, — почти весело проговорил Зрячий. — Это просто невообразимо! Ибо я не увидел... ничего! Совсем! Вся суть этой девушки, ее мысли и эманации разума остались мне неизвестны! Я лишь догадался, что она жалеет эхои и переживает за своих подруг и сестру. И это все!

— Ты пытался вскрыть ее ментально? — недовольно бросил Райден. — Я же просил!

— Ну конечно пытался, — без капли раскаяния ответил Зрячий. — В конце концов, это просто потрясающе интересное явление!

— Она не явление, она живой человек! — разозлился Райден. — И Лея уже достаточно пострадала от наших действий! К тому же я все еще глава ковена, Корвелл, если ты забыл!

— Не злись, друг мой, — Зрячий примиряюще поднял ладони. — Я лишь попытался просмотреть ее суть, но ничего не вышло. Словно наткнулся на плотную стену! — он слегка устало прикрыл глаза. — Все, что касается сути Элеи — скрыто. Но в одном ты прав, Алларис. На девушке — метка зверя.

Магистр Райден сжал зубы, и зеленые глаза стремительно потемнели.

— Метка односторонняя, но Темный зовет ее. Очень... яростно зовет. И если учесть то, что Элея — ходящая сквозь миры, а наши реальности все ближе... Боюсь, он сможет выдернуть ее из нашей. Вероятнее всего — во сне, когда сознание перестанет сопротивляться зову зверя.

Райден стоял, сжав зубы и невидящим взглядом уставившись в пространство перед собой.

Корвелл Зрячий помолчал.

— Буду откровенен, мне не нравится то, что я вижу, Алларис, — негромко добавил он. — Мы не знаем, что происходит с этой девушкой. Ее суть скрыта за плотной оболочкой, и тьмы там не меньше, чем света. Ты ведь тоже это видишь, мой друг? Ее волосы белеют, а в глазах дрожит тьма Оххарона. И эта связь со зверем... Возможно, будет лучше...

— Замолчи! — ледяным тоном оборвал Райден. — Не говори того, что заставит меня усомниться в нашей дружбе, Корвелл. Лея ни в чем не виновата, и на территории Хандраш она будет в безопасности. Надеюсь, я смогу ей это обеспечить. Так же, как и всем остальным...

— Ты стал забывать свой долг, Алларис, — мягко сказал старик, прикрывая свои набрякшие, тяжелые веки. — И меня это пугает...

— Верь мне, Корвелл, — тихо сказал магистр Райден. — Прошу тебя.

Он развернулся и пошел к группе боевых магов, что уже ожидали его.

— Верю. Но боюсь за тебя, мой друг, — печально пробормотал Зрячий. И подумал, что не станет говорить Алларису о том, что наложил на метку зверя временное ограничение, не позволяя Темному выдернуть девушку из Хандраш. — Должно хватить на несколько ночей, — довольно прищурился Зрячий, — хотя, это смотря, как звать будет. А потом и обновить можно... — он посмотрел на небо. — Ну вот. Снова снег начинается, а у меня петунии расцвели! Непорядок! Эй, стихийница, иди сюда! Ты, ты, Камилла, кажется? Ну-ка, давай поработаем, девочка! Прогоним хмурую тучку...

Шариссар

Сна не было. Тело, уставшее за день, не желало проваливаться в сон, и Шариссар знал, почему. Он ждал. Целый день. Проверял, требовал, наблюдал или карал — и ждал. Того момента, когда войдет в свою комнату. И злился от этого ожидания, этой потребности, нарастающей с каждой минутой и не дающей ему отвлечься, забыть, не думать о ней! Он думал. Он вспоминал. И почти рычал, не зная, как избавиться от того, что с ним происходило. Не понимая этого и не желая принимать.

Возле Ледяного Полога росли заросли колючих кустарников, и внимательно слушающие его стражи не поняли, почему дарей-ран вдруг замолчал и замер, уставившись на них. А он смотрел, ощущая вкус сладкой ягоды на языке и нежный голос, что звучал в голове: «Открой рот, Шариссар... Вкусно? Какой глупый обычай... Первая ягода...»

Глупый обычай. Часть ритуала избрания. Женщина, отдающая мужчине первый кусочек еды, признает его силу и право ее защищать. Всегда. А он кормит в ответ, обещая беречь и заботиться.

Паладин скрипнул зубами. Он так давно живет войной, что совсем забыл об этих нелепых обычаях. Подобному не было места в его жизни, и сейчас время, проведенное в Хандраш, вызывало смятение внутри него.

Непонимание. И ярость.

Он велел вырубить кусты под корень, уничтожить огнем, чтобы о них не осталось и воспоминания. Он велел спалить все кусты красницы, какие только найдутся вдоль Ледяного Полога. И пообещал вырвать Айку кадык, если он еще раз посмотрит на господина, как на помешанного. Оруженосец весь остаток дня не смотрел на него вовсе и дышал через раз.

Но избавление от кустарников ничем ему не помогло. Под черным мундиром его тело пылало, а внутри поселилась тоска, которую он не мог унять.

И теперь лежал с закрытыми глазами, а сам прислушивался, жадно втягивал воздух, надеясь ощутить ее присутствие. Но Леи не было. И он не понимал, почему это его так злит. Почему это вообще имеет значение. И почему он не может выбросить из головы то, что произошло в Обители Искры.

Да, его тянуло к этой девушке. И ничего странного в этом не было. Она молода и красива, а инстинкты невозможно заглушить полностью. Они брали вверх, когда она была рядом, и паладин отдавал себе в этом отчет.

Всего лишь желание тела. Удовлетворенное желание.

Он взял то, что хотел, получил ее и должен был успокоиться. С ним всегда было так — после первой же близости интерес полностью пропадал. Но эти воспоминания получились слишком яркими. А ведь он намеренно брал Лею грубо, так, как стражи берут блудниц, хмельных от забродившей настойки и давно ко всему равнодушных, словно Бездушные. А он так же поступил с нежной невинной девушкой. Лишь отворачивался, не желая смотреть в ее лучистые, сияющие глаза, от взгляда которых ему хотелось выть. Он должен был просто уничтожить ее, развернуться и уйти. Должен. Но не сдержался.

И совершил ошибку.

Лучше бы он не знал того, как пахнет ее кожа во время близости. От одного запаха ее желания у него отказывал разум, оставляя лишь оголенный инстинкт, сводящий с ума. Она оказалась такой страстной. И такой нежной. И то, что он испытал, погружаясь в податливое и

горячее тело, не давало паладину покоя. Память снова и снова подбрасывала воспоминания о ее руках, трогающих, ласкающих... сначала робко, потом все более уверенно. О губах, которые он терзал поцелуем. Хотя трудно назвать то, что он делал, этим словом. Он просто вбивался в ее рот своим языком, желая ощущать этот вкус до бесконечности. С Леей он потерял свой вечный контроль, он перестал сдерживаться, он забылся, ощущая лишь необузданную дикую страсть, что вела его. С ним что-то произошло в этой проклятой Обители, что-то изменилось...

И он укусил Лею.

Шариссар сглотнул, чувствуя, что даже сейчас его клыки удлиннились, царапая губу, а слюна наполнила рот. Укусил, когда был в ней, когда вдавливался в ее тело, с рычанием и безумной похотью, не в силах сдержаться и тем более остановиться. И она отвечала ему. Проклятие! Она ему отвечала!

Почему? Почему не испугалась, не сбежала от него? Почему позволила брать ее? Какого кантаххара она ему отвечала?!

Он снова перекатился на другой бок и встал, не в силах оставаться на месте. Его тело хотело эту девушку. Даже сейчас, когда он лишь думал о ней, нутро выворачивало наизнанку, требуя хоть малейшего прикосновения к ней. Его клыки упирались в нижнюю губу и зудели, слюна наполняла рот, а в паху все стояло колом от неудовлетворенного и болезненного желания. Паладин издал короткий рык и помотал головой. И вновь посмотрел на кровать.

Проклятый Мрак и ненавистная Бездна!

Какого демона он смотрит на эту кровать так, словно сейчас сдохнет, если Лея не появится? Какого смрадного рохра он так себя чувствует?

Паладин ударил кулаком по каменной стене, сбивая костяшки в кровь и приказывая себе не оборачиваться на эту ненавистную кровать!

Обернулся.

Но она была пуста.

Смятое покрывало еще хранило еле уловимый запах ее тела. Но Лея была здесь слишком недолго, чтобы аромат удержался. Шариссар мрачно закрыл глаза. Лучше бы он не знал, какой может быть близость с ней! Лучше бы не испытывал этого. Слишком трудно теперь об этом не думать, не вспоминать, не сходить с ума от невозможности это повторить!

Он мрачно посмотрел вниз и скривился. И с его желанием надо что-то делать. Проклятый Мрак! С самим его существованием надо что-то делать!

Паладин потянулся к изогнутому клинку, провел пальцем по зазубренному лезвию, разодрав кожу. Боль слегка привела его в чувство. Глаза мужчины стали совершенно черными, он в упор смотрел на пустую постель, желая, чтобы девушка появилась. На миг. Ему этого хватит. Один удар — и он избавится от причины своей злости.

— Ну, давай же, — яростно прошептал он, не отрывая глаз от постели. — Давай, кошечка. Иди ко мне. Иди, Лея!

Его метка на спине горела огнем, призывая избранницу сквозь грани миров, а сам Шариссар уже рычал, желая содрать эту отметину вместе с мясом, но понимая, что это ничего не изменит. Метка лишь проявляется на коже, а знак стоит на его сущности, связывая с той, что его... ненавидит.

— Иди ко мне... Прошу...

Но ничего не происходило. Его смятая постель была по-прежнему пуста и холодна, как могильная плита.

— Мрак тебя заberi! — закричал он, уже не в силах сдержаться. Острые клыки распороли губу, и паладин сглотнул собственную кровь. — Мрак тебя заberi, Лея!

Незабудка

Шариссар вошел в комнату Незабудки, когда рассвет лишь мазнул Колючий Острог солнечным светом.

— Подъем, — хмуро сказал он. Сиера зевнула, показав розовый язык, но глаз не открыла. Во сне она замоталась в меховое покрывало, и теперь на полу лежал один пушистый комок, из которого с одной стороны торчал нос, а с другой — голая пятка.

— Подъем! — рявкнул Шариссар.

— Лея, еще минуточку, — пробурчала Незабудка. Паладин помрачнел еще больше и схватил за розовую пятку, вытаскивая девочку из мехового кокона.

— Я сказал — встать! — Он выдернул ее и отпустил, убедившись, что Сиера открыла глаза. Пару минут девочка смотрела на него с недоумением, пытаясь понять, чего хочет от нее этот злой и странный человек. Вспомнив события вчерашнего дня, Незабудка моргнула. Моргнула еще раз. И полезла снова в мягкое и теплое нутро покрывала.

— Уже иду, — пробормотала она. — Я одну минуточку полежу и иду...

Паладин зашипел сквозь зубы и вновь дернул девочку за ногу.

— Не минуточку, а сейчас.

— Ага, — согласилась Незабудка, не открывая глаз.

Шариссар криво улыбнулся. Взял с прикроватного столика кружку воды и вылил на голову Сиере. Та мигом проснулась и завизжала, изумленно хлопая мокрыми ресницами. Ее губы скривились, а личико вытянулось...

— Заревешь — из окна выкину, поняла? — взбешенно предупредил паладин.

Она медленно кивнула головой и плакать не стала. Лишь насупилась.

— Лея придет за мной и убьет тебя!

— Слышал уже, — хмуро отозвался паладин. — Да уж, пусть твоя сестра только появится. Я ее горячо встречу.

Он швырнул на постель сухую холстину и сверток, отошел к окну.

— Одевайся. Живо. Мне некогда с тобой возиться. Смотришь щенков и идешь обратно. Давай, пошевеливайся, ребенок.

— Я уже большая. — Сиера стерла с лица капли воды, стянула промокшую рубашку. В свертке оказались штанишки, сорочка и меховая куртка, а также шапочка и ботинки. Одежда была непривычная, но красивая и добротная, к тому же — теплая. Незабудка попрыгала на одной ноге, чем заслужила неодобрительный взгляд мужчины.

— Долго возишься, — бросил он.

Сиера ответила сосредоточенным пыхтением. Штаны и рубашонку она натянула, а вот с курткой разобраться не смогла. Съемные рукава нацепила наоборот и теперь с недоумением смотрела на многочисленные кожаные завязки и пояски.

— Дурацкая какая! — сердито топнула она ногой.

Шариссар стремительно шагнул к ней и дернул завязку, от чего рукав слетел. Он выругался про себя.

— Руку протяни! — со злостью приказал паладин. Незабудка, недовольно сопя, подняла левую ладонь. Шариссар натянул рукав и ловко завязал кожаные полоски. — Другую! — Со второй рукой произошли те же манипуляции.

— А тебя как зовут? — неожиданно заинтересовалась девочка.

— Дарей-ран Шариссар Даметхар.

— Ого, — восхитилась она, послушно поднимая ногу на шипение мужчины. Он всунул ее ногу в плотный чулок, потом в ботинок. — А дар... рей — это что, имя?

— Звание.

— А имя?

— Я тебе уже сказал. — Раздражение паладина бурлило внутри, требуя прибить это маленькое создание, которое по какой-то странной прихоти Мрака он сейчас одевал.

— А я не запомнила! — ничуть не смутилась Незабудка. — Шар?

— Шариссар.

— Ар?

— Шариссар!

— Ша-rrrr-сар?

Он остановился и с подозрением уставился в блестящие зеленые глазищи.

— Нет.

— Я буду тебя называть Рей, — подумав, нелогично постановила она.

— Ты будешь называть меня «мой господин», — мрачно изрек паладин. — И никак иначе.

— Не буду.

— Будешь.

— Не буду.

Он дернул кожаный пояс, запаковывая девочку. Потом недовольно осмотрел ее растрепанные косички.

— А ты все неправильно сделал, — поучительно сообщила малышка. — Все перепутал! Сначала надо было умыться, почистить зубы золой и расчесаться. Десять раз с одной стороны, потом десять с другой! Потом принести благодарственную молитву Богам и пресветлой Искре. Потом скушать завтрак. А только потом...

Паладин вытащил из ножен короткий кинжал и молча отхватил темную косичку девочки возле шеи.

— Ой! — изумилась Незабудка. И посмотрела радостно. — Ну все, Рей! Теперь Лея тебя точно убьет!

Он так же молча отрезал вторую косу и бросил ее на пол. Натянул на короткие кудряшки Сиеры меховую шапочку и скомандовал:

— Рот не открывай. Надоело тебя слушать.

— Так ты не слушай, — буркнула Сиера. — Я же не виновата, что ты слушаешь?

Но под взбешенным взглядом мужчины примолкла, продолжая сопеть себе под нос, но уже без слов.

Правда, ее молчания хватило лишь до того момента, когда Шариссар открыл дверь, ведущую во внутренний двор. Здесь было тихо, прохладно и ничего не видно. Потому что солнце, нагрев иней, превратило его в густой белый туман, что покрывалом укрыл Острог от основания до смотровых площадок на башнях.

Незабудка издала восхищенный вопль и, вытянув руку, растопырила пальчики.

— Смотри, у меня нет пальцев! — завопила она. Поднесла ладонь к лицу. — А так есть! А так — нет!

Она радостно засмеялась и принялась играть с туманом, то вытаскивая вперед руки-ноги, то притягивая их обратно и восторженно рассматривая.

— Хватит. — Шариссару это быстро надоело, и он дернул девочку за шиворот. Но Сиера вывернулась и отскочила в сторону, тут же пропав в густом тумане.

— Не поймаешь! — хихикнула она.

Паладин прищурился, сделал вдох и безошибочно выдернул Незабудку из белого марева.

— Ой! — изумилась она. — А как ты меня нашел?

— Ты воняешь девчонкой на весь Острог, — фыркнул он.

Сиера попыталась собрать в ладошки густой туман. Он расплзался под ее пальцами, словно живой, оставляя на коже влагу.

— А Лея говорит, что это Боги разлили с неба молоко. Наверное, это Легкокрылая Богиня, она вечно все путает, то молоко у нее убежит, то каша. — Она покосилась на мрачного мужчину и пояснила: — Если каша, то будет снег! Понимаешь?

— Кантаххар, — мрачно выругался Шариссар.

— А что такое...

Он смерил девочку хмурым взглядом, развернулся и молча пошел через двор. Густой туман моментально сомкнулся вокруг Сиеры, и, пискнув, она бросилась за удаляющейся темной фигурой. Шариссар шел быстро, и пришлось бежать, чтобы поспевать за его широкими шагами. Незабудка и бежала, иногда подпрыгивая от нетерпения. Молчать у нее не получалось, поэтому она сыпала вопросами, хотя паладин не отвечал. Но девочке это почти не мешало.

Длинное строение выросло перед ними так неожиданно, что Сиера чуть не врезалась в него лбом. Но тут паладин дернул ее за руку, втаскивая под навес, и зажег масляную лампу у стены. Здесь стояли какие-то уборочные инструменты, с потолка свисали пучки трав, а в углу были сложены тюки соломы.

— Там, — ткнул он пальцем за один из них. — Смотри, и уходим.

Но если Незабудка ожидала увидеть обычных щенков, таких, как бывали у соседской подзаборной собаки Тявки, то ее ждал большой сюрприз. Она обогнула тюк и присела на корточки. Ее глаза расширились, когда она увидела...

— Пресветлая Искра! — выдохнула девочка. — У них... у них же крылышки! Самые настоящие!

Мужчина окинул четверых пятнистых щенков с полупрозрачными крыльями равнодушным взглядом. Щенки были беспородными, чистокровная хмера нагуляла где-то от обычного пса и улетела. Это часто случается: у хмер отсутствует инстинкт защиты своего потомства.

Сиера осторожно коснулась пальчиком пятнистой шкурки, и слепой щенок тявкнул и потянулся к ее руке. А потом жадно присосался беззубым ртом к свисающему с куртки кожаному ремешку.

— Он голодный! — ахнула Незабудка. — А где их мама?

— Нет у них мамы. — Шариссар нетерпеливо постучал ногой. Туман за стенами уже рассеивался, тая под лучами восходящего солнца. Еще несколько минут, и от него останется лишь легкая дымка.

— Совсем? — Глаза Незабудки наполнились слезами, и паладин с досадой окинул взглядом ее дрожащие губы. И подумал, что надо срочно найти кого-нибудь присматривать за этим созданием. Только вот кого? Женщин в его замке не было, если не считать десятка блудниц, проживающих в бараке возле казармы солдат. Еще было несколько кухарок и старая экономка, но все они были заняты своим делом. Даже личный прислужник у Шариссара был мужчина. Бездушных Шариссар не жаловал и в своих владениях не держал, считая, что он достаточно видит мертвых тел и на полях сражений.

Он вновь с сомнением осмотрел девочку. Сиера же тем временем решительно поднялась и куда-то направилась.

— В какой стороне кладовая? — деловито осведомилась она. — Щенят надо накормить.

— А я что, разрешал тебе их кормить? — нахмурился паладин.

Губы Незабудки вновь скривились, но от слез она удержалась.

— Значит, так. — Он подошел ближе. — Разрешу тебе присматривать за щенками и кормить их, если будешь слушаться.

Девочка торопливо кивнула.

— Есть все, что тебе будут приносить. Делать, что я скажу. И не злить меня.

Сиера снова кивнула. Паладин позволил себе улыбнуться. А потом сжал ее ворот и притянул еще ближе, так что зеленые глаза девочки оказались как раз напротив его черно-синих.

— Отлично. И запомни, Сиера: болтать о том, откуда ты, я тебе запрещаю. Разговаривать с незнакомцами — запрещаю. И вообще разговаривать. Лучше всего делай вид, что ты глухая и немая. Одна хоть малейшая провинность, Сиера, и я скормлю этих маленьких пушистых крошек зверю. На твоих глазах. Они будут пищать и дергать своими крылышками, а зверь будет их жрать. — Шариссар улыбнулся, когда глаза девочки наполнились ужасом. — Вижу, ты меня поняла. Кухня вон там, я прикажу дать тебе молоко. Пока меня нет, за тобой присмотрит Айк. Если он на тебя пожалуется... — Он хмыкнул. — Надеюсь, ты меня поняла. Свободна.

Незабудка подпрыгнула от нетерпения и сорвалась с места.

— Ты кое-что забыла. — Сухой тон мужчины заставил ее остановиться, подпрыгивая на одном месте от нетерпения.

— Да-спасибо-мой-господин-Шар-rrrr-сарrrrrrr-Рей! — скороговоркой выдохнула она и унеслась в указанном направлении. Шариссар хмыкнул и, окинув взглядом беспородных щенков, ползающих по соломе, кивнул:

— Ну хоть какая-то от вас польза.

Он давно понял, что можно найти способ управления всеми. И самый простой — управлять при помощи тех, кто дорог. Пусть это всего лишь беспородные щенки, вовремя доставленные из ближайшей деревни.

Некоторые цепи гораздо прочнее железных. Это узы привязанностей, жалости и любви. Он улыбнулся и пошел к арке. Его ждали гарнизоны.

На нем цепей нет. Больше нет. И уже никогда не будет.

Чер Лерой

Впервые за бесконечно долгие годы Чер Лерой не желал встречи со своей любимой женой. И не просто не желал — он ее боялся. Видят Боги, магистр Искры Чер Лерой Ядовитый Оскал никогда не был трусом. И в его длинной жизни не было ничего, что могло бы вызвать дрожь паники в его теле и помутнение в сознании. И лишь немногого он боялся до ночных кошмаров и бреда.

И все это уже произошло.

Он подвел всех, кого был обязан защищать до последней капли своей крови, до последнего вздоха. Он не защитил своих дочерей, от разлуки с которыми его сердце почти перестало биться. Он не освободил Сейну, от тоски по которой его сущность изменилась, став темной и исковерканной.

И самое ужасное, что он должен сказать ей, что им больше нечего ждать и не на что надеяться. Все закончилось. Но не так, как они мечтали. Совсем не так...

И еще маг больше не чувствовал Искру. Те, кто прошел посвящение в Белой Башне, всегда ощущали Свет, в каком бы мире они ни находились. Этот Свет согревал их души и утешал в минуты отчаяния. Но сейчас его не было. Он таял с каждой минутой, и это лишь подтверждало, что паладин сказал правду. Искра угасла.

Носатый темный маг прервал зрительный контакт и отошел от Лероя.

— Его боль и воспоминания настоящие, — сухо изрек носатый.

— Вы уверены, что Светлого нет нужды подвергнуть пыткам? — дребезжащим голосом отозвался второй Темный — сутулый, одетый в черную мантию старик.

— Вы сомневаетесь в моих способностях? — делано удивился носатый. — Его разум открыт, вы можете сами проверить.

— Возможно, это лишь подделка, иллюзия... Мы все знаем, на что способны эти Светлые!

— Такой уровень боли подделать невозможно! — оборвал носатый и передернул плечами, словно пытаясь избавиться от увиденных образов и чужих чувств. И повернулся к молчаливому писчему в углу: — Внесите в протокол полученные сведения. Их необходимо предоставить Её Темнейшему Величеству до первых Сумерек.

— Будет сделано, советник, — поклонился писчий.

— И что теперь с ним? — Старик бросил на Лероя неприязненный взгляд.

— Это уже не наше дело...

Голоса удалились, Темные скрылись за тяжелой дверью, обитой железными ободами. Писчий закончил доклад и тоже ушел, кивнув у выхода стражникам и оставляя Лероя в одиночестве.

Но все разговоры и движения вокруг мужчины его не трогали. Он сидел в небольшой комнате, безучастно рассматривая узкое окно и стремительно темнеющее небо.

Нет. Он пока не пойдет к Сейне, хотя Темные и сказали, что магистр может ее навестить. Не сейчас. Чер Лерой встал и расправил плечи. Опустил ладони, и ар-нори послушно стекли с его пальцев, преображаясь в огромные и безобразные сущности, которым было тесно в пространстве комнаты.

Очень давно, когда молодой Чер, обладатель всего одного имени и целой бездны сомнений, встретил юную и прекрасную темную принцессу, он показал ар-нори Сейне. И

тогда с его ладони взлетели четыре золотых дракона. Эти создания были так прекрасны, что темная принцесса рассмеялась и обратила свой взор на юного светлого мага...

Сейчас же вокруг Лероя были лишь два ар-нори, и их облик ужаснул бы Сейну. Они были так же темны и безобразны, как измученная душа магистра.

Но любимая не увидит ни их, ни супруга. Он не явится к Сейне, пока не найдет забвения и пока не отомстит. Перед внутренним взором Чер Лероя вновь встало холодное и бесстрастное лицо паладина Мрака, и ар-нори беспокойно зашипели, улавливая настроение своего хозяина.

— Я отомщу, — сквозь зубы прошептал Лерой. — Отомщу.

* * *

Элея

В свою комнату я шла с некоторым опасением. Хотя тело ныло от усталости и физических нагрузок, умоляло об отдыхе, спать я опасалась. Я стала бояться своих снов, в которых так явственно чувствовала присутствие Шариссара.

И еще я боялась себя. Со мной что-то происходило, и я не знала что. Хотя бы то, как я разбивала горшки плетью... Ведь мне это понравилось. Да что там! Я испытала настоящее наслаждение от разрушения, которое устроила. Мне дико, безумно, невероятно нравилось бить! Сносить все на своем пути, уничтожать и рушить, исполнять неистовый танец хаоса, ощущая себя сильной, почти всемогущей! А в моих руках была всего лишь плеть... Что будет, если я получу куда более грозное оружие? Откуда во мне столько злости и ярости, готовой выплеснуться в этот мир? Неужели Шариссар разбудил во мне что-то тайное, чего я не знала раньше? Ведь я полукровка. Всегда была ею. А это значит, что половина меня принадлежит Оххарону, слугам зла и Тьмы.

Я задумалась о той, кем была моя мать. Про Лероя думать не хотелось, и даже мысленно я не желала называть его отцом. И раз он Светлый, значит, моя мать — Темная? Кто она? И вспоминает ли о нас с Незабудкой? Или в Оххароне бросать своих детей в порядке вещей?

Я ведь так мало знаю о порядках и обычаях Темных! Совсем ничего не знаю, если быть точной. Но чувствую связь с тем миром... Она рождается где-то в глубине меня, тонкая, но неимоверно прочная, связующая нить с миром Тьмы. И мне становится интересно, каков он... Возможно... возможно, мое место там? Не здесь, в мире Светлых, не в Пятиземелье, а в Оххароне? Возможно, Боги не зря указывают мне на это и стоит лишь поддаться зову, позволить себе стать частью другой реальности, уйти из Хандраш, не оглядываясь?

Что держит меня здесь? Дружья? Да, подруги переживают за меня и Сиеру, но дружба так иллюзорна, меня забудут уже к лету, заменив новыми привязанностями. Верность этой земле? У меня нет дома: тот, в котором выросла, — давно сгорел.

Искра? Так и она угасла, едва не погубив меня.

Долг? Я никому и ничего не должна.

Что держит меня в Пятиземелье?

Я сжала ладонями виски, пытаясь избавиться от этих мыслей. И вновь захотелось ощутить в руке кожаную оплетку на рукояти плети и ударить изо всех сил. Бить снова и снова, представляя себе лицо с черно-синими глазами... Ненависть и ярость ударили меня той самой плетью, обожгли, и я сжала зубы, запрещая себе думать о нем.

Он был первый, кому я поверила и доверилась, кому отдала себя всю, до самого доньшка. Что ж, надо было поблагодарить паладина за урок, жестокий, но понятный и доходчивый. В этой

жизни у меня есть лишь Сиера, мне не стоило об этом забывать.

Мысли о сестре привычно успокоили мою злость, она словно теплый солнечный лучик согревала мне сердце и умирjala Тьму, что пробуждалась во мне. И все же эта Тьма была... Я ощущала ее внутри себя злым пламенем, торжествующей яростью, готовой смести и уничтожить все на своем пути. И мне становилось страшно от желания поддаться ей.

Ведь даже поцелуй магистра меня не испугал. Возможно, удивил... или нет. И когда губы мага прижались к моим, меня охватило странное удовольствие власти над магистром, желание повелевать чужой жизнью, подчинить себе. Я словно раздвоилась, и часть меня испытывала смущение и неловкость, а вторая часть — удовольствие. Мне нравились сильные руки Райдена, что сжимали меня со страстью, нравились его губы, целующие с нежностью. И если бы он не остановился сам, что бы я сделала?

Оттолкнула? Или...

Боги! Да что со мной происходит?

Я метнулась к шкафу, достала кусок зеркала и уставилась на свое лицо, словно видела его впервые. Лампу я не зажгла, и в комнате уже было сумеречно, так что отражение казалось темным. Может, от этого оно было совершенно незнакомым? Я смотрела на чужое лицо — с белыми волосами и темными глазами, похожими на синие искрящиеся звезды. Прекрасное и... жуткое. Это была я. И — не я. Отражение не меня, которого я боялась.

Вскрикнув, я отшвырнула зеркало, и оно ударилось о стену, разлетевшись мелкими осколками. Теперь я осталась еще и без него!

Обхватив себя руками и не раздеваясь, я легла на кровать, опасаясь засыпать. Я знала, что в мой сон снова придет Шариссар, чувствовала. И пыталась не заснуть, но провалилась в сон, даже не заметив этого...

* * *

Что-то твердое упало на мой бок, и я с воплем подскочила на кровати. Рядом валялась шишка, и пока я тупо на нее пялилась, пытаюсь осознать ее появление на моей кровати, рядом приземлилась еще одна. Я подпрыгнула и метнулась к окну — снаряды прилетали оттуда.

— Хватит дрыхнуть, — сердито сказал лохматый Ник. Он стоял внизу, как всегда обнимая свой затасканный мешок. — Ты спишь, как пещерный суслик, я уже все шишки извел, пока тебя разбудил!

— А зачем ты меня разбудил? — оторопело спросила я, зевая во весь рот. — И пещерных сусликов не бывает.

— Ты обещала понюхать! — Ник улыбнулся во весь рот. — Выходи скорее, у меня знаешь сколько новых образцов? Вчера на берегу появился целый кусок другого мира, а там и травы, и кусты, и камушки, и даже деревья! Надо все описать! Немедленно! А ты дрыхнешь!

— Эээ, может, ты сам... понюхаешь? — Я снова зевнула.

— У меня нос заложен, я же говорил! — сипло возмутился Ник. — Лея, ну выходи, ты все проспишь! Давай скорее!

Я с сомнением покосилась на Ника. Его русые волосы торчали во все стороны, пуговицы были застегнуты через одну, а кожаные завязки на ботинках свободно болтались. Но, похоже, кроме вожделенного мешка, парня ничего не интересовало!

— Ладно, сейчас спущусь, — улыбнулась я. — Только подожди, мне умыться надо.

— Вот еще глупости! Потом умоешься. Завтра!

Я махнула ему рукой и вытащила гребень, чтобы переплести косу. Торопливо поправила

свою одежду и уже каким-то привычным жестом обмотала вокруг пояса плетъ, засунув рукоять в кожаную петлицу на штанах. Все же с ней я чувствовала себя гораздо увереннее.

И замерла. Ночью мне ничего не снилось. Ничего!!! Я спала спокойно и крепко, и Шариссар в мой сон не являлся! Только странно, я не могла понять, радует меня это или огорчает.

Убрав гребень, я умыла лицо, решив, что буду этому радоваться. Потому что если Темный продолжит мне сниться, забыть его будет все сложнее. А я обязана его забыть! И как можно скорее.

Ник приплясывал от нетерпения, но прежде чем помчаться к берегу, я застегнула правильно все его пуговицы, завязала ему завязки и вручила в руки гребень.

— Как ты не свалился по дороге, не представляю! — строго сказала я слегка опешившему парню.

— А я свалился, — рассеянно бросил он. И удивленно посмотрел на свои ботинки. — А, так вот почему я падаю...

Я закатила глаза и фыркнула.

— Идем уже, горе любознательное! Где там твои листочки-травинки?

— Там! — Карие глаза Ника вновь загорелись фанатичным исследовательским интересом. — Ты даже не представляешь, насколько это любопытно! Я думаю, что в том мире ночью холодно, а утром — жарко. Это объяснит, почему все их деревья с такими листьями — чтобы терять меньше влаги! А еще там, похоже, есть хищные растения, плотоядные! Ты представляешь? — завопил Ник, таща меня к месту своего восторга. — Цветы, способные сожрать мышь! Или даже кошку. А может... может, и человека! Боги, как бы я хотел увидеть это восхитительное растение!

Я покосилась на парня, но он совсем не шутил. Похоже, мысль о цветочке, способном кого-то сожрать, приводила его в состояние экстаза.

— Ник, тебе кто-нибудь говорил, что ты сумасшедший?

— Так все говорят, — радостно ответил парень. — А я и не спорю!

Перебежками мы выбрались на берег, и я ахнула. Часть побережья действительно была куском Оххарона. Примерно шагов в сорок, и этот кусок утонул в белом вязком тумане.

— Вот! — довольно ткнул пальцем Ник. — Я же говорил, у них ночью холодно! Видишь, был иней, а теперь туман! Здорово, да? Идем, надо все понюхать!

— Что-то мне не очень хочется туда лезть, — засомневалась я. Белое марево клубилось, словно живое, иногда являя очертания деревьев и кустов.

— Глупости! — уверенно фыркнул Ник и потащил меня за рукав. — Ты что, тумана испугалась?

— Того, что в тумане, — огрызнулась я. — Вдруг там эти твои жующие цветы?

— Хорошо бы! — искренне воскликнул Ник. — Но это вряд ли. Они озерные, как я понял, а здесь флора лесная. Ну же, Лея, не трусь!

И с горящими глазами парень бросился в туман. Я, ворча и осматриваясь, поплелась следом. Не оставлять же его там одного? И, конечно, сразу споткнулась о присевшего возле какого-то стебелька Ника!

— Ты хоть бы голос подавал! — Я отряхнула землю с ладоней. Вокруг плавал туман, такой белый и плотный, что его хотелось потрогать рукой. Я и потрогала, почти ожидая ощутить что-то живое.

— Нюхай! — Ник требовательно сунул мне под нос травинку.

— Фу, — скривилась я. — Куриным пометом воняет!

— Так и запишем! — обрадовался парень, делая корявую пометку в своем свитке. — А это?

— Сливочным маслом. — Новый листочек прижался к моему носу. — Орехом. Деревом...

Откуда я знаю каким? Елью.

— Чудесно, просто великолепно! — искренне радовался парень каждому новому описанию, а я лишь головой качала. Что нужно человеку для счастья?

— Вот это еще. — Синяя колючка уткнулась мне в кожу, а другой рукой Ник что-то нацарапал на бумаге. И брякнул, не поворачивая головы: — Уже рядом. Жаждет крови. Слева. За деревом... смотрит...

— Что? — не поняла я. Ник повернул голову, и я вздрогнула. В белом тумане его глаза тоже стали совершенно белыми и пустыми, лицо казалось восковым, словно маска.

— За деревом. Смотрит. Прыжок. Плеть... Скоро.

— Ник, — тихонько позвала я и дернула рукоять плети. Скорее от непонимания, чем осознанно, желая ощутить в руке что-то увесистое и дающее защиту. Кожаное жало развернулось, хлестнув по траве.

— Слева. — Ник смотрел в пространство белыми глазами, а я отпрыгнула и повернулась в указанную сторону.

За смутным очертанием деревьев мелькнула темная тень. Огромная и рогатая темная тень. Сверкнули кроваво-красные глаза. И вышел оххаронец. Он стоял на четырех лапах, как зверь, приняхивался жадно, не спуская с меня горящих глаз. Черный язык мелькнул между клыков беззубого рта. Он был похож на Шариссара в боевой форме, и в то же время — совершенно другим. Крыльев не было, а вместо гребней на голове загибались массивные рога. Он снова тяжело втянул воздух и облизался.

— Напал. Прыжком, — равнодушно сказал Ник за несколько мгновений до того, как зверь прыгнул. Но этого хватило мне, чтобы рвануть в сторону и взмахнуть плетью. Жало ударило оххаронца по спине, но недостаточно сильно.

— Замах. Справа.

Я отклонилась влево как раз вовремя, чтобы не свалиться от броска зверя.

— Сверху.

Резко упала и ударила зверя по ногам.

Ник предупреждал меня за несколько мгновений до свершившегося, и я отклонялась, ударяла и уходила в сторону раньше, чем оххаронец мог меня достать. И, кажется, его это чрезвычайно злило, потому что зверь рычал и временами вставал на задние лапы, ударяя себя в грудь. А потом вновь бросался на меня.

— Слева. Справа. Сверху. Слева...

Череда прыжков, отскоков и ударов плетью выматывали меня, но мы с Ником все еще были живы. Но вот сколько я так продержусь? Моя плеть отгоняла оххаронца, не давая приблизиться к нам, но вряд ли я смогу его убить, хотя вся спина и бока зверя уже были в красных полосах. Все-таки я была в полную силу, не желая оказаться в лапах с когтями.

— Справа...

Снова прыжок влево и разворот! Рогатый ревел и шумно втягивал воздух, оскаливая пасть и не спуская с меня глаз.

— Самка. Он хочет самку, — безучастно выдал Ник, а я изо всех сил ударила плетью. Потому что и сама догадалась, что зверь нападает не чтобы убить или сожрать, было в его поведении что-то... мужское. И это пугало меня до темноты, делая удары плетью еще сильнее.

— Да чтоб вы все провалились в нору к вонючему огру! — заорала я в отчаянии, чувствуя, что слабею и двигаюсь уже не так быстро, но не собираюсь сдаваться. Злость пробудилась внутри, и я закричала, не переставая размахивать плетью: — Чтоб тебя кохры обслюнявили, паршивый уродец! Чтоб тебя сороки обгадили! Что вылупился? Думаешь, ты сильнее? А вот тебе, вот!!! Чтоб у тебя рога в дереве застряли, чтоб тебя медведь нашел и...

— И? — раздался сзади заинтересованный голос Райдена. — И что сделал?

Оххаронец взревел, почуяв другого самца, и рванул на магистра уже всерьез, оскалив ужасающую пасть.

— Сеть, — сказал Ник, и на зверя упала полупрозрачная, словно паутинка, сеть и тут же обвилась вокруг мощного тела, лишая движения, пеленая, словно младенца в колыбельке. Оххаронец свалился, а магистр шагнул ближе и кинул в оскаленную пасть красный порошок. Рык прервался, перейдя в... храп.

— Вы его усыпили? — Я без сил опустилась на землю. Туман рассеялся, пока я махала плетью, и стали четко видны чужеземные деревья и кустарники. Меня трясло, и я не знала, от чего больше — от злости или усталости. — Он точно больше не кинется на нас?

— Нет, проспит сутки. — Райден присел рядом и внимательно осмотрел меня, ища повреждения.

— Все в порядке, — буркнула я, отворачиваясь от него.

Маг кивнул и протянул руку, помогая подняться.

— Вы его не убьете? — Голос предательски дрогнул. Кажется, до меня начало доходить произошедшее.

— Нет, не убью. Если он разумен, то нам не помешают... некоторые сведения об Оххароне. — Он помолчал, и я лишь сейчас заметила, какие темные у магистра стали глаза из-за расширившихся зрачков. — Хорошо... что с вами все в порядке, Лея.

Райден медленно убрал ладонь, которой придерживал меня.

— Это все Ник. — Голова слегка кружилась от эйфории победы и пережитого страха. — Он говорил, откуда будет нападение, и это помогало мне продержаться! Ник, — обратилась я к бледному и растерянному парню. — Почему не сказал, что ты прорицатель?

— Потому что я хочу быть исследователем-травником! — хмуро отозвался лохматый парень. С его привычкой запускать руки в волосы ему никакой гребень не поможет! — Толку от моих видений, если ничего не изменить! Не хочу их видеть, не хочу ничего знать!

— Но твои видения только что спасли нам жизнь! — воскликнула я. И от радости крепко обняла растерявшегося парня и звонко чмокнула его в щеку. — Если бы ты не предупреждал меня, я не смогла бы выстоять и защитить нас! Ты просто умница, Ник! Я готова перенюхать все твои листочки, только где-нибудь в безопасном месте!

— Правда? — Он так изумился, что открыл рот. — Я тебя предупреждал? Не помню...

— Он был в трансе, — пояснил магистр. — Вы, конечно, оба молодцы, но разве я не запретил ученикам приближаться к кускам Оххарона? Мы что, зря тратим силу на изолирование этих участков, устанавливаем барьер, чтобы ничто постороннее не могло оттуда выйти? А оказывается, надо потратить еще больше света, чтобы чрезмерно любопытные не могли туда войти?

— Простите, магистр Райден. — Ник покаянно опустил голову, я тоже смутилась. Ведь действительно был запрет. Только я оставила его без внимания.

— Вам повезло, что я был недалеко, — хмуро бросил магистр. — И слышал вас. Иначе...

Он окинул меня выразительным взглядом, и я содрогнулась, представив это «иначе».

— Вы оба наказаны, — мрачно «обрадовал» Райден. — А сейчас живо на завтрак. Лея, после я жду тебя в центральном здании, я перенес туда кабинет.

— Но... — попыталась возразить я.

— Я сказал — живо. И молча, — оборвал магистр. — И не задерживайся. Заодно расскажешь, что должен был сделать медведь. — Я слегка смутилась, вспомнив, что орала в азарте битвы. А маг приподнял бровь: — Вы все еще здесь?

Ник дернул меня за руку и потащил в сторону замка.

— А что там про медведя? — заинтересовался он. — Я не понял...

Я застонала и припустила быстрее, пока настырный лохматый не начал приставать с этим вопросом!

Шариссар

При выходе из арки его не окружили привычно стражи, а в нос ударили запахи духов и черных орхидей — любимого цветка королевы, пудры, помады, жаренного на углях мяса и пота рабов, обслуживающих прием в королевском дворце. Шариссар скривился, зная, что не сможет уйти до самой ночи, и уже желая покинуть празднество, на которое лишь только явился. Парк погружался в Первые Сумерки и выглядел просто невероятно в отблеске бесконечных мерцающих фонариков, что бросали дрожащие искры на огромные ледяные скульптуры, сверкали в фонтанах и переливались на одежде и украшениях придворных. Темный Двор явился почти в полном составе: все представители правящей ветви Оххарона, все законные наследники темной крови.

Даже стражи стояли в парадной черной форме с алыми плащами и привычно приложили ладони к груди, приветствуя паладина. Его наряд был похожим, только плащ отличался багровым оттенком, отделкой из меха красного горного льва и рубинами на пальцах и эполетах.

— Неужели сам дарей-ран Оххарона почтил Темный Двор своим присутствием? — Шариссар обернулся на насмешливый голос и склонил голову. Перед ним стояла стройная красавица в алом и узком платье, высокие разрезы открывали точеные ножки, а низкое декольте — высокую грудь. Ее темные волосы украшала сеть с тысячью драгоценных камней, сверкающих во мраке наступающей ночи, черная краска покрывала губы и веки, а белый мех редчайшей летучей белки укрывал плечи и спадал вниз мантией.

Алый — цвет королевской ветви, и Шариссар склонился перед брюнеткой:

— Риара Валантта, ваша красота расцветает с каждой ночью.

— Незамысловатый комплимент, но такой приятный из ваших уст, дарей-ран.

— Я не часто упражняюсь в красноречии, — усмехнулся паладин.

— О, у вас другие таланты, — улыбнулась красавица. — Хотя и ваше красноречие на высоте. Проводите меня к лестнице?

— Разве я могу отказаться от подобной... чести? — Шариссар протянул Валантте руку и сжал ее пальцы. Щеки девушки слегка покраснели, или это на ее лицо упал отблеск пульсирующего на башне Сердца Оххарона.

В арках, расставленных по всему парку, продолжали появляться Темные, и около хрустальной лестницы их уже было несколько десятков. Шариссар вел риару, рассеянно слушая ее речь о погоде и привезенных ящерах — рабах, которые не желали оборачиваться на потеху Двору. При этих словах паладин слегка напрягся, но его рука сжимала узкую ладонь риары по-прежнему несильно, почти не касаясь.

— Темнейшая еще не появилась, — обронила Валантта, когда они вошли в огромный хрустальный зал, — интересно, в каком виде она явится сегодня?

В голосе риары прозвучала легкая нотка зависти, но лишь тренированный слух паладина смог ее уловить. Он промолчал. Ему не было дела ни до женской зависти Валантты, ни до очередного эффектного появления темнейшей. Он видел так много ее образов, что его ни капли не волновал очередной. Он привычно осмотрел зал, отмечая выходы и расположение стражей, и довольно кивнул командующему, одобряя его действия.

И вместе со всеми повернулся к постаменту, на котором стоял трон. Огромный и будто бы обтянутый фиолетовым бархатом, матовым в свете бесконечных светильников.

— Сегодня темнейшая выбрала не лучший антураж, — довольно скривила губки Валантта. И ахнула, не сдержавшись. «Бархат» трона зашевелился, и тысячи ядовитых бабочек взмыли к потолку, обнажая хрусталь под их телами и острые грани зеркальных осколков, из которых состоял трон. Часть хрусталя так же отделилась, вытягиваясь в женскую фигуру, прозрачную и совершенную, словно вылепленную рукой безумно влюбленного мастера. На постаменте стояла хрустальная статуя, обнаженная и бесконечно прекрасная. И когда из уст придворных вырвался вдох восхищения, фиолетовые бабочки устремились к ней, а статуя шевельнулась, оживая. Бархат крыльев скрыл фигуру, образуя платье, живое и ядовитое, а хрусталь наполнился красками, являя королеву Оххарона. Темный Двор опустился на колени, приветствуя темнейшую.

Шариссар склонился вместе со всеми. Его не трогало ничто и никто в этом зале, он хотел уйти. Его нутро противилось нахождению здесь, и все мысли паладина были лишь об одном: придет ли она сегодня? Лея. Нежная и трепетная разноглазка, страстная кошечка, изводящая его. Прошлой ночью она не явилась, и он так и не смог уснуть. Постель казалась слишком горячей, или это его тело горело, а горло пересохло от мучительной потребности ощутить ее вкус.

Паладин сглотнул раздраженно и невидящим взглядом уставился на Валантту, которая что-то ему сказала. Он невежливо промолчал. Лиария приветствовала своих подданных, и ее голос хрустальным звоном разносился по залу.

— Но не меня вы должны сегодня чествовать! — воскликнула королева. — Эта ночь принадлежит не мне, она целиком и полностью посвящена дарей-рану Оххарона, который ведет наш мир к величайшей победе! Главная сила Пятиземелья уничтожена им! Воистину, мир Мрака не знал лучшего главнокомандующего, и священная война скоро будет окончена. Она завершится нашей победой над Светлыми, темные риары! Подойди, мой паладин, Шариссар Даметхар! Подойди, чтобы получить награду из рук твоей королевы.

Он приблизился, привычно почтительно склонил голову, когда к его камзолу темнейшая прикрепила алый кристалл — знак отличия и власти. К кристаллу обычно прилагались земли, рабы и другие дары, мало интересовавшие паладина. Во многих своих владениях он даже ни разу не бывал, предпочитая Острог или гарнизоны на границе с Ледяным Пологом.

— Эта ночь — твоя, — глядя ему в глаза, негромко произнесла королева. — Ты заслужил ее свое победой.

— Мне кажется, преждевременно праздновать, Ваше Величество, — тихо сказал паладин. — Но благодарю вас за доверие.

— Ты его оправдаешь, дарей-ран, — ответила Лиария. — Как всегда. — Она вновь повернулась к залу. — Сегодня твое место здесь, мой паладин, возле твоей королевы. Темный Двор должен знать, кому он обязан своей победой!

«Можешь считать это моей наградой, Лея...»

Воспоминание вновь обожгло его так, что стало нечем дышать. Хрустальный зал, в котором было слишком много серебряного, алого и черного, поплыл, словно был лишь бледным воспоминанием, а то, что являлось настоящим, стояло перед внутренним взором паладина. Темные распущенные волосы шелком по его пальцам. Нежная кожа теплого золотистого цвета... Пухлые губы сладки, словно сок ягоды красницы... Лея, такая живая и настоящая в его руках, такая искренняя в своей неопытности и чувствах... Такая... его. Вся. До самого доньшка. Без доли фальши или лицемерия. Ее разноцветные глаза сияли ярче, чем все драгоценности этого зала...

Шариссар безотчетно сжал кулаки. Что с ним творится? Многоликий Мрак! Он ведет себя словно... словно влюбился в эту девчонку!

Осознание ударило так больно, что паладин едва не прикусил изнутри собственную щеку. Ну, нет! Нет! Он не допустит этого. Ни за что!

Праздник был в разгаре, музыканты уже раздули огромные мехи своих инструментов, гибкие обнаженные танцовщицы, усыпанные мерцающими камнями, извивались на круглых постаментах.

Когда музыка смолкла и стражи ввели нескольких ящеров, Шариссар поморщился. Он не жаловал такие развлечения: как ни странно, но паладин уважал своих врагов. Темный Двор зашептался, предвкушая новое зрелище. Четырех ящеров будут бить, пока они не обернутся, являя свой истинный облик и чешуйчатое крылатое тело. Правда, взлететь им никто не позволит, и ящеры лишь в бессильной ярости станут биться об оградительный купол, ломая крылья в бесплодной попытке спастись.

Одного из ящеров Шариссар узнал, это был мужчина с резкими чертами коричневого лица и высоким белым хвостом. Даже в человеческой ипостаси его тело почти полностью покрывала чешуя, что говорило о преклонном возрасте ящера. Паладин знал, кто это. Один из военачальников, грозный Разан Тхи. Шариссар сам взял его в плен, но не желал наблюдать унижение воина для развлечения Двора. Остальных паладин не помнил, их черепа были лысыми, а тела тонкими, без признаков пола. Значит, совсем юнцы. Или девицы. До определенного возраста ящеры бесполое.

Шариссар отвернулся, и его вновь обожгло воспоминание. Давнее. Но слишком живое в его памяти. Узкое нутро каменной клетки и горящий хлыст, раз за разом опускающийся на спину Шариссара. Удар — и он зверь, рвущийся из железных оков, что держали его. Удар — и он человек, падающий на колени от боли... Удар — и снова зверь... Раз за разом. Бесконечная череда ударов и смен его ипостаси.

Еще удар... И остается лишь хищник, желающий крови и смерти, человек навсегда исчезает в глубинах его сущности. Только зверь... потому что он сильнее, жестче, быстрее и безжалостнее. У зверя есть шанс выжить. И поэтому остается лишь он. Тогда Шариссар сделал это осознанно, зная, что по-другому ему не выстоять, не победить и не найти выход из каменной ловушки рабства...

Паладин повернул голову к улыбающейся Лиарии.

— Не будет ли наглостью попросить у вас еще один дар, Ваше Величество?

Глаза королевы зажглись красным огнем.

— Я готова... одарить тебя, мой паладин.

— Мне нужны эти ящеры.

Лиария моргнула, а потом скривилась.

— Ты просишь жизнь светлого магистра, теперь жизнь наших крылатых врагов. Я не узнаю своего паладина, Шариссар. Ты известен своей жестокостью и холодным разумом, но еще немного, и я подумаю, что в тебе появилась... жалость?

— Вы знаете, что это невозможно, Ваше Величество. — Паладин склонил голову. — К тому же ящеры нужны мне для опытов, я хочу испытать новую сеть. Но вы можете отказать мне, если сочтете мою просьбу... неуместной.

— Тебе трудно отказать, мой паладин, — рассмеялась королева и махнула рукой.

Ящеры уже получили несколько ударов горящим хлыстом, и один из них дрожал, пытаясь изменить форму. Разан Тхи прошипел что-то, и юный ящер затих, не двигаясь.

— Уведите их, — велела Лиария. — Мне наскучило представление! Музыку!

По залу прокатился легкий недовольный ропот, но, конечно, никто не посмел возразить вслух. Шариссар же вновь помрачнел. Он хотел уйти. Потому что все его мысли были о том,

появится ли Лея сегодня. Метка под черной одеждой пульсировала и жгла, словно это на его спину вновь опускался раскаленный хлыст.

Паладин поклонился и ушел, провожаемый взглядами. Он понимал, что поступает невежливо и даже вопиюще, но больше не мог оставаться в этом зале. Шариссар прошел длинным коридором и толкнул дверь, скрытую за гобеленом. В его покоях было тихо и темно, лишь Звезда Мрака освещала роскошное убранство покоев.

Он постоял у окна, бездумно рассматривая огни оххаронской ночи. Отсюда, из королевского дворца, был виден город — россыпь окон, освещенных желтым и розовым светом, острые крыши домов, словно ежи, ошетилившиеся пиками, — защита от атаки ящеров. Стены из красного камня, им же мостили улицы, отчего город казался залитым кровью. Правда, раньше Шариссар никогда об этом не задумывался. Его родной город был не похож на Хандраш. В нем было больше темных и красных цветов, и когда-то паладин любил это сочетание. Ему нравился его мир. Раньше.

А сейчас?

Зачем он потребовал у Лиарии ящеров? Почему он стал столь часто вспоминать прошлое и задумываться о настоящем? Раньше ему хватало того, что у него было. Война. Смерть. Победа Оххарона. Раньше это имело смысл и значение, так что изменилось?

Он, он сам изменился. И он знал, когда это произошло...

Створка открылась почти беззвучно. Почти, потому что звериный слух паладина поведал ему о госте. А нюх распознал запах.

— Вам наскучили танцы, риара Валантта? — негромко спросил он, не поворачиваясь.

— Я весьма люблю танцы, дарей-ран, — с насмешкой протянула девушка. — Но предпочитаю более... откровенные. А вы, паладин?

Шариссар усмехнулся. Хотел ли он отвечать на ее более чем прозрачный намек? Нет. Не хотел. Он желал остаться один, и это злило паладина настолько, что он резко повернулся, в два шага преодолел расстояние до двери и впечатал риару в стену.

— Я предпочитаю грубые танцы, Валантта, — сказал он, одним движением поднимая подол алого платья.

— Как скажешь, Шариссар... Какие... захочешь, — хрипло выдохнула она и издала тихий стон, когда паладин сжал ее тело действительно грубо, почти до боли. Валантта застонала, откинула голову, вцепившись в черный камзол паладина. — Еще... Прошу... еще!

Шариссар впился в ее губы, покрытые черной краской, с силой втянул запах орхидей, пытаясь настроиться на извивающуюся девушку в его руках. Красивую, страстную, мокрую от желания принадлежать ему! Он трогал нежную кожу, целовал губы и понимал, что... не хочет. Не желает быть с ней, а метка избрания пульсирует, прожигая до костей, разливая по телу жидкий и яростный огонь сопротивления. Его зверь не желал удовлетвориться этой заменой, он чувствовал подделку и рычал внутри. Но паладин лишь загнал его глубже, не позволяя взять над собой верх.

Валантта закинула ногу на бедро паладина, прижимаясь к нему своим женским естеством, потираясь, словно ручная кошка, и мурча от удовольствия в его губы.

— Укуси меня, — прошептала она, откидывая голову, подставляя его клыкам белую шею. Шариссар провел языком вдоль пульсирующей вены. Позволить Темному укусить — это знак величайшего расположения и доверия. Или желания.

Он вновь лизнул и вонзил клыки в кожу, делая глоток черной крови. И сразу отстранился, выпуская Валантту из рук, провел ладонью, стирая с губ ее вкус и с трудом удерживаясь от желания сплюнуть.

— Шариссар?

— Тебе лучше уйти, Валантта.

— Что?! — опешила риара. — Ты меня... прогоняешь?! Меня? Да как ты смеешь!

— Валантта, уйди.

— Да как ты смеешь! — воскликнула девушка, резко ударяя паладина по плечу. Шариссар развернулся, сжал ее руки, не позволяя к себе прикасаться. Откинул голову, ощущая дикий голод и понимая, что его не сможет удовлетворить эта красавица в алом.

Он хотел Лею. Хотел ее тело, ее кровь и ее душу. Всю целиком, всю до самого доньшка, до глубины ее искрящейся сущности и такого удивительного любящего сердца. Он желал ее держать в своих объятиях, прижиматься к коже и видеть свое отражение в ЕЕ глазах. И именно это осознание и нежелание его принимать заставило паладина рывком толкнуть Валантту на кровать, задрать ее платье, прижаться к женскому телу, пытаясь испытать хоть что-то. Риара билась под ним со стонами, извивалась, стараясь стать еще ближе и прикинуть губами к его рту, но паладин отворачивался, откидывал голову, тяжело втягивая воздух.

Бесполезно. Все бесполезно! Отстранился так же — рывком.

— Уйди.

Девушка зашипела, как животное, награждая мужчину яростным и обиженным взглядом, вскочила.

— Ты об этом еще пожалеешь, Шариссар!

Риара спрыгнула с постели, поправляя свое алое платье и подбирая скинутый на пол белый мех.

— Я уже жалею, — безразлично отозвался паладин.

— Ненавижу тебя! — Валантта яростно тряхнула черными волосами и пошла к двери, гордо подняв голову. У самой створки чуть помедлила, ожидая прикосновения или хотя бы слов... но ни того ни другого так и не последовало. И, яростно стукнув дверью, риара удалилась.

— Уже жалею, — пробормотал Шариссар, застывая посреди комнаты. Он сжал зубы, злясь на себя и на весь мир, ненавидя то, что пробуждалось в нем. Он не хотел этого.

И в то же время...

— Ты нужна мне, — чуть слышно шепнул паладин во тьму ночи. — Ты так мне нужна, Лея...

* * *

Элея

Я сейчас взорвусь! Заору! Затопаю ногами и тресну невозмутимого красноволосого мага чем-нибудь тяжелым! Очень тяжелым! Настолько, что это сотрет с его высокомерного и породистого лица это выражение полнейшей невозмутимости и легкую насмешливую улыбку, что таилась в уголках красивых губ!

Вот так думала я, в стотысячный раз наклоняясь и устанавливая на длинную иглу белый цветок.

Магистр придумал просто какую-то пытку в наказание за нашу с Ником провинность! Хотя поначалу задание показалось мне совсем простым и я ожидала, что справлюсь с ним за полчаса и унесусь к девушкам на тренировочное поле.

Когда я вошла в кабинет мага, он уже ждал меня, держа в руках узкий мешочек. Окинул меня внимательным взглядом, задержавшись на румяных щеках и слегка растрепанных волосах. А все потому, что я неслась через облетающий сад бегом, так как забыла о времени, заболтавшись с

Рин. Ее беспокоило, что Полина почти перестала есть и как-то стремительно худела и бледнела.
— Надо показать Поли целительницам! — громким шепотом убеждала Ринка. — Ведь неладное с девкой творится! Вы посмотрите, скоро на бледную моль похожа станет! Ой, не к добру, а все этот Шип, взъелся на бедняжку, гоняет по полю, как кот — таракана! Подлая колючка!

Тисса громко фыркнула и покосилась на рассеянную и задумчивую Полину.

— Целители ей не помогут, — объявила она, бойко уплетая вареный картофель. И подмигнула мне. — Только муравейник. Большой. Прямо-таки огромный. С очень злыми муравьями!

Я прыснула, не сдержавшись, а Ринка округлила глаза.

— Муравейник? Вы так думаете? И что, помогает?

— Ага, — рассмеялась Тисса. — Еще как! Я так думаю, что как только найду подходящий, мы в него всей толпой залезем! Чур, занимаю южную сторону, люблю, знаешь ли, чтобы солнышко грело...

— Ну, тогда я в теньке, — отозвалась я, пытаюсь сдержать хохот и представляя нас, лечащихся от любви кусочими насекомыми.

— Полин, ты предпочитаешь солнечную сторону или тень? — окликнула Тисса рассеянно улыбающуюся подругу.

— А? — Та недоуменно хлопала глазами.

— О, так у нее особо запущенная стадия, — глубокомысленно изрекла Тисса. — Ее только на верхушку! Там горячее всего. Полин, тебе досталось место наверху!

— Хорошо, — покладисто согласилась Полина и вновь уставилась на разноцветное панно, которое созерцала уже полчаса.

Я опустила голову, фыркая от смеха.

— Девочки, а вы от какой болезни лечиться собираетесь? — с подозрением спросила Ринка, переводя взгляд с меня на Тисс.

— От тяжелой, — помрачнела охотница. Но тут же встрепенулась. — Слушай, Ринка, а я тебе рассказывала про свою прабабушку?

— О нет! — Я вскочила, не собираясь вновь это слушать, и бросила взгляд на часы. — Боги, меня же магистр ждет!

— Что, в прошлый раз хорошо убежала? Ему понравилось?

— Тис! — Я наградила подругу яростным взглядом, но спорить было некогда, и я метнулась к выходу, забыв свою шапочку и накидку.

И вот теперь стояла перед магом, переминаясь с ноги на ногу.

Он покачал головой, вздохнул и сделал пасс руками, прошептав заклинание. На мои плечи опустилась меховая накидка, а на волосы — шапочка.

— Спасибо, — покраснела я. — Только ведь надо беречь... силу.

— Тебя тоже надо беречь, — отозвался магистр. — Так что в следующий раз вспомни, что я все равно не выпущу тебя без верхней одежды, и не заставляй меня тратить силу Света. Договорились?

— Договорились, — пробормотала я, искоса поглядывая на него. Я ведь засиделась с девушками не просто так, слишком неловко было вновь встречаться с магистром после Оракула. Но он вел себя спокойно, словно ничего и не произошло, и я слегка расслабилась.

— Что я буду делать? — спросила, когда вышли на улицу.

— Помогать мне устанавливать ловушки, — улыбнулся магистр.

— Я? Но во мне нет Света! И заклинаний я не знаю!

— Этого и не потребуется! — вновь улыбнулся Райден, и я взглянула на него с подозрением.

Мы вышли за пределы стены, ограждающей замок, и направились в сторону раскидистых деревьев, на которых жили ахои. И здесь маг остановился, протянул мне мешочек с длинными иглами.

— Смотри, достаешь одну и втыкаешь в землю. Почти до основания. А сверху устанавливаешь вот это...

Он свел ладони, словно пряча что-то внутри, а когда развел, я ахнула. В руках мага был крошечный бутон белого цветка, размером в половину мизинца.

— Что это?

— Это основа для паутины, Лея, цветы лиоль. Держи. Попробуй установить его на иглу. — Я осторожно опустила нежный бутон на острый кончик, опасаясь помять лепестки или раздавить его в ладонях. Магистр одобрительно кивнул. — Отлично. Мужчины не годятся для такой работы. Здесь нужно трепетное отношение. Бережное. И нежные руки. — Он отвел от меня взгляд. — Устанавливать лиоль будем через каждые двадцать шагов. Идем.

— Но зачем они?

— Увидишь, — снова улыбнулся магистр. — Не скажу, пусть это будет сюрприз за проделанную работу. Поверь, когда мы закончим, ты готова будешь растоптать все эти белые бутоны.

— Вот еще! — фыркнула я. — Не вижу в этой работе ничего сложного!

...Ду-у-ура!

Я сейчас взорвусь. Заору. Затопая ногами и тресну невозмутимого красноволосого мага чем-нибудь тяжелым! Очень тяжелым!

А потом буду долго и яростно прыгать по оставшимся иглам и всем этим цветочкам лиоль!

Первые три часа все было вполне терпимо. В Хандраш похолодало, и вечнозеленые деревья за несколько дней пожелтели и местами успели облететь. Так что в меховой накидке было тепло и уютно. Мы проходили положенное расстояние, потом я устанавливала иглу, а магистр создавал цветок, который я помещала на кончик. И вновь двадцать шагов, и все повторяется.

И да. Часа через три я начала поглядывать на мир вокруг с плохо скрытым раздражением, а на цветы — с неприязнью. А через четыре часа почти завывала.

— Давай сделаем перерыв, Лея, — неожиданно предложил маг. — Иначе ты взорвешься. И, кажется, найдешь что-нибудь тяжелое, чтобы все-таки меня ударить! — Он хмыкнул, увидев, что я слегка смутилась. — У тебя очень выразительное лицо. И ты так красноречиво сопела, поглядывая в мою сторону...

— Я не сопела! — возмутилась я.

— Еще как, — рассмеялся он.

— Я даже не знаю, что значит сопеть!

— Это издавать вот такие странные звуки замышляемого убийства одного мага, — безмятежно протянул Райден, сделал паузу и... засопел! Я открыла от изумления рот. Вот просто открыла, не в силах поверить в то, что вижу. И слышу! Райден изображает, как я сопела? Я сплю?

— Тебя ущипнуть? — невинно поинтересовался он.

— Прекратите читать мои мысли! — Но не выдержала и рассмеялась, все же это было ужасно забавно!

— Я этого не умею, — улыбнулся маг. — А ты не умеешь их скрывать. У тебя все на лице написано. — Он прошелся взглядом по моим глазам, щекам, губам, и улыбка замерла на кончиках его губ. И Райден тут же отвернулся. — У тебя очень красивый смех, Лея, — негромко сказал он. — Подвигайся, разомнись, скоро продолжим. Ты не голодна?

— Нет. — Я отошла в сторону, помахала руками и повертела головой, потому что действительно немного устала от монотонной работы. Но Райден прав, мы все должны

сплотиться и сделать все возможное для защиты Академии. Я видела, что боевые маги тоже обходят территорию, завязывая узлы и читая заклинания, видела Зрячего, который руководил установкой непонятной светящейся сферы, и хранительниц, что, раскинув руки, собирали Свет в кристаллы-накопители. Все были чем-то заняты, и это были действия, необходимые для выживания.

Мне ли не знать, что ждет нас в грядущем...

Я помрачнела, вновь вернувшись воспоминаниями в прошлое и опасаясь будущего.

— Кстати, вы с Ником подали мне хорошую идею, — прервал мои невеселые думы магистр. — Будем обучать боевых магов работать в паре с провидцами. Корвелл говорит, что это может существенно улучшить нашу оборону. И прорицатели наконец-то чувствуют себя при деле, один Ник чего стоит! — Райден отбросил со лба красную прядь. — Мы поставили его в напарники к Шипу, и теперь эту парочку почти невозможно победить в обычном бою. Да и в магическом, пожалуй!

— Подождите! — Я уперла руки в бока. — То есть благодаря нам вы нашли новое решение, но я все равно наказана? И где справедливость?

— О чем ты? — лукаво подмигнул маг. — Я и слова такого не знаю!

— Вот не зря Тория наказывала держаться от магов подальше! Хотя она это говорила по другой причине... — тихо договорила я, отворачиваясь.

— Вероятно, Лерой оставил твоей приемной матери указания, Лея, — негромко проговорил Райден за моей спиной. — Велел держаться подальше и от магов, и от Хандраш. Возможно, твой отец знал о предназначении...

— Я не хочу о нем говорить! — жестко бросила я.

— Разве? — Теплые руки легли мне плечи, и Райден развернул меня, внимательно глядя в глаза. — Разве не хочешь? Внутри тебя жжет обида, расскажи мне, Лея. Как рассказала бы... случайному встречному, ненадолго появившемуся в твоей жизни.

— Нечего рассказывать! — оборвала я. — Нечего, понимаете? Не было в моей жизни отца, никогда! И называть так Лероя не смейте, он мне не отец! Он увел Незабудку! Забрал ее у меня! Я его ненавижу, слышите? Оставил указания? — Я зло рассмеялась. — На что мне его указания? Из-за них мы провели полжизни в бегах. Указания и эта бесполезная побрякушка, вот и все, что он оставил нам с сестрой!

Яростно дернула ворот, почти отрывая пуговички, сорвала шнурок медальона, что всегда был на мне, и швырнула его на землю.

— Надо было раньше это сделать! — с горечью сказала я.

Магистр присел, подобрал круглое украшение, провел пальцем, стирая грязь.

— Ты знаешь, что это? — Он поднял на меня взгляд.

Я окинула злым взглядом тусклый медальон с бледным камнем. Ничего красивого в вещице не было, грубая работа и какой-то тусклый металл без узора. Сколько раз я порывалась его продать в лавке старьевщика, купить на вырученные гроши хлеба, но каждый раз меня останавливала надежда, что эта вещица — связь с моими родителями. Призрачная, эфемерная связь, память о тех, кого я никогда не знала.

— Знаешь, Чер Лерой происходит из древнего и довольно знатного рода, — неторопливо проговорил магистр, поднимаясь. — Я знал, что он последний потомок своей семьи, и потому очень удивился, когда двадцать лет назад Лерой неожиданно продал свой родовой замок и имущество. Я ожидал, что он решил приобрести что-то другое или вложить средства в новый дом. Но Чер Лерой так ничего и не купил. Все эти годы он проживал в Хандраш, даже не в собственных покоях, а в крыле учеников, в одной из комнат. И вел более чем скромный образ жизни... я никогда не спрашивал, на что он потратил все свои средства. А теперь знаю. —

Райден протянул мне медальон. — Если бы ты показала эту вещь мастеру, то знала бы, что медальон стоит целое состояние. И даже при условии, что тебе выплатили бы десятую долю его стоимости, вы с Незабудкой жили бы достойно. Любой мастер оценил бы этот камень. И вероятно, Лерой намеренно выбрал такую непривлекательную форму, чтобы уберечь тебя от воровства. — Маг вздохнул. — Он позаботился о вас, Лея. Как смог. Вероятно, он не мог сделать большего.

Я стояла, не в силах поверить в то, что слышала. Все эти годы скитаний, голода, нищеты, тесных и сырых комнатух и тяжелой работы я носила на себе состояние?! Наследство своего отца, способное обеспечить нам сытую жизнь?

Потому просто опустила на землю, обняв себя руками.

— Боги... — выдохнула я. Медальон вывалился из моих дрожащих ладоней, и полупрозрачный камень сверкнул, словно подмигнул мне.

Райден осторожно потянул меня вверх.

— Земля уже холодная, Лея, — тихо сказал он.

— Но ведь Лерой хотел вас убить! — выкрикнула я, вырываясь из его рук. — Я видела это! Он напускал на вас ар-нори, из-за которых вы почти погибли! Почему вы его защищаете?

Райден пожал плечами.

— Возможно, я его понимаю. Иногда нам всем приходится выбирать. И, к сожалению, выбор редко бывает простым. Но если бы передо мной стоял выбор — семья и дети или почти что друг... Выбор очевиден. Идем, Лея, перерыв закончился, а у нас еще много игл.

Он пошел к каменистому берегу, а я посмотрела магу в спину. Возможно ли, что он защищал Лероя, зная, что мне это нужно? Что где-то в глубине души я очень хочу найти причину его простить?

Я покачала головой, не в силах разобраться в себе, и пошла вслед за Райденом.

* * *

Через два часа я торжественно установила последнюю иглу и дрожащими руками поместила на острие бутон. Замерла на миг, а потом запрыгала на месте, не в силах удержаться.

— Последний, последний, самый-самый последний цветочек!!!

Магистр рассмеялся, развернул меня и показал вверх:

— А теперь обещанный сюрприз. Смотри, Лея.

Я задрала голову. Поначалу ничего не увидела, а потом...

— Что это?

— Пауки, — улыбнулся Райден. — Вернее, паучихи. Изумрудные летающие паучихи, что сплетут нам очень прочную и необычную сеть. Они прилетают на запах лиоль.

Я застыла, изумленная. Зрелище было удивительное: в воздухе появились сотни изумрудных искорок, светящихся точек, парящих на тонких паутинках. Они вовсе не походили на пауков — противных и пугающих, скорее на зеленые камушки с лапками, совсем не страшные и завораживающие. Один паучок приземлился мне на ладонь и принялся деловито опутывать мою руку невесомым узором паутинки.

— На тебе остался запах цветов. — Райден осторожно снял с моей ладони паучка и пересадил его на бутон. Изумрудная искорка торопливо поползла, оплетая лиоль коконом.

— Они безумно красивые! Но чем нам помогут эти ниточки? — засомневалась я.

— К ночи нити нальются силой и образуют вокруг замка непроницаемый кокон. Эти крошки не только создают защиту, но и питаются черной магией, съедают ее, стоит ей

появиться. Для них это любимое лакомство. Так что оххаронцы не смогут воспользоваться в Хандраш своей силой.

— Звучит неплохо, — задумалась я. — Только оххаронцы и без магии сильны. — Я вздохнула. — Стоит вспомнить боевую форму...

Вот этого говорить не следовало. Потому что вспомнила я боевую форму Шариссара и, соответственно, его самого. Хотя я его и так ни на миг не забывала. И все очарование воздушными паучками как рукой смело, внутри стало горько.

— Лея, посмотри на меня. — Голос мага пробился словно сквозь пыльный тюфяк, и я нехотя подняла на него взгляд.

— Знаете, у вас глаза тоже изумрудные, — задумчиво протянула я, рассматривая хмурое лицо магистра. — Почему вы на меня так смотрите?

Он тронул рукой прядь волос, выбившуюся из-под меховой шапочки, убрал ее мне за ухо.

— Ничего. Не беспокойся.

Но я успела увидеть, что локон в его руках белоснежный. Значит, еще одна прядь побелела.

— Это началось после Обители? — негромко спросил магистр, и я кивнула.

— Со мной что-то не так?

— Все будет хорошо, — уверенно произнес магистр. — Не бойся, Лея. Я не могу обещать тебе, что решу все проблемы на земле, но я буду стараться. Обещаю.

— Я понимаю, что вы надеетесь вернуть Искру, магистр Райден, — вздохнула я. — Но все равно спасибо. Мне начинает казаться, что вы не так плохи, как я думала.

— О, я польщен, — улыбнулся он, но глаза остались внимательными и мрачными. Я заметила, что когда Райден злится или переживает, цвет его глаз меняется, темнеет. А когда смеется, то в них словно искрится солнечный свет. Вот последнее время его радужки постоянно были темными.

— Но вы так и не сказали мне, смогли ли увидеть Искру, — напомнила я.

Он чуть помедлил.

— Да, — Райден коснулся моей руки, — увидел. Оракул показал мне ее. В тебе есть Искра, Лея.

— И что, мне снова придется умирать? — испугалась я. — Я не могу, мне надо сестру найти!

— Нет, больше не придется, — невесело усмехнулся он. — И... прости нас. То есть меня. Я действительно сожалею о том, что тебе пришлось...

— Не продолжайте. — Я махнула рукой. — Мне не хочется к этому возвращаться. Я на вас не злюсь. Ну, почти. — Я улыбнулась. — И знаете что...

Магистр картинно приподнял бровь.

— Я очень... очень... просто очень хочу есть! И дико злюсь на вас, потому что пропустила обед! А хранительницы выгоняют метлой всех опоздавших, и до ужина у них не допроситься ни куска хлеба! Вот так вот!

Райден рассмеялся, и его глаза посветлели. А мне почему-то стало от этого легче.

— Идем. — Он решительно взял меня за руку. — Ты ведь не свалишься по дороге в голодный обморок?

— Постараюсь продержаться, — серьезно ответила я. — И куда вы меня ведете?

— К сожалению, мне тоже не дают еду, если я опоздаю к обеду. — Я неверяще закатила глаза. — Честное слово. Потому придется что-нибудь стащить из кладовой.

— И все-таки Тория была права насчет магов, — преувеличенно горестно вздохнула я. — Ко всему прочему, вы еще и воришки!

— Когда желудок пуст, совесть смотрит в другую сторону и делает вид, что ее нет! —

глубокомысленно изрек магистр, а я фыркнула.

— У вас очень покладистая совесть!

— Я сумел с ней договориться. И мы друг друга не беспокоим.

— Ну, к вашему возрасту, возможно, и я овладею этой наукой...

Райден наградил меня красноречивым взглядом, и я, не сдержавшись, рассмеялась.

И я действительно ощущала себя злостной нарушительницей правил и воришкой, тайком пробираясь в кладовую. Когда Райден вскрыл замок на массивной двери, я хмыкнула. Причем сделал он это без всякой магии, просто повертев в скважине какой-то пластинкой. Дужка тихо щелкнула и открылась.

— Магистр, у вас очень интересные умения! — задумчиво протянула я, косясь по сторонам. И надеясь, что нас не застукают за таким неблагоприятным занятием. — Этому тоже обучают в Академии? Я бы хотела поучиться!

— Нет, такому не обучают. — Он повернул голову, зеленые глаза сияли, а кончики губ изогнулись в улыбке. Маг шутливо склонился, открывая передо мной дверь. — Прошу в королевство сыров и колбас, прекрасная Элея.

— Так уж и прекрасная, — проворчала я, но все же мне было приятно. И поэтому я быстро перешагнула низкий порог и ступила в темноту. — Так где вы научились вскрывать замки, магистр?

— Я ведь говорил — у меня занятое прошлое. — Дверь за спиной захлопнулась, погружая помещение в крошечный мрак. Смутный силуэт за моей спиной передвинулся и зашуршал чем-то у стены. — Где-то здесь была свеча. Куда же я ее дел...

— Так-так, значит, вы тут уже не впервой и даже сделали тайник со свечами?! — развеселилась я.

Странно, но страшно мне не было. Да и чего уже бояться? Удивительно, но, кажется, я верила Райдену. Или просто не видела смысла в его вранье. К тому же мне нужен был союзник, чтобы вернуть Незабудку, а кто, как не он, может мне помочь?

— Я часто пропускаю обед. — Желтый огонек осветил его лицо и ладони, заботливо укрывающие свечу. — Так что приходится сюда... наведываться.

— Расскажите о вашем занятом прошлом? — Я склонилась, примеряясь к круглому боку сырной головки и решая, как бы отодрать кусочек. Магистр порылся в своем тайнике и, достав нож, протянул мне. Я прыснула от смеха.

— Боюсь окончательно тебя разочаровать, — сказал он, пристраиваясь на бочку и скрепявая длинные ноги.

— О, вряд ли в вашей жизни было что-то противозаконное! — воскликнула я, отрезая сыр и укладывая его на кусочек вяленого мяса. Осмотрела с удовольствием, добавила лист салата и протянула магу: — Держите.

И занялась приготовлением еды для себя. И, уже свернув себе закуску, поняла, что маг не ест, а смотрит на меня.

— Не нравится? Простите, я не спросила, что вы любите...

— Очень вкусно. — Райден откусил кусок. — Я просто... Удивился. Спасибо. А насчет прошлого... Корвелл нашел меня в банде придорожных бандитов, мы занимались тем, что грабили проезжающих. Ну и так... по мелочи.

— Вы шутите? — Я чуть не подавилась сыром и уставилась на магистра, ожидая увидеть в его глазах насмешку, но его лицо было задумчивым. — Вы — и в банде разбойников? Вы?!

Я осмотрела его белоснежную сорочку, безупречные брюки, сапоги с высокими голенищами и черную мантию с рубином. И этот человек когда-то грабил на дорогах путников?

— Не могу в это поверить!

Магистр пожал плечами и потянулся к ровному ряду кувшинов. Снял один и осторожно убрал восковую нашлепку с узкого горлышка. Понюхал.

— Сок. Клюква, кажется... — Он протянул мне питье.

— Клюква. А еще вишня, смородина и мед, — уточнила я, делая глоток и облизываясь. — Вкусно! Только, кажется, слегка забродило... А почему вы подались в разбойники? Вам нужны были деньги?

— Нет, искал смысл жизни, — рассмеялся он, принимая из моих рук кувшин и тоже отпивая.

— У разбойников на дороге? — изумилась я.

— Я решил, что надо с чего-то начинать. — Магистр улыбнулся. — К тому же я был молод, и меня разыскивали в нескольких королевствах с целью... познакомиться с петлей на виселице.

Я вытаращилась на него так, словно увидела впервые. Райден развел руками. В одной он держал кувшин, в другой кусок сыра.

— Я ведь предупреждал, что прошлое у меня... занятное. Корвелл нашел меня вовремя и заставил взяться за ум. За что я ему очень благодарен.

— Но я слышала, что у вас невероятный уровень силы и дара! — изумленно воскликнула я. И покраснела. — Это хранительницы рассказывали... Вы ведь целый магистр!

— Ну да, пока целый, — усмехнулся он.

— Я имела в виду...

— Я понял. — Он махнул рукой и встал, что-то разыскивая на полках. — Да, у меня были способности, но без Академии и знаний я почти не мог их использовать. Поток силы надо уметь направлять, а я лишь разбрызгивал ее, словно воду в бочке. Пришлось учиться. Долго. Нашел! — Он потянулся к верхней полке и снял глиняный горшочек. Обернулся ко мне с такой предвкушающей улыбкой и блеском в глазах, что я невольно фыркнула.

— У вас такое лицо, словно там как минимум пища Богов!

— Лучше. — Райден вновь уселся на бочку и поманил меня к себе, предвкушающе облизываясь.

— Боги. — Я покачала головой, не в силах удержать улыбку. Ну как не улыбаться, если у Райдена сейчас на лице было выражение точь-в-точь как у моей шестилетней Незабудки перед десертом! И это у взрослого красивого мужчины, магистра магии! Кошмар! — Да вы сладкожка! — хихикнула я, и, кажется, Райден слегка смутился. И вздохнул.

— Точно. Поэтому лучше тебе подойти ближе, а то рискуешь остаться без вкусного!

Я снова покачала головой, но все же подошла, ведомая любопытством. Мне было ужасно интересно, на что маг смотрит с таким вождением!

— Что это?

— Попробуй.

Я с сомнением осмотрела коричневую массу с какими-то кусочками:

— Выглядит не слишком привлекательно. Я, пожалуй, воздержусь!

— Ты просто этого не пробовала! — возразил маг. Его глаза при свете свечи, что стояла на соседней бочке, казались искрящимися изумрудами. — Это шоколад! И если существует на земле пища Богов, то это она и есть! Попробовав это лишь раз, ты всю жизнь будешь помнить этот восхитительный вкус! Это невероятно, Лея.

— Да? А почему выглядит так гадко? — усомнилась я, разглядывая содержимое горшочка.

— Я пока не придумал для него форму, — слегка нахмурился магистр. — И не определился с сочетанием орехов, сушеных ягод и патоки. Наверное, надо сделать все это гуще! Может, в форме бруска? Или шара? Как считаешь?

— Так вот чем занимается магистр Искры! — окончательно развеселилась я. —

Придумывает рецепт нового десерта! Вы прячете его в кладовой, чтобы враги не узнали?

— Можно и так сказать! И ты теперь посвящена в мою тайну! — торжественно пояснил магистр и снова облизнулся. — Только у меня нет ложки.

— И как мы будем это есть? — Я уже с трудом удерживала смех. Похоже, ягодная настойка забродила сильнее, чем я думала.

— Вот так! — Магистр ткнул палец в коричневую массу, повертел, вытащил и с выражением величайшего наслаждения на лице облизал. И закрыл глаза, демонстрируя высшую степень блаженства.

— Что-то сомнительно... — Я понюхала горшочек, но любопытство победило, и я тоже опустила палец в этот непонятный шоколад. Липкая коричневая масса не внушала ни доверия, ни желания ее пробовать, но я все же поднесла ко рту, не желая обижать Райдена. И уже даже приготовилась сказать ему что-то утешительное...

Сладость. Совершенно божественная, непередаваемая сладость растеклась на языке, заставив меня зажмуриться.

— О Боги! Это восхитительно! — простонала я, окуная вновь палец в горшочек.

Магистр тихо рассмеялся.

— Теперь я понимаю, почему вы прячете это здесь! — чуть ли не урча от удовольствия пробормотала я, вновь зачерпывая шоколад. Честно говоря, мне хотелось опустить в горшочек не пальчик, а всю пятерню! — Да за это можно душу отдать! И еще упрашивать, чтобы взяли! За один горшочек этого... шоколада!

— О да! — значительно проговорил магистр и тоже ткнул пальцем в сладость. — Я знаю.

Я выловила орешек и отправила его в рот. И, кажется, все-таки замурчала. Не удержалась просто.

— Магистр Райден! — Я тщательно облизала палец и подняла его вверх. — Я готова вскрывать с вами кладовки, расставлять целый день лиоль и делать другие непонятные вещи за возможность опустить палец в этот горшочек! Торжественно клянусь!

И рассмеялась. Но осеклась, увидев, как в один миг изменился взгляд мага. Из сияющего и беззаботного он стал таким... мужским. И я вдруг отчетливо поняла и то, как прозвучали мои глупые слова, и то, что нахожусь с ним наедине в темном помещении кладовой. И то, что моя голова кружится от забродившего сока.

И то, что Райден — не мальчик с горшочком сладостей, он — мужчина, и желания у него вполне взрослые. И сейчас я видела его чувства в зеленых глазах, в напрягшемся теле, в том, как он судорожно втянул прохладный воздух. Он смотрел на мои губы, и я неосознанно их облизала, поняв, что на них остался шоколад. И взгляд магистра стал еще темнее. Очень медленно он встал, возвышаясь надо мной, протянул ладонь. Стер капельку с моей губы.

— Не надо... — Я сама не поняла, что хотела сказать. Не надо так на меня смотреть? Не надо меня... желать? Проклятие! Я была уверена, что он вновь меня поцелует. Вот прямо сейчас...

— Надо... возвращаться, — тихо сказал магистр.

Я откинула голову, рассматривая его лицо в неровном свете желтого огонька. Он был каким-то... другим. Не далеким и недостижимым магистром Искры, могущественным магом, главой ковена, а просто человеком. Понятным. Доступным. Таким, с которым можно болтать, смеяться и облизывать пальцы. И это было... странно.

— Магистр, — я в упор смотрела в его потемневшие глаза, — вы инкуб?

Он вздохнул, не отводя глаз.

— Да.

Я набрала воздуха.

— Вы использовали свои... способности на мне?

Он смотрел по-прежнему твердо.

— Я пытался, Лея. На корабле. И потом... в Мире Грез. И даже тем утром, когда пала Белая Башня.

Я коротко выдохнула, не понимая, как относиться к его словам. Райден сказал мне правду. Он не стал врать или увливать, даже оправдываться не стал. Он просто признал, что делал это.

— Зачем?

— Я искал Отражение. Ты не отреагировала на мою силу и отразила ее. И это означало...

— Означало, что Отражение вы нашли, — завершила я. — А потом? Когда Искра угасла? Потом зачем?

В его взгляде что-то изменилось, и в нем мелькнула... боль?

— Потом... потом хотел узнать...

— Что? — Я пристально смотрела в его глаза, не понимая, что хочу увидеть в них.

Но ответить маг не успел, потому что закрытая дверь начала медленно отворяться. И я лишь пискнула, когда Райден потушил свечу и потащил меня за ряд бочек. И прижался спиной к стене.

— Тихо, — прошептал он мне на ухо.

Я хотела возмутиться, но его рука закрыла мне рот, и я даже подумала впиться в нее зубами. Но тут помещение осветила лампа и мелькнули белые одежды хранительниц.

— Подайте сегодня на ужин что-то молочное, Дора, — раздался властный голос Оливии. — Кашу с маслом, и добавьте сыр. И сладости. Да, девочкам нужно больше сладостей, они теряют силы на этих ужасающих тренировках! Им надо лучше питаться!

— Конечно, вы правы, Оливия. Я напеку булочек со сладкой сметаной!

— Это будет уместно...

Я с изумлением слушала речь нашей строгой Оливии. Эта женщина беспокоится о нас? Переживает? Нет, определенно в мире все не так, как я думаю! Потому что все мои представления о людях в Хандраш становятся с ног на голову!

Отстраненная и неприступная Оливия печется о воспитанницах, а магистр Искры прячется со мной в темноте, закрывая мне рот ладонью и прижимая меня к своему телу! Мир сошел с ума. Или я!

Но пока я размышляла, хранительницы возле полок начали вести себя странно.

— Дора, вам не кажется, что здесь слишком жарко? — Оливия томно откинула волосы и расстегнула пуговички на груди. — Просто дышать нечем... Это очень вредно для... колбас!

Толстушка Дора судорожно обмахивалась куском пергамента, на котором был список продуктов.

— Вы правы, Оливия! Боги, колбасы... Вы никогда не замечали, какой они странной формы? Надо же...

Хранительницы уставились на свисающие с потолка продукты.

— Вам не кажется, что эта форма несколько... неприлична?

Пухлый пальчик Доры ткнул в удлиненную, ни в чем не повинную колбасу.

— Я бы даже сказала — развратная такая форма... Намекающая.

Дора покосилась на Оливию. Потом на колбасу. И вновь на Оливию.

— Очень откровенная форма у этой колбасы! — пробормотала она, расстегивая еще одну пуговичку на платье и потирая алеющие щеки. Глаза кухарки затянулись мечтательной дымкой, а щеки покраснелись.

Оливия же снова повела плечами, томно откидывая косы за спину, а потом нахмурилась. Обернулась, внимательно осматривая кладовую. Райден стоял неподвижно, прижимая меня к себе и закрывая мне рот рукой, хотя я уже и не думала возмущаться. Быть застуканной в темном

углу с магистром мне совсем не хотелось! Боги, да я от стыда сторю, если хранительницы нас увидят! Поэтому я едва дышала, опасаясь привлечь к нам их внимание.

Дора выдохнула и сдернула с веревки одну из колбас, повертела ее в руке и залилась краской.

— Может, сделаем их... колечками? — мучительно протянула она. — Ну смотреть ведь невозможно! Пресветлая Искра! Это что же наши девочки думали за обедом? Это же они на этот срам смотрели? И где мои глаза раньше были? И как это я не замечала?

Она сжала в кулаке многострадальный продукт, осматривая его со всех сторон и все сильнее краснея.

— Срам! Просто срам! — застонала она. — Оливия, да не молчите же вы!

— Дора, кажется, нам пора на свежий воздух! — выдохнула вторая хранительница и вновь покосилась по сторонам.

— Вы считаете? — Дора оглянулась, лихорадочно блестя глазами, и застонала в голос. — Боги! Да здесь просто бездна неприличных продуктов! Ооооо! Вы только посмотрите на эти кадушки с маринованными огурцами! — Она подцепила из рассола пупырчатый овощ. — А эти початки кукурузы?! Даже кувшины! Они просто ужасно, вопиюще безнравственны! Кошмар, какой кошмар и позор! Нет, с этим надо что-то делать! Нам решительно надо что-то с этим делать! Иначе я просто сойду с ума!

— На воздух! — вдруг рявкнула Оливия. — Живо!

— Но...

Не слушая стенания Доры, Оливия схватила хранительницу за локоть и буквально вытолкнула из кладовой. И дверь закрыла. На дорожке прошуршали торопливо удаляющиеся шаги.

— И что это было? — шепнула я, когда магистр убрал ладонь. — Что это с ними? И ничего здесь не жарко. Прохладно даже.

Я посмотрела на брошенный огурец, и вдруг меня осенило. Понимание заставило покраснеть не хуже Доры. Но все же от насмешки я не удержалась, словно что-то внутри так и подначивало съязвить.

— Магистр Райден, — я искоса посмотрела на мага, — вы не находите, что поведение хранительниц было крайне странным?

Он сердито отобрал у меня огурец и швырнул его в бочку, расплескав рассол.

— Прекрати, — буркнул Райден. — И не надо на меня так смотреть.

— Вы что, не контролируете свою силу инкуба? — напрямую спросила я, разглядывая его с интересом. Все-таки это было действительно любопытно. Если он может одним своим присутствием в помещении так влиять на женщин, то страшно подумать, что может сделать намеренно. Боги, да они были готовы раздеться прямо здесь и... Я снова покраснела.

— Хватит! — Кажется, Райден всерьез разозлился. — Я контролирую. Просто... не всегда. К тому же ты на это никак не реагируешь, и я слегка... забылся.

— И выпустили животворную инкубскую силу на полную мощность? — развеселилась я.

— Лея. — Его глаза предупреждающе блеснули. — Достаточно.

— Просто пытаюсь понять, — усмехнулась я. — Только вот похоже, Оливия догадалась о вашем присутствии рядом.

— Догадалась, — хмуро кивнул маг. — Ничего, через некоторое время влияние пройдет, и они... одумаются.

— А до той счастливой минуты будут мучиться от внезапно нахлынувших чувств и желаний, — с насмешкой протянула я. — Страшный вы человек, магистр Райден.

— Я не хотел этого, — буркнул маг и отвернулся. — Знаешь ли, мне это тоже удовольствия

не доставляет. Видеть, как умные женщины превращаются в... таких и совершают разные глупости — меня слишком давно перестало это забавлять!

— Ага! — торжествующе воскликнула я. — Значит, было время, когда все-таки забавляло!

— Я был молод и глуп!

— Как будто сейчас стары! — фыркнула я. Райден резко поднял голову, шагнул ко мне и уставился в лицо своими удивительными глазами.

— Лея, ты меня... дразнишь? — удивленно спросил он.

Я открыла рот, чтобы ответить что-то дерзкое, и... закрыла. Вот же коххр. И огр. И парочка вонючих гнилых слизней. Тухлых. Сдохших две недели назад.

Я его дразню.

Я дразню магистра, и мне это нравится!

— Ты изменилась, — задумчиво протянул он, приподнял мой подбородок кончиком пальца, заставляя смотреть ему в глаза. — Лея.

«Поцелует. — Внутри что-то оборвалось. — Сейчас точно поцелует».

Но он не целовал, внимательно глядя мне в глаза, и не двигался. Хотя я видела в его взгляде, что он хочет этого поцелуя. Мучительно, невыносимо хочет. И желание магистра я ощущала всей кожей, нутром, всей своей женской сутью.

Но он лишь прерывисто глотнул воздух и отстранился.

— Надо убираться отсюда, — севшим голосом проговорил Райден. — Кажется, здесь действительно... нечем дышать.

— А по мне так в кладовой даже зябко, — протянула я. Магистр кинул на меня быстрый взгляд и резко отвернулся. Убрал свечи, сунул мне в руки горшочек с шоколадом и подхватил свою мантию, накинув на плечи.

— Не ешь сразу все, — не глядя на меня, бросил Райден. — А то живот заболит от сладкого.

— Вы отдаете мне ваш шоколад? — не поверила я. — Весь?

— Поставь на окно, там прохладнее. — Магистр убрал все следы нашего присутствия и пошел к двери. Остановился у створки, поджидая меня, но не глядя в лицо. Я подошла и остановилась рядом.

— Спасибо.

— За что? — Маг все-таки поднял голову и посмотрел на меня. В глубине зеленых глаз мелькнуло что-то затаенное, невысказанное.

— За шоколад, — тихо сказала я, переступая порог.

Чер Лерой

Чер Лерой осторожно толкнул тяжелую дверь, придержал, чтобы не скрипнула. Но петли были смазаны, и она отворилась без звука. Магистр вздохнул с облегчением и огляделся. Судя по виду из маленького окна, что было в его комнате, он находился на первом этаже. А в свои прошлые приходы во дворец магистр уяснил, что королева обитает на самом верху, там, откуда льется багровый свет и черная сила, которой маг боялся и старался не прикасаться. Она была чужда ему, магистру Светлой Искры, противоестественно и в то же время притягательна. Словно ядовитая пыльца, черная сила оседала на коже Лероя, проникая внутрь, и шептала изнутри: «Попробуй, возьми, испытай, на что я способна... Забудь Искру, я сильнее и лучше... Я — свобода...»

Маг тряхнул головой, натягивая привычный капюшон. Удивительно, но сегодня он смог вскрыть замок благодаря давнему спору с Алларисом. С чего начался разговор, Лерой уже не помнил, но в итоге они оказались у какого-то склада, где Райден в два счета открыл огромный замок. С той же легкостью он провернул это со всеми замками, предложенными Лероем, отчего Чер лишь цокал досадливо языком. Спор он проиграл, но не обиделся, напротив, попросил друга научить...

Друга.

Лерой потер грудь, где должно располагаться сердце и где теперь постоянно что-то ныло и болело.

Друга у него больше нет. Он помнил глаза Аллариса, когда его с четырех сторон атаковали безобразные, оскаленные морды ар-нори. Тогда Райден лишь повернул голову, чтобы посмотреть в глаза Чер Лерою, и отвернулся. Больше он не взглянул на друга ни разу. Ни с обидой, ни с упреком, ни с гневом. Никак. Он просто вычеркнул Лероя из списка тех людей, на которых смотрел или к которым что-то испытывал. А Лерой хотел что-то сказать, хотя и не знал что.

Извиниться?

Магистр горько усмехнулся. Да уж, вот была бы потеха, если бы он сказал: «Прости, мой друг Алларис, но я вынужден тебя убить. Обещаю помнить и скорбеть!»

Просто ужасно!

Лерой вновь потер грудь и сосредоточился. Думать об Алларисе было тоже больно.

Откуда-то доносились звуки музыки и голоса, но далеко, приглушенно, почти не слышно. И все же маг ощущал, что в замке праздник. Много людей, разговоров, танцы и веселье. Он чувствовал оживление сквозь толстые стены и дубовые двери: Оххарон праздновал. И Лерой скрипел зубами, осознавая, что за повод у Темных. Гибель Искры и ожидающее Пятиземелье порабощение — вот что в эту ночь отмечал Темный Двор. И багровый свет лился с башни кровавой рекой — пульсирующий, яростный, словно испепеляющий огонь. От него все помещения озарялись алым заревом, будто отсветом губительного пожара.

Магистр плотнее запахнул свой серый плащ, спрятал лицо в провал широкого капюшона, пытаясь отгородиться от багрового света, но все равно ощущая его.

Стражник стоял за поворотом, и Лерой замер, раскрыл ладони. Выпускать ар-нори он опасался, их стоит приберечь в качестве главного блюда и для более важной персоны. А пока — закуска. Он слепил из воздуха тонкую трубочку, напитал ее остатками Светлой Искры и прошептал заклинание. Потом поднес к губам и извлек первую ноту. Она вышла тихой, почти

беззвучной — серебряной и воздушной, как его инструмент. Звуки Света и тихого полуночного сна, когда душа парит над миром, проникая во все его уголки, во все реальности, обзорева миры и грани эпох и времен. Неслышимая музыка сновидения, сотканная из серебра полной луны и ветра, уносящего мелодию вдаль. Вот что это было...

И когда Лерой шагнул за угол, стражники спали. Кто-то успел сесть, вернее, свалиться на пол, кто-то так и провалился в омут снов, стоя у стены. Магистр перестал играть мелодию сна и осторожно перешагнул через стража, загораживающего проход. Подобрал одно из жутких, выгнутых и зазубренных лезвий и сжал его в руке. Оружие оказалось тяжелым, даже просто держать его было непросто, а если еще и размахивать? К тому же форма была непривычной и выглядела неудобной. Но обычного меча не было, значит, стоит сказать спасибо и за это.

Вместо благодарности Лерой пнул одного стража, похрапывающего на полу, одернул свой плащ и торопливо бросился к лестнице. Ему нужно спешить, потому что второго шанса ему никто не даст. Необходимо все сделать сегодня, этой кровавой ночью. Подняться на самый верх, найти нужные ему покои, проникнуть внутрь.

Дождаться.

Отомстить...

Он так увлекся своими мечтами, что не заметил темную тень, почти слившуюся со стеной. И лишь когда фигура отделилась от гобелена и шагнула, преграждая магистру путь, Лерой остановился, с хрипом втянув воздух и вскидывая руку с зазубренным клинком. И выдохнул. Перед ним стоял Арамир. Стоял, чуть склонив голову и рассматривая мага. Виски и волосы парня покрывал иней, делая его седым, и та же стужа выбелила его глаза, заморозив взгляд. Он выглядел неживым. И самое плохое — сильным. Очень сильным: мощное молодое тело было готово отразить неумелый удар магистра и нанести ответный, ведь в руках Арамира тоже были лезвия. Только держал он их куда как ловчее и увереннее. Все-таки парень не один год провел в Сумеречной Зоне и сражаться умел.

Магистр сделал осторожный шаг назад.

— Арамир? Ты слышишь меня? Это я, магистр Чер Лерой. Ты меня помнишь?

Парень не отвечал, и маг сбросил капюшон, почти в отчаянии глядя в покрытые изморозью глаза. Что ему теперь делать? Сражаться с Арамиром? Он не мог. Просто не мог! Его душа не выдержит, если придется поднять клинок и на этого мальчика, ученика его Академии, ставшего игрушкой в руках королевы. Но что делать, если он стоит у него на пути? Что?!

— Арамир, прошу тебя, отойди, — ласково, словно с диким зверьком, проговорил магистр, пытаясь обойти застывшую фигуру. — Не мешай мне. Просто отойди... Ведь в тебе еще остался Свет? Ты ведь помнишь меня? Не забыл? Ты дашь мне... пройти?

Ширины коридора не хватало, чтобы обойти парня по широкой дуге, и маг замер, приблизившись к стене. Здесь он был наиболее уязвим. Арамир молча разворачивался вслед за движениями мага, и снежные глаза поблескивали в красном свете, льющемся в окна.

Лерой поежился.

— Арамир, дай мне пройти! — приказал он.

— Нет. — Голос парня прозвучал глухо и бесцветно. — Вы не пойдете туда, магистр.

Чер Лерой в отчаянии сжал скользкую от пота рукоять лезвия. Вот, значит, как... Не осталось Света за стужей и Тьмой, ничего не осталось...

— Вы не пойдете туда один, — уточнил Арамир, и глаза его блеснули. — Потому что вы не умеете сражаться. А вот я умею. И пойду с вами.

— Со мной? — Лерой так удивился, что едва мог говорить. — Ты пойдешь со мной?!

— Да. — Губы парня искривились в недоброй улыбке. — Не медлите, магистр. Надо успеть.

— Что успеть? — как-то удивленно переспросил маг, слегка растерявшись. Он не мог

понять, что скрывается за ледяными глазами и застывшим лицом. Вдруг это очередная ловушка?

— Уничтожить Оххарон, что же еще? — Арамир бросил быстрый взгляд на мага. — И у нас мало времени.

— Что ты задумал?

Губы парня вновь изогнулись в улыбке, хотя глаза остались ледяными.

— Я знаю, что сделали с вашей семьей, магистр, — спокойно сказал он. — Я многое знаю. Никто не обращает внимания на комнатную собачку, правда? Или на безмолвную и послушную игрушку. — Его лицо на миг исказилось и вновь стало застывшим. — И теперь я знаю, как вы сможете отомстить, а заодно уничтожить Оххарон. Навсегда.

— Как? — чуть слышно прошептал Лерой. Никто из ковена Искры не ведал, как уничтожить источник Темной силы, они даже не знали, что это был за источник. Они лишь предполагали это. И вот теперь этот мальчик говорит, что знает ответ!

— Сила Оххарона в его королеве?

— Нет. Сила в сердце. Лиария лишь направляет ее.

— В сердце? — изумился Чер Лерой. — Чьем сердце?

— Сердце того, кого вы поклялись убить. Сердце паладина Мрака, который умертвил ваших дочерей! Это его сила и ненависть питают этот черный мир, магистр! И именно его вы должны уничтожить. Надеюсь, вам хватит на это силы и умений!

— А как же королева?

— Лиарию оставьте мне. — Арамир облизнулся, как облизывается волк, предвкушая добычу. — Но я смогу разобраться с ней лишь после того, как вы уничтожите источник силы. Она слишком сильна: сердце питает ее, делая бессмертной. — Парень оглянулся, уверенно сжимая оружие. — Идите за мной, магистр. Я знаю, что делать.

Он развернулся и бесшумной тенью скользнул к стене, к проходу, который сам маг даже не заметил, так искусно он был скрыт тканями.

— Арамир, — тихо позвал он. — Почему я должен тебе верить? В твоих глазах лишь стужа...

Парень замер и медленно повернул голову.

— Потому что мне есть ради кого сражаться за мой мир, — спокойно сказал он. Перевел взгляд на потолок, словно было там что-то занимательнее черно-синего узора из ромбов и треугольников. — У меня там семья. Родители. И сестренка. Смешная такая... мелкая совсем, Полиной зовут. И я хочу, чтобы у нее было счастливое будущее. Свободное. — Глаза Арамира стали еще холоднее. — И никому не позволю ее обидеть. За это стоит сражаться, магистр?

— Еще как, — тихо ответил Чер Лерой.

Арамир кивнул и скользнул в темный проход.

* * *

Шариссар

Ночью он решил остаться на границе.

После встречи с Валанттой Шариссар не стал возвращаться в зал. Просто понял, что не может идти туда, что его злит Темный Двор, раздражает сияние люстр и камней, бесят улыбки на лживых лицах. Раньше его это не трогало, а сейчас он не мог заставить себя туда вернуться. И просто покинул дворец, наплевав на этикет и оставив своим подручным распоряжение доставить ящеров в Острог. А потом накинул плащ и пошел к арке.

Дворцовый парк сиял и переливался всеми оттенками красного, в беседках за цветущим озель-исом шепталась парочка, и голоса порой прерывались игривым смехом и томными вздохами. Шариссар ускорил шаг и лишь бросил проводнику:

— На границу. К Ледяному Пологу.

— Не соизволит ли господин дать более точную точку выхода? — слегка растерялся проводник.

— Любую! — процедил Шариссар. — Любой гарнизон. Подальше отсюда...

Старик понятливо кивнул и принялся колдовать над аркой перехода, куда со вздохом облегчения шагнул паладин.

До самого утра он объезжал укрепления, осматривал расположение войск и проверял готовность стражей. И был доволен тем, что видел. Его армия могла отразить любое нападение. Или атаковать. Его армия была почти совершенна — словно смертоносный заточенный клинок, готовый вонзиться в плоть врага.

— Скоро... — паладин откинул голову, рассматривая бегущие по розовеющему небу сизые облака, — скоро все закончится.

Пятиземелье слабеет с каждым рассветом, и скоро Совет сможет открыть коридор для целой армии. Открыть так, что не придется обрывать кровные нити стражей, и они будут полны сил и готовы завоевывать.

Паладин перевел взгляд на ряды солдат, на привычную картину, которую наблюдал всю свою жизнь. Здесь, вдали от роскошного убранства дворца, вернулось его спокойствие, и Шариссар уже почти улыбнулся, когда внутри взорвалось беспокойство. Словно огненный шар прокатился по нутру, опалая внутренности до пепла. Страх. Не его — Леи. И сразу — его. Неконтролируемый, дикий, почти безумный страх за ту, что где-то в другой реальности испугалась.

Эмоции девушки были столь сильны, что смогли пробиться сквозь толщу времени и пространства, и Шариссар почувствовал их. Ощутил и прыгнул, на лету меняя форму, не слыша того, что ему говорили, забыв то, что говорил сам. Ему было наплевать на окружающих, солдат и стражей, он забыл о своем долге и цели, гонимый лишь потребностью защитить ее, уберечь, закрыть... Лес, еще окутанный туманом, слился в одно размытое пятно, лапы почти не чувствовали земли, а из горла рвался рык.

Он остановился возле проводника, взрывая когтями глубокие борозды в сырой почве, с корнями выдирая жесткую траву.

— Арку! — рывкнул паладин, еще не успев до конца сменить форму. — Немедленно! В Хандраш!

Старик, уже кинувший камни, обернулся растерянно.

— Простите? Я не уверен, что знаю эту точку выхода... Позвольте...

Проводник вытряхнул из ритуального мешка шар и напряженно всмотрелся в карту Оххарона.

— Прошу повторить название, мой господин... Как вы сказали? Хандраш? Хм... Никогда не слышал...

Шариссар сжал ладони в кулаки, тяжело втянул воздух.

— Не надо, — глухо бросил он. — Не ищите...

И, развернувшись, пошел вдоль кромки леса к лагерю. Пешком. В человеческом облике. Сжимая кулаки так, что хрустели кости.

Чувства Элеи утихли, но эхо ее страха все еще звучало внутри, раздирая душу беспокойством.

Душу?!

Шариссар рассмеялся. Откуда у него душа? Нет ее, много лет как нет. Да и была ли? Глупости все это...

Он сел на поваленное дерево и уставился в одну точку. Перед глазами темнел обломок скалы и застывшая на камне ящерица. Треххвостая, синяя, с яркой желтой полосой на чешуйчатой шкурке. В Хандраш такие не водились.

И он больше не в Хандраш. И не может поставить туда арку, не может перейти сквозь грань миров, не может коснуться Леи. Она не просто далеко — она в другом мире, и ему, паладину Мрака, в этот мир пути нет без позволения королевы. Это Лея может проходить грань, не он. И в Хандраш он попал благодаря ей, вернулся обратно — благодаря зову Лиарии. А сам по себе Шариссар не мог покинуть пределы своего мира, это было не в его силах.

Но он совершенно забыл об этом, когда, словно одержимый, мчался к арке. Он обо всем забыл — о долге, о стражах, о цели. О самом Оххароне. Да что там, плевать ему было на этот мир, он бросил все и всех, гонимый лишь одним желанием — защитить. Ту, которую сам погубил.

Ящерица качнула всеми тремя хвостами и юркнула в щель, словно осуждая паладина.

— Да пошла ты, — пробормотал он и мотнул головой. — Мрак. До чего я докатился. Разговариваю с ящерицами. Высший паладин Оххарона. Мда.

Он поднялся, одернул плащ и пошел в сторону лагеря.

* * *

Незабудка

Незабудка сквозь ресницы наблюдала за высоким темноволосым мужчиной, которого звали Айк. Он был симпатичным, и Сиере нравилось его дурить. К тому же это оказалось довольно легко.

Своим детским сознанием Незабудка быстро сообразила, что Айк только с виду грозный, а на самом деле теряется, стоит Сиере захлопать глазами или заплакать. Она даже проделала это пару раз, чтобы убедиться, — и точно! Несколько слезинок, и Айк начинал метаться по комнате, пытаясь найти причину ее слез и успокоить малышку.

Сиеру это ужасно веселило.

Вечером пришел косматый старик в синей мантии, постоял рядом, а потом положил ладонь на лоб девочки.

— Значит, ты у нас ходящая сквозь миры... — задумчиво и непонятно протянул он.

— Я — Сиера, — поправила смешного старика девочка. Тот улыбнулся.

— Только мы твой дар крови пока приглушим, милая, перекроем ручеек, высушим... Только сны и оставим, милая... Не надо даром пользоваться, дурно будет...

— Кому дурно? — не поняла Незабудка.

— Всем, — вздохнул старик. — Всем будет дурно, если ты исчезнешь. Если наш господин разозлится, дурно будет всем. Так что злить мы его не будем, ладно?

— А ваш господин — Шарис-аррр-даррр-рей?

Старик крикнул и пугливо оглянулся. Забормотал что-то про Вездесущий Мрак, прося того смириться над несчастным магом. Потом быстро помахал руками над девочкой и убежал, подхватив полы своей длинной мантии.

— Ложись спать, Сиера. — Айк стоял у стены и хмурился, но малышка видела, что его глаза вовсе не злые, в них искрился смех. — И лучше бы тебе не называть так господина. Доиграешься.

Незабудка лишь фыркнула и улеглась, спорить не стала.

Айк потоптался, искоса посмотрел на спящую девочку, прикрыл ее меховым покрывалом и ушел. Выждав положенное время, Незабудка сползла с постели и прокралась к двери. Приложила ухо, но за створкой было тихо. Она потянула ручку и хмыкнула: как девочка и ожидала, дверь оказалась заперта. Но она и не собиралась выходить через нее. Сиера давно заметила другую — ту, в которую входил дарей-ран Шариссар Даметхар. Конечно, она запомнила его имя. Сиера вообще очень хорошо все запоминала, просто не считала нужным говорить об этом взрослым.

Она постояла у той, другой, потайной двери, раздумывая. А потом нажала на выступы так, как это делал Шариссар. И хихикнула, когда створка бесшумно открылась. Взрослые такие смешные, считают, что маленькая девочка ничего не видит, если лежит с закрытыми глазами. Вот Лея всегда точно знает, спит Незабудка или лишь притворяется. Обмануть сестру Сиере никогда не удавалось. А с этими мрачными и огромными мужчинами это выходило проще простого.

Девочка снова хихикнула, натянула свою курточку и шапку, сунула ноги в ботинки. И тихо прокралась в смежную комнату.

Шариссара в ней не было, и Сиера вздохнула свободнее. Все-таки его она опасалась. Немного. Он иногда так смотрел, что Незабудка хотела залезть под кровать.

Она быстро сложила пальцы и вознесла молитву Пресветлой Искре.

— Пусть Шариссар меня не найдет, а Лея придет поскорее! — шепотом попросила она. В том, что сестра придет за ней, Незабудка даже не сомневалась.

Из этой комнаты она выскользнула в коридор и тихо-тихо, по стеночке, добралась до лестницы. Несколько раз девочка слышала голоса и замирала, прячась за гобеленами, вазами или мебелью. Так, пригибаясь и таясь, она выбралась из замка и завертела головой, осматриваясь. В небе покачивался огромный сиреневый цветок, и Сиера открыла рот, засмотревшись на него. От лепестков шло сияние, и в этом свете двор блестел от инея.

— Ух ты, — пробормотала Незабудка.

Но засматриваться было некогда, и она поползла к решетке, накрывающей яму. Из ее окна на втором этаже Незабудке было видно, как грузный мужчина сдвигает рычаг и решетка отъезжает в сторону. Сиера подкралась к яме, осторожно заглянула вниз.

— Эй, Ло, ты там? Ло? — прошептала она.

— Ба, неужели это маленькая госпожа? — отозвался снизу бородач. — Тебя еще не съели обезумевшие?

— Не-а, — хихикнула Сиера. Она быстро осмотрелась, но стражей видно не было. Эта яма была почти у стены, в углу, и сюда редко заглядывали. Незабудка навалилась всем телом на рычаг, изо всех сил уперлась ногами в землю, сдвигая решетку. Та поддалась со скрипом.

— Вылезайте, — прошептала она, свесившись в черное нутро ямы.

— Так загвоздочка, — цыкнул Ло. Незабудка видела его бородастое лицо. — Стеночки гладкие. Не удержаться.

Незабудка чуть не заплакала от расстройства. Ну, конечно, стены! Какая она глупая! Как же они вылезут? Они ведь не мухи, чтобы по стенам ползать!

— Я поищу веревку, — пискнула она и уже хотела кинуться к замку, но снизу раздалось шипение:

— Отойди-шшш...

Ло отпрыгнул в сторону, и Незабудка ахнула. Беловолосый парень, тот самый, с чешуей на шее, прижался к стене и споро, словно ящерица, пополз вверх.

— Ух ты! Ящер проснулся.

Беловолосый вылез из круглой дыры в земле, вскочил, отряхнувшись, и метнулся к стене.

— Ты куда? — изумилась Незабудка. — А им помочь?

— Не мое... шшшш... дело...

— Так нечестно! — Девочка топнула ногой. — Или помощи им, или... или я заору на весь замок!

Беловолосый сверкнул глазами, принялся. Его ноздри раздувались, а голова поворачивалась рывками, действительно напоминая ящерицу.

— Стражи-шшшш, — прошипел он. И резко нажал на рычаг, возвращая решетку на место, дернул Незабудку за руку и легко запрыгнул на стену. И зажал девочке рот, чтобы она не пищала. — Тишшшш...

Они растянулись на каменной кладке, наблюдая, как внизу проходят стражи. Оххаронцы бросили безразличный взгляд на яму и скрылись за углом здания.

— Повезло-шшшш...

— Ты вытащишь Ро и Ло? — Сиера не удержалась и потрогала красную чешуйку на шее парня. Тот зашипел недовольно, но кивнул и спрыгнул вниз.

Решетка снова была отодвинута, и беловолосый сполз вниз. И через несколько минут вытащил на спине бородатого воина.

— И чего я ящером не родился? — буркнул Ло.

— Рожшшшей не вышшел, — хмыкнул беловолосый.

Воин открыл рот.

— Эй, это ты сейчас пошутил, что ли?

Ящер покачал головой и полез за вторым воином. Когда оба брата оказались наверху, беловолосый закинул голову, рассматривая небо.

— Сеть там, — непонятно пробубнил Ло.

— Разрыв... Вижжушшшу...

Ящер вновь блеснул глазами, повернулся к Незабудке и протянул ей руку:

— Полетишшшь со мной?

Сиера оглянулась на стены замка. Пойти с ним? С этим странным парнем с чешуей? Но одно слово заворожило ее так, что она округлила глаза и подпрыгнула от нетерпения. «Полетишь»! Этот беловолосый ящер сказал «полетишь»! Но как?

Не объясняя, он закинул девочку себе на спину, разбежался и прыгнул, а Сиера взвизгнула, потому что прямо в прыжке у парня распахнулись кожистые крылья, а его тело удлинилось, покрываясь чешуей и обращаясь. Остатки одежды полетели на землю, которая вдруг стремительно завертелась, удаляясь, и Незабудка вцепилась в твердый гребень, что был на теле этого существа.

Ящер, крылатый ящер — вот кто это был! Она увидела сверху, что Ло и Ро лезут на стену, а ящер взмывал все выше и выше, кажется, к самому сиреневому цветку, покачивающемуся в черном бархате неба! И уже не в силах сдержаться, Незабудка рассмеялась, потому что это было самое чудесное, что когда-нибудь с ней случилось!

Вплоть до того момента, как кто-то огромный и черный не прыгнул с крепостной стены, сбивая полет ящера. Тот зашипел, кожистые крылья свернулись, и они стремительно понеслись к земле, вдоль каменной кладки.

— Поднимайся! — закричала Незабудка. Она завертела головой, пытаясь найти того жуткого зверя, что сбил их. Ее шапочка слетела с головы и кудряшки растрепались, мешая смотреть. Так что она не заметила, как черная тень снова напала на них. Этот зверь двигался столь стремительно, что Сиера почти не видела его, словно это был сам ужасающий Мрак! Она закричала, когда ящер ударился об землю и прорыл в ней траншею своим телом. Его крылья

сложились, и ей показалось, что хрустнули. Сама Незабудка свалилась с чешуйчатого тела и отлетела в сторону.

— Улетай! — пискнула она, глядя, как ящер пытается подняться. — Улетай!

Но беловолосый лишь скреб крыльями по земле, потому что его придавливало ногой черное чудовище. И Сиера зажала рот ладонью, увидев наконец этого монстра. Взвизгнув от ужаса и зажмурившись, она кинулась на это жуткое создание Мрака.

— Не трогай, не трогай его!!! — Незабудка колотила чудовище, пытаясь отвлечь его от ящера. — Не трогай!

— Необоснованная и глупая смелость — это ваша семейная черта? — рявкнуло чудовище. Сиера приоткрыла один глаз и пискнула. Шариссар приподнял ее за шкуру, рассматривая с брезгливым недоумением.

— А где чудовище? — хлопнула глазами Незабудка. Дарейран поднял ее выше, так что глаза девочки оказались на одном уровне с его — красными.

— А где тебе необходимо быть в это время, Сиера? — яростно спросил он. Обернулся на приподнявшегося ящера и рявкнул: — Лежать!

Парень замер, напряженно глядя на Шариссара. Его глаза стали совсем белыми, светящимися, и он прижимал к груди сломанное крыло. Он изменил форму лишь частично, и сейчас у него вместо рук были крылья. А белое обнаженное тело покрывала красная чешуя. А вот голова стала человеческой, и лицо искажала гримаса ненависти.

Шариссар окинул его взглядом:

— Долеталась, птичка?

К ним уже бежали стражи, и Незабудка всхлипнула. Она ведь хотела как лучше! Хотела помочь! А вместо этого беловолосый ранен, а этот жуткий Шариссар смотрит на нее так, словно готов убить! А он ведь обещал забрать щенят, если она провинится...

Сиера шмыгнула носом, и мужчина встряхнул ее.

— Не смей реветь! — прорычал он. — Сама виновата, так нечего тут сырость разводить!

Он опустил ее на землю и схватил за руку. Кивнул подбежавшим стражам на ящера:

— Заберите его. — Сиера издала жалобный писк. — Не в яму. Заприте где-нибудь. Идем, Сиера.

Он дернул девочку за руку и потащил, не обращая внимания на ее сопротивление.

— Ненавижу тебя! — выкрикнула Незабудка, упираясь ногами в землю, так что Шариссар почти волоком тянул ее. — Ненавижу! Слышишь? Ты плохой, ты злой! Лея придет и убьет тебя! У Леи есть черный зверь, он самый сильный, он оторвет тебе голову, понял?

Шариссар издал короткое рычание и встряхнул девочку.

— Немедленно. Закрой. Свой рот. — Его глаза пылали красными углями, и это было страшно. Незабудка скривилась, изо всех сил стараясь не расплакаться.

— Я тебя не боюсь! — закричала она. — Понял?

Шариссар снова потащил ее к замку, стражи расступились, пропуская паладина и вопящую Сиеру. Не выдержав, Темный тряхнул ее.

— Если ты не замолчишь, я тебя снова в яму брошу.

— Ну и пусть! Я все равно сбегу! Понял?

— У тебя страх совсем отсутствует? — рявкнул мужчина. — Или разум? Ты понимаешь, что я тебе говорю? Рот закрой!

Незабудка шмыгнула носом. Стерла рукавом предательскую влагу, низко опустив голову и едва переставляя ноги. И снова шмыгнула. Слезы все-таки покатались из ее глаз, и она сердито стирала их рукавом, не желая, чтобы этот ужасный дарей-ран их заметил. И не поняла, почему он остановился и присел перед ней на корточки. Она стояла, низко опустив голову и шмыгая

носом, потому что ей было ужасно жаль того ящера и его крылья, а еще немножко — себя.

— Думаешь, если начнешь реветь, тебя не накажут? — мрачно спросил Шариссар. Незабудка покачала головой, не поднимая взгляда. Что-то прошипев сквозь зубы, мужчина поднялся, сверху вниз разглядывая худенькую девочку. Потом сжал зубы и отвернулся. — Иди в свою комнату, Сиера, — сухо бросил он. — Немедленно. Аик тебя проводит.

Взъерошенный и злой Аик дернул Незабудку за руку, но, увидев взгляд паладина, сжал ладонь девочки осторожнее и повел ее к замку.

Шариссар поднялся в покои, когда малышка уже уснула.

— Не понимаю, как она смогла сбежать, мой господин! — негромко проговорил Аик, когда паладин вошел. — Да еще и выпустить пленников! Это просто невысказано! — Он сглотнул, глядя на молчащего господина, и торопливо добавил: — Моя вина, господин! Не уследил. Полностью осознаю, готов понести наказание!

— Иди спать, Аик, — негромко ответил паладин, и оруженосец моргнул, посчитав, что ему послышалось.

— Простите?

— Иди. — Паладин кивнул на дверь. Снова моргнув, Аик шагнул, но остановился и обернулся:

— Мой господин. Это моя вина, что девочка сбежала и подняла решетку ямы. Я полностью осознаю... и готов...

— Аик, — Шариссар поднял бровь, — я уже все это слышал. Ты свободен.

Оруженосец набрал побольше воздуха и шагнул, загоразживая собой кровать.

— Не наказывайте девочку, мой господин, — тихо сказал он. — Она совсем маленькая. Она не понимает...

Шариссар хмыкнул.

— Боюсь, это создание понимает гораздо больше, чем нам кажется. — Он покачал головой. — Иди, Аик. Ничего с ней не случится. Хотя меня удивляет твоё желание её защитить.

Оруженосец медленно кивнул и, приложив ладонь к груди, ушел.

Шариссар

Шариссар застыл, рассматривая спящую Незабудку. Ее ресницы все еще были мокрыми, личико перепачканным. Но во сне она казалась совсем крошкой, темные кудряшки падали на щеки. Наверное, Лея в детстве была такой же... Не задумываясь, Шариссар убрал их с лица, снял с Незабудки ботинки и накрыл девочку меховым покрывалом. Замер, нахмурившись. И понял, что ресницы у девчонки дрожат, словно силясь не распахнуться.

— Можешь не притворяться, — хмуро бросил Шариссар. — Я знаю, что ты не спишь.

Ресницы дрогнули, и на паладина уставились зеленые глаза.

— А как ты узнал? — совершенно по-детски спросила девочка.

— Почему я должен тебе рассказывать? — Шариссар сел в кресло, закинул ногу на ногу. — Ты расстроила меня, Сиера.

Незабудка, которая уже села на кровати, мигом свалилась обратно и покрывало натянула. И даже засопела.

— Это ты сейчас делаешь вид, что срочно уснула? — глазам своим не поверил паладин.

С кровати донеслось громкое сопение.

— А кто-то здесь утверждал, что уже взрослый, — протянул паладин. Странно, но злиться на девочку не получалось, хотя он старался.

— Я еще маленькая, — с готовностью отозвалась Сиера. Завозилась под меховым покрывалом.

— Ну да.

— И маленьких бить нельзя! — Из-под меха осторожно высунулся нос.

— А я не буду тебя бить, — лениво бросил Шариссар. — Посажу в яму на пару дней. Одну.

— Там холодно. — Теперь из мехового кокона блестел и зеленый глаз.

— Холодно, — согласился паладин, ощущая себя на редкость глупо. Он ведет беседу с шестилетней проказницей?! Хотя с ящерицей он уже общался, теперь вот — с ребенком. Скорость его падения увеличивается с каждым днем.

Паладин хмыкнул и щелкнул замком шкафа, достал с полки бутылку с янтарным напитком, отхлебнул прямо из горлышка.

— Я тоже пить хочу, — донеслось с кровати.

— На столике возле кровати стоит кувшин с водой.

— Я хочу то, что у тебя.

— То, что у меня, тебе нельзя.

— Ух ты! — Незабудка откинула покрывало и вновь села на кровати, блестя от любопытства глазенками. — А почему?

— Кажется, слово «нельзя» оказывает на тебя какое-то магическое действие, — буркнул Шариссар и сделал еще глоток вина. Прикрыл глаза.

— А я знаю, что у тебя! — торжественно огласила Сиера. — Это вино! Значит, ты вонючий потный пьянчужка, и чтоб тебя коты во сне обгадили!

Шариссар поперхнулся и закашлял, из его глаз брызнули слезы, и он согнулся, пытаясь отдышаться.

— Что ты сказала?! — прохрипел он.

— Так Лея говорила, — задумалась Сиера. — Правда, просила не повторять. К нам как-то

залез на чердак один мужчина, от него пахло вот этим вином, прямо как от тебя сейчас. И тогда Лея это и сказала.

— Да ладно?! — Кашель все еще душил, и паладин стер ладонью выступившую на глазах влагу.

— Да! И еще сказала, что отрежет его причиндалы и засунет ему в пасть, если этот мужлан к ней еще раз прикоснется. Только я не знаю, что такое причиндалы. А ты?

— Эээ...

— Тоже не знаешь? — пылливо протянула Сиера. — Странно. У кого ни спрошу, никто не знает. Все говорят «эээ» и делают такое вот лицо!

— А он пытался прикоснуться?

— Ну да. Орал, что она грязная полукровка и должна быть счастлива, что он на нее запал.

Шариссар посмотрел на бутыль. С силой вогнал кусочек дерева в горлышко, поставил на место и захлопнул шкаф. Поворачиваться к девочке не стал, отошел к окну, втягивая воздух.

— И часто такое происходило?

— Бывало. — Незабудка за его спиной пожала плечами. — Но Лея знаешь какая? Она никого не боится!

Бывало. Шариссар сжал кулаки, ощущая желание найти того мужлана и... Глупое желание. Он причинил Лее гораздо больше боли, чем тот неизвестный пьянчужка.

Пока он стоял в задумчивости, за его спиной стало подозрительно тихо, паладин даже подумал, что Сиера ненароком уснула. Но нет. Сидела, уткнувшись взглядом в свои ладошки. Грязные, кстати.

— Что на этот раз? — нахмурился Шариссар. Девочка не ответила, и он подошел ближе, присел на кровать. — Мне кажется, или ты собралась реветь?

— Нет, — буркнула Незабудка, продолжая разглядывать свои руки. Паладин нахмурился. Он катастрофически не понимал, что происходит в голове у этого создания. Девочка настолько выбивалась из его привычного мира, что общение с ней казалось затруднительным. И в то же время... оно успокаивало боль внутри паладина. Странно, но рядом с Незабудкой ему становилось легче.

Девочка свернулась в калачик, уставилась взглядом в стену. Шариссар посмотрел на маленькую фигурку, совершенно теряющуюся в огромной кровати, и помрачнел еще больше. И что ему с ней теперь делать?

Тоненькие плечики слегка дрогнули.

— Проклятый Мрак! — прошипел паладин. Незабудка затихла, но не повернулась. Шариссар окинул ее взглядом, ощущая странную растерянность. Неуверенно протянул руку, чтобы погладить острые, торчащие под рубашкой лопатки, и отдернул ладонь, не коснувшись.

Зато отчетливо услышал, как девочка хлюпнула носом.

— Ну и чего ты реवेशь? — мрачно спросил он.

Незабудка не отвечала, продолжая тихонько всхлипывать и сопеть. Паладин тяжело вздохнул.

— Ты расскажешь мне, почему плачешь? Ну же, Незабудка, расскажи мне.

— Не называй... меня так... — со всхлипами выдавала девочка.

— Ну, ты же коверкаешь мое имя, — пожал плечами Шариссар. — Так и я буду называть тебя как захочу. Может, злюкой? Что, нет? Тогда плаксой?

— Я не плакса!

— Разве? Хм. Я вижу плаксу. Которая ревет просто так, как... плакса!

— Не просто так!

Паладин поднял бровь, изображая внимание. Сиера вновь села и уставилась на него, на

темных ресницах дрожали слезы.

— Там был зверь-страшный-волк, — шепотом призналась Незабудка. — За стеной! Тот самый! Он такой ужасный... он пришел за моими щенками!

Шариссар внимательно посмотрел на потолок, надеясь, что Милосердный Мрак подарит ему терпения.

— Сиера, может, тебе показалось? — с надеждой спросил он. — Волки не умеют лазать по стенам. Это я тебе гарантирую.

— Нет. — Девочка замотала головой так, что разлетелись темные кудряшки. — Он точно был! Я его видела! А еще у него есть крылья. И у него... глаза светились! И клыки были все в крови... А еще головы... их было две! И три хвоста! А лапы... Лапы, как у коххра, все волосатые и кривые! И еще от него воняло! На всю округу несло, я чуть не умерла от вони!

— Мда, красавец, — пробормотал Шариссар. — Головы точно было две?

— Или три! Да, три!

Почти успокоившаяся девочка вдруг снова скривилась, и из глаз ее вновь покатались слезы.

— Да что ж такое! — с досадой буркнул паладин.

Незабудка хлюпнула носом и вдруг уткнулась лицом ему в бок. Шариссар замер. Он даже почти дышать перестал, с недоумением рассматривая прислонившуюся к нему маленькую девочку и подрагивающую от плача худенькую спинку. Поднял ладонь и очень медленно прижал Сиеру к себе.

— Ты его прогнал, да? — не поднимая головы, прошептала Незабудка. — Волка.

— Да. Прогнал. — Шариссар осторожно погладил дрожащие плечики, недоумевая и прислушиваясь к тем чувствам, что она будила в нем. Что это? Странное, щемящее, незнакомое? Неизведанное, но сильное, вызывающее ком в горле? Как это называется?

Она вся была такая маленькая и худенькая, что стало как-то не по себе. Он слишком давно не видел детей.

— Не бойся. Я его прогнал, и он не тронет твоих щенков. И... тебя тоже. Не тронет.

— Правда?

— Да.

— Ты клянешься?

— А надо?

— Да. Надо дать страшную клятву. На сердце. Так Ло сказал.

— Это тот равнинник, которого ты выпустила из ямы? — Шариссар вновь посмотрел в потолок.

Сиера торопливо хлюпнула носом, понимая, что разговор зашел куда-то не туда и напоминать о событиях ночи не стоило. И надо как-то это исправлять.

— Я хочу к Лее, — чуть слышно всхлипнула Незабудка. — Я скучаю.

Шариссар хмыкнул. И чуть не добавил «Я тоже».

— Ты меня отпустишь домой?

Паладин промолчал. С кровати донеслось тихое поскуливание. Незабудка подняла заплаканное и покрасневшее личико и ударила его кулаком.

— Я хочу к Лее, понял!

Она вскочила и метнулась в сторону, забилась под кровать, занавесившись покрывалом. И тихо всхлипывала там, бормоча что-то сердитое себе под нос. Паладин снова посмотрел на потолок. Но Великий Мрак сегодня повернулся к нему ликом равнодушия или каким-то другим местом и никак не помогал Шариссару.

Мрачно посмотрев на кровать, Шариссар поднялся.

— Я велю принести тебе ягоды с медом, хочешь?

Из-под кровати не донеслось ни звука.

— И пришло Айка, чтобы посидел с тобой. Если чего-нибудь захочешь — скажешь ему. Ты меня поняла?

Тишина.

— Сиера, ты поняла меня?

Ни звука.

Шариссар почувствовал огромное желание перевернуть эту кровать, вытащить за ногу упрямую девчонку и... что? Вот что он с ней сделает? Она всего лишь ребенок. Испуганная девочка, которая не понимает, что происходит.

— В Бездну все, — пробормотал Шариссар, разворачиваясь к двери.

Из-под кровати вновь раздалось тихое поскуливание, и, выругавшись, паладин в два шага пересек комнату и дернул это проклятое покрывало.

— Ой, — сказала Незабудка.

— Твою ж... — отозвался Шариссар.

Все пятеро щенков были здесь, устроенные на меховой подушке и закутанные в шелк простыней. Их морды излучали сытость и довольство, а крылышки подрагивали во сне, как и толстые лапы. Здесь же стояла миска густой сметаны, в которой девочка успела вымазать и щенков, и себя. И пищали они, а вовсе не хитрая девчонка!

— Сиера, — угрожающе прошипел паладин.

— Им холодно на улице! — завопила Незабудка, пряча подушку с щенками себе за спину. — Они же маленькие! И замерзнут там!

— Они звери! — зарычал паладин. — И должны жить на улице!

Он дернул Незабудку за ногу, пытаясь вытащить из-под кровати и ощущая желание как следует всыпать ей хворостиной по мягкому месту. Щенки проснулись окончательно и заскулили, Незабудка завизжала, вцепившись в ножку кровати, а паладин внезапно испытал желание расхохотаться. Если бы кто-нибудь сказал ему, чем он будет заниматься этой ночью, — не поверил бы!

Он плюнул на попытку вытащить упирающуюся девчонку, поднялся и откинул с кровати покрывало. Так и есть. Весь тюфяк покрывали следы молока, сметаны, шерсти и еще чего-то желтого и неприятного.

— Таак, — угрожающе протянул Шариссар, окидывая взглядом комнату. Под кроватью затихли все. И девочка, и щенки словно почувствовали надвигающуюся угрозу. — С меня хватит! Ты! Выпустила из ямы пленных! Притащила в комнату зверей! Развела тут свинарник! У солдат и то чище! Будешь наказана, Незабудка, мне надоело с тобой возиться!

Он посмотрел на кровать, из-под которой не донеслось ни звука.

— Живо вылезай! — рывкнул Шариссар.

В темноте показалось испуганное личико с растрепанными кудряшками.

— Я все уберу! — пискнула Незабудка.

— Даже не сомневаюсь, — нахмурился Шариссар. — Завтра. А сейчас ты залезешь в пузырь и хорошенько отмоешься!

— Куда залезу?

Паладин вновь посмотрел на потолок.

— Иди за мной.

В следующие полчаса он стоял под дверью собственной купальни и прислушивался к напевающей Незабудке. Она голосила что-то глупое про солнышко и тучки, а паладин сидел под дверью, надеясь, что она не утонет в пузыре. Хотя воды там было немного, ему ниже колена. Горячей и пахнувшей травами. Когда Незабудка выползла, раскрасневшаяся и закутанная в

чистую рубашку, слишком большую для нее, Шариссар указал на кровать:

— Спать. Живо.

Сопротивляться та не стала, зевнула во весь рот и заползла на постель, закуталась в мех. И уснула уже через минуту, по-настоящему, приоткрыв розовый ротик и тихо посапывая.

— Докатился, — мрачно пробормотал паладин. Но на душе было спокойно. Он осторожно лег с другой стороны, думая, что вновь не сможет уснуть, но мирное сопение ребенка убаюкивало и как-то умиротворяло. И паладин не заметил, как провалился в сон.

* * *

Лиария

Картина в мутном зеркале была тусклой, почти бесцветной. Звука тоже, конечно, не было, стекло пространства могло лишь запечатлеть образы и события, произошедшие где-то на территории Оххарона. И то если королева сильно пожелает. Захочет.

Она хотела.

Уже в который раз Лиария желала увидеть лишь одного человека. Наверное, Шариссар знал, что она наблюдает за ним, поэтому потребовал полную передачу Колючего Острога и сопредельных земель в собственность. Потребовал давно, а она... позволила. Не могла не позволить. Но теперь это значило, что Острог не являлся частью Оххарона и увидеть его территории королева не могла, как ни старалась. Шариссар оградил себя от темнейшей, отгородился неприступной стеной, непреодолимым барьером, о который разбивалась ее темная суть.

Королева вновь бросила взгляд в зеркало. Все, что произошло между паладином и Валанттой, она уже знала. И риара успела пожалеть, что подошла к дарей-рану. Но Валантта Лиарию не злила. Почти. Она видела, что Шариссар к той равнодушен. В его глазах не было ни доли интереса к красивой девушке, лишь бездушное плотское желание. И даже оно — не сильное. Паладину было скучно. Его мысли были о чем-то другом. И королева хотела бы верить, что помыслы главнокомандующего принадлежат Оххарону, но она знала, что это не так.

В мареве стекла плыло его лицо: опущенные темные ресницы, скрывающие синеву глаз, резкая линия скул и подбородка. Губы, чуть изогнутые в улыбке. О чем думал Шариссар, когда ТАК улыбался?

Вернее, о ком?

И на этот вопрос Лиария точно знала ответ. В его мыслях была та, что отмечена меткой зверя. Дарей-ран сказал, что это ошибка. Но об ошибке не грезят с такой улыбкой — одновременно мучительной и счастливой, не вспоминают так, что прерывается дыхание, не покидают королевский дворец посреди празднества, стремясь уйти подальше от роскошного приема.

И ошибка не заставила бы огненное сердце на башне биться болезненно и сильно, а черную силу — светлеть.

Лиария швырнула в зеркало кусок гранита, но тот лишь утонул в стекле, упав в белое марево. В комнате было пусто, и впервые за долгие годы королева не желала никого видеть. Ни верных советников, ни любовников, ни даже своего раба со снежными глазами.

Она перенеслась на башню и встала на бортике, неотрывно глядя на сердце Оххарона. Как она радовалась, впервые прикоснувшись к его силе. С каким трепетом оплетала сетью кровных нитей, надеясь удержать и завладеть.

Но ничего не вышло.

Сердце билось, повинаясь ее воле, но не для нее. Ни одного раза, ни одной пульсации, ни одного выброса Тьмы не произошло для Лиарии. Все это она вырвала, забрала, украла. Она заставляла это сердце стучать, и оно, словно насмехаясь, билось в паутине чужих жизней, норовя остановиться. Она вновь заставляла, и сердце пульсировало, жило какой-то своей жизнью, отдельной от жизни той, что держала его на ладони.

Она смогла завладеть сердцем Шариссара, но оно обжигало руки и не принадлежало ей.

Босые ноги королевы замерли у края бурлящей черной крови. Тьма бесновалась и... светлела.словно в непроглядной темной ночи загорались огоньки света. Это значило, что чистая, безупречная и совершенная ненависть Шариссара перестала быть таковой.

Это означало...

Продолжать Лиария не хотела. Даже мысленно.

Она закрыла глаза и постояла, раскачиваясь на краю. И понимая, что ей — самой могущественной женщине Оххарона — в эту минуту не с кем поговорить. Она хотела призвать Арамира, но передумала. И повернула голову в сторону восточной башни.

Подумала.

Там ее не ждали. И визиту не обрадуются.

Лиария вздернула подбородок.

— Я королева. Я не спрашиваю разрешения!

* * *

Да, ей не обрадовались. Сейна посмотрела хмуро, опуская вышивку. На темном полотне блестел золотой дракон.

— Не понимаю твоего пристрастия к этим рисункам, — пренебрежительно бросила королева, окидывая взглядом покои сестры. — Разве ты не знаешь, глупышка, что драконов не существует?

— На земле существует многое из того, о чем ты не имеешь понятия, — бросила Сейна, поднимаясь из глубокого кресла.

— Ах, ты снова о любви, дорогая сестричка, — картинно поморщилась Лиария, отодвигая носком бархатной синей туфельки упавшую вышивку.

— Нет, не о любви. — Сейна подобрала полотно и, осторожно свернув, убрала в шкапулку. — О ней ты и так знаешь. Правда, в твоём понимании любовь — это присвоение и обладание, сестра.

— О чем это ты?

Тон остался насмешливым, хотя глаза почернели.

— Брось. Кажется, порой ты забываешь, что мы сестры. Близнецы. — Сейна обернулась, бросив на королеву спокойный взгляд. — И убери свои иллюзии, роскошными нарядами можешь покорять Темный Двор. Я всегда вижу тебя настоящей, Лиария. Ты ведь поэтому пришла ко мне сегодня? Не так ли?

Две женщины смотрели друг на друга через пространство разделяющей их комнаты, два взгляда схлестнулись и сцепились, не уступая друг другу. И впервые за долгое время Лиария первой отвела взгляд. Как в детстве. Сейна всегда была старшей, несмотря на то что разница в их рождении составила лишь пятнадцать ударов хронометра.

Лиария отвернулась, и волны бирюзового платья, как волнами безбрежного моря растекавшиеся по комнате, потемнели и осыпались пеплом. Синие лазуриты, усыпающие

королеву, растаяли, словно капли воды на жарком солнце, а россыпь жемчуга в волосах и на шее развеялась серой дымкой.

Лиария была в черном, и на ее руках и босых ступнях засохла кровь из чаши на башне. Сейна окинула сестру взглядом, но ни осуждения, ни насмешки в ее лице не возникло.

— Зачем ты пришла ко мне, Лиария? Я вижу, что твои мысли черны.

— Они всегда черны. — Лиария вскинула голову, взметнув белые волосы. — Темнота — моя суть.

— Когда-то Тьму называли милосердной и оберегающей, — задумчиво протянула Сейна. — Ее величали защитницей, отрадой и успокоением. Тьма была дана нам как сила, а мы обернули ее злом. Наш источник — ненависть, а правительницу за глаза называют жестокой ведьмой. — Сейна качнула головой. — Разве этому нас учили родители, Ли? Разве этому?

— Не смей осуждать меня! — закричала королева. — Не смей! Иначе...

— Иначе что? — устало вздохнула ее сестра-близнец. — Ты отберешь все, что мне дорого и любимо мною? Это? Так ты уже сделала это, Лиария, и давно. А знаешь почему?

— Потому что ты была слабой!

— Потому что слабой была ты, — перебила ее Сейна. — Потому что не смогла смириться с тем, что у меня была счастливая любовь, а у тебя — нет. Взаимная любовь. Мой избранник пронес наши чувства сквозь долгие годы, от разлуки и потерь наша любовь лишь окрепла и стала сильнее, а тот, кого желала ты...

— Не говори о нем! — Стекла и зеркала треснули и осыпались на пол крошкой, но Сейна лишь пожала плечами.

— Что ты наделала, Ли? Что же ты наделала! Нельзя заставить полюбить. Когда же ты уже это поймешь? Любить — не значит обладать. Это значит — отпустить...

— Никогда!!!

Острые осколки взметнулись в воздух, и все, как один, устремились к Сейне. И лишь в самый последний миг остановились — тысячи граней, застывших у хрупкой женской фигуры.

Лиария рассмеялась.

— Отпускают слабаки. Сильные — получают то, что желают. Я сильна. Я самая могущественная женщина в Оххароне!

Сейна покачала головой и промолчала. Лиария топнула ногой и, обернувшись летучей мышью, вылетела в окно. Осколки осыпались на деревянный пол с тихим звоном.

— Мне жаль тебя, сестра, — тихо сказала в пустоту Сейна.

Незабудка

Вот уже час Незабудка скулила, сопела и пыхтела, но сделать ничего не могла. Про себя она ругала дарей-рана всеми запрещенными словечками, что слышала от сестры и которые ей строго-настрого запретили повторять. Но где-то в глубине души понимала, что заслужила наказание.

Ее разбудил Шариссар и приказал умываться и одеваться. И все это быстро, а главное — молча. Потом ее покормили, и дарей-ран кивнул:

— Идем, Сиера.

Она помялась с ноги на ногу и вздохнула. Посмотрела снизу вверх на высокого мужчину.

— В яму, да? — прошептала Незабудка. Уголки мужских губ чуть дрогнули, но глаза остались суровыми.

— Думаю, яма для тебя недостаточное наказание, — произнес Шариссар, отворачиваясь и направляясь к двери.

Незабудка плелась за ним как могла медленно. Почти ползла улиткой, цепляясь носками ботинок за каждую половицу и представляя все те ужасы, что ждут ее впереди. Самое странное, что и паладин не торопился и даже не подгонял ее. Но лучше бы подгонял, потому что пока они шли через длинный коридор, большой зал, поднимались по узкой лестнице и снова шли, девочка успела пять раз вспотеть от тех кошмарных картин, что рисовало ее живое воображение. То ей представлялось, что впереди не просто яма, а наполненная склизкими змеями, которых Сиера втайне боялась. А еще гаже — крысами! Или нет, крысами-великанами! Теми самими, двухголовыми и огромными, словно собаки! У них светящиеся желтые глаза и длинные, словно ножи, зубы! И они будут откусывать от Сиеры по кусочку, пока от нее совсем ничего не останется!

Одно утешало, что ее драгоценных щенков дарей-ран не отдал волку, они по-прежнему обитали в чулане на первом этаже, где их кормил Айк.

Но собственная участь так печалила и страшила девочку, что когда Шариссар остановился у двери, Незабудка была уже на грани. Самое страшное, что всю дорогу мужчина с ней не разговаривал и не озвучивал, что именно ждет проказницу. Делал вид, что и не слышит девочку, позволяя Сиере придумывать все новые ужасы.

И когда на самом верху башни перед ними открылась со скрипом дверь, Незабудка завизжала, не сумев удержаться.

— Только не крысы, только не крысы!!! — вопила она. — Пожалуйста, только не крысы!

Шариссар что-то прошипел сквозь зубы и присел перед Сиерой.

— Прекрати голосить, нет там никаких крыс!

— А змей? — не поверила Незабудка. Шариссар покачал головой:

— Ни одной.

— А... кто есть?

— Тот, кто научит тебя хоть чему-нибудь полезному. Кажется, твою неумную живость пора направить в правильное русло.

— Куда направить? — растерялась Сиера, осторожно заглядывая в комнату. Но ничего особо страшного там не было — обычное круглое помещение, небольшое, с красивыми желтыми занавесками на окне, столом и белой стеной, у которой находилась долговязая и сутулая фигура.

И все бы ничего, но силуэт длинноносого и темноглазого старика висел в воздухе, не касаясь пола. При их появлении старик склонился в поклоне и проскрежетал:

— Рад вновь видеть вас, мой господин.

Сиера на всякий случай спряталась за Шариссара. Так было как-то надежнее. И с опаской выглянула из-за него.

— Кто это? — громким шепотом осведомилась она.

Паладин повернул голову и посмотрел на прижавшуюся к его боку девочку. Уголки губ мужчины снова дернулись, словно он с трудом сдерживал улыбку.

— Это дух-наставник. Очень почтенный и мудрый ори-ол Энлей Хамар. — Он кивнул висящей в воздухе фигуре, прижал ладонь к груди и тоже поклонился.

Незабудка шумно засопела.

— Шариссар-рей, — все тем же шепотом на всю комнату сказала она. — Я должна тебе что-то сказать.

— Да, Сиера? — Паладин склонил голову, изображая внимание.

— Вы, наверное, не заметили... Может, дел было много, но этот... хамар умер. И стал привидением!

Шариссар внимательно посмотрел на потолок, хотя уже понял, что в случае с этим ребенком Затейник Мрак предпочитает не вмешиваться. Возможно, его все это забавляет. Дух у стены засиял, потому что, конечно, тоже все услышал.

— Я умер очень даже заметно, юная риара, — изрек он. — Меня хоронили сами королевские советники и провожали мои останки с величайшем почтением! И весь месяц, пока рос Цветок Мрака, самые красивые жрицы танцевали у моего дерева, освещая мне дорогу в ночи. В мою честь зажгли пять тысяч огней, и целый город можно было осветить этим светом. Так что моя смерть была значительной, девочка. Но мне оказали честь и позволили вернуться, чтобы обучать молодого господина. Мои знания не должны были пропасть из-за того, что тело оказалось тленным. — Дух помолчал и перевел взгляд с ошарашенной Сиеры на паладина. — При всем уважении, мой господин. Я ошибаюсь, или это прелестное и невоспитанное дитя — полукровка?

— Не ошибаетесь, ори-ол Энлей Хамар. И ваша новая ученица.

— Я? — изумилась Сиера.

— Она? — удивился дух. — Но я обучал лишь наследников чистой крови...

— Вы можете отказаться принять в Комнату Знаний сие... создание. — Шариссар заложил руки за спину. — Это ваше право, наставник.

Старик хмыкнул и подплыл ближе. Незабудка снова спряталась за паладина, но, увы, это не помешало осмотру.

— Что ж... Я вижу любознательность и живость натуры. Быстрый и острый разум. Смелость. Воображение. Тягу к знаниям... — Сиера чуть выдвинулась. — Однако наряду с этим и неусидчивость. Проказливость. Нетерпеливость. Излишнюю порывистость! Вольнодумство и тягу к приключениям. Занятный материал. Оставляйте ее, мой господин.

— Но... — Сиера осмотрелась, раздумывая, как бы ловчее сбежать, но Шариссар-рей выдвинул ее из-за своей спины и кивнул духу:

— Я так и думал. До встречи, наставник. Удачи, Сиера. — Он склонился к девочке и тихо добавил: — И советую тебе запомнить имя ори-ола Энлей Хамара с первого раза. Уж поверь мне.

— Благословения Мрака, мой господин, — с достоинством поклонился старик.

Паладин ушел, и у Незабудки открылся от изумления рот, когда дверь за ним захлопнулась, а потом... исчезла. Вот просто пропала со стены, и пока девочка хлопала глазами, старик

постучал по белой стене длинной указкой, что возникла в его руках.

— Ну, что ж, не будем медлить, риара Сиера, — произнес он, и глаза духа зажглись предвкушающим блеском. — И должен предупредить, что Комната Знаний существует вне реальности и выйти отсюда вы сможете лишь после того, как усвоите урок! Начнем ваше обучение!

И Незабудка даже пискнуть не успела, как ее усадили за стол и выдали длинный пергамент. А после... Лучше бы ее отправили к крысам! С ними и то было бы проще договориться, чем с противным и заумным старикашкой, пусть даже и духом!

И, похоже, этот отвратительный и гадкий ори-не помню-что-там-дальше только и ждал в своей круглой башне, чтобы замучить её знаниями до смерти!

* * *

Шариссар

С утра Шариссар уже был на границе, оставив указания своему оруженосцу по поводу Незабудки.

Так как Айк остался в Остроге, весь день за командующим услужливо бегал низший паладин, ловя каждый вдох господина. И раздражая его. Так что Шариссар шагнул в очередную арку без него, даже не попрощавшись. Вышел в военном лагере в Ущелье Костей, решив здесь и заночевать. Местный пайран, командующий гарнизоном, выделил высшему свой шатер и даже ненавязчиво оставил кожаный бурдюк.

Шариссар понюхал содержимое и хмыкнул. Вино пополам с кровью — убойное сочетание. Пить кровь людей в Оххароне было запрещено. Конечно, запрет не распространялся на высших паладинов и членов Темного Двора.

Шариссар сделал глоток и прикрыл глаза. Недурно. Весьма недурно. Сегодня он останется здесь. Ему были привычны такие условия жизни: холод, продуваемый ветром шатер, тихие разговоры стражей, треск костра и звяканье оружия. Рычание тех, кто возвращался с охоты. Запах слегка обжаренного мяса и свежей крови. Вой пленников.

Все, как ему нравилось.

Он сделал еще глоток и растянулся на шкурах. Потом еще глоток. Он надеялся, что хоть сегодня ему удастся надраться до беспамятства.

* * *

Проводника разбудили среди ночи, и он не сразу понял, что происходит. Испуганно прижал к груди мешочек с открывающими камнями, хлопая глазами и в ужасе палясь на паладина.

— Мой господин? — изумленно выдохнул он.

— Мне нужна арка, — приказал Шариссар. — Прямо сейчас. В Острог.

— Ааа... — начал проводник, но замолчал, увидев взгляд паладина. Засуетился, пытаясь не показать своего изумления и не разглядывать полуголого господина. За свою долгую жизнь, большая часть которой прошла рядом с высшим, проводник ни разу не видел Шариссара в таком состоянии. Командующий армией Мрака стоял в одних штанах, босой, с голым торсом и чуть покачивался. Кажется, он не замечал, что стоит на земле, покрытой инеем, и его не беспокоил холодный ветер, гуляющий в ущелье. И, похоже, дарей-ран был пьян. В стельку. И подобного

проводник тоже никогда не видел.

Он бегло осмотрел метки на теле господина и торопливо отвернулся, молясь, чтобы его за это не казнили наутро, и уже истово жалея о своем любопытстве. Какой демон дернул его посмотреть на господина? А главное, заметить на его предплечье черный выжженный на коже браслет. Знак раба...

Проводник в ужасе уронил свои камни и согнулся, торопливо поднимая их с земли дрожащими руками. Он забормотал под нос воззвание к Мудрому Мраку, надеясь умиловить коварного бога, что заставил его взглянуть на паладина в этот недобрый час.

— Скорее, — хрипло бросил Шариссар, и проводник подпрыгнул на месте.

К счастью, безумный страх не помешал проводнику установить камни и открыть переход. Шариссар сделал еще глоток из кожаного бурдюка и шагнул в подпространство.

Стражи Острога встретили его изумленными взглядами, но ничего не спросили. Лишь изумились тому, с какой скоростью их господин прошел мимо, торопясь в свои покои так, словно там его ждало что-то на редкость ценное.

В комнату Шариссар ввалился один и застыл, уставившись на кровать. Она была пустой. И запаха Леи тоже не было — значит, девушка так и не появлялась.

Он швырнул в стену пустой бурдюк и замер, пытаясь сосредоточиться и подумать.

Почему она не приходит?

Его метка зовет девушку к паладину, тянет сквозь миры. Но пока Лея бодрствует, ее сознание сопротивляется, и потому она появляется лишь во время сна и почему-то только здесь. Возможно, крепость оказалась ближе всего к Хандраш. Шариссар откинул голову, ощущая жжение на лопатке. Его метка горела, пульсировала, болела.

— Где ты?

Он зарычал.

Почему она не появляется? Не спит? Но чем можно заниматься ночью, если не спать? Воспоминание о том ее поцелует, что он ощутил, заставило кровь паладина закипеть. Он зарычал, чувствуя, как обжигает ревность — горячая, бурлящая, жгучая и мучительная.

Она с ним? С тем, кто ее целовал? И оттого не приходит?

Ярость ослепила, и его тело начало меняться, принимая наилучшую форму для убийства. Он сдержал обращение невероятным усилием воли, сжал виски.

— Убью!!! — рык вырвался из сухой глотки, а мышцы напряглись от желания ощутить под пальцами шею светлого мага.

Шариссар подобрал бурдюк и потряс его, надеясь услышать внутри желанное бульканье. Ему надо выпить. Нет. Ему надо напиться до беспамятства, до темноты, до хмельного омуты, в котором не будет ничего, кроме белесого тумана! Он больше не мог так. Не мог жить, ощущая эти чувства, раздирающие его, сводящие с ума и лишаящие сил! Ему было плохо от бесконечного сопротивления, от желания, от тоски...

Он не хотел это чувствовать. Не хотел!

— Лея, — губы прошептали сами, не подчиняясь воле паладина. — Кошечка. Прошу тебя. Ты нужна мне... Ты нужна мне!

Рык взорвался в тишине комнаты и затих, не оставив даже эха. Шариссар сжал ладони в кулаки. И замер. Втянул воздух. Медленно обернулся.

Лея спала на спине, в том самом сером платье и даже в обуви. Словно прилегла на несколько минут и провалилась в сон незаметно для себя. Шариссар бесшумно поставил бурдюк и скользнул к кровати. Остановился, всматриваясь в лицо девушки. Она выглядела такой хрупкой, в темных волосах появились белоснежные пряди. Ее косы растрепались, и один завиток лежал на щеке. Паладин протянул руку, ощущая непреодолимое желание коснуться его, намотать на

палец, ощутить мягкость ее волос. И снова замер.

Как только ее сознание выскользнет из объятий Бога Сновидений, Лея вновь вернется в свой мир. Снова исчезнет. Опять оставит его!

«Не отпускаю... Моя. Моя!!!» — слова пришли в голову раньше, чем он понял их смысл. Шариссар переместил ладонь, расположил ее надо лбом девушки. И потянул на себя черную силу Оххарона. Паладин не был магом, он был воином, но связь с сердцем и темнотой позволяла использовать некоторые заклинания. И сейчас он оплетал Лею паутиной сна, глубокого, крепкого, приказывал спать... и видеть сны.

— Лишь сны, кошечка. — Медленно он опустил на кровать рядом с ней. Постель прогнулась под его весом, но девушка не проснулась. И тогда Шариссар наконец дотронулся до выбившейся прядки. Потом передвинул руку, коснулся щеки. Лея слегка вздохнула, и паладин наклонился, желая ощутить на губах ее вдох. Он не понимал себя и своих поступков, но думать об этом не хотел. Он желал быть с ней. Хотя бы так...

Пальцы паладина невесомо прошли по щеке девушки, обрисовали скулу и остановились у губ. Теплое дыхание согрело его ладонь. Он коснулся нижней губы Леи. Девушка во сне повернула голову и облизала губы, задев кончиком языка его пальцы. И Шариссар почти застонал от этого невинного прикосновения.

Он опустил руку и расстегнул маленькую пуговичку на ее платье. Продолжая смотреть ей в лицо. Не отрываясь. Потом еще одну. И еще. Его дыхание уже обжигало горло, и клыки царапали губу. Шариссар опустил голову и лизнул ей шею. Провел языком до яремной впадинки. И ниже. В вырез ее серого платья. Еще ниже, отодвигая зубами край простой сорочки и приказывая себе не раздирать ее в клочья. Лишь отодвинуть, обнажая полную грудь. Стянуть до розовых сосков, коротко втянуть воздух и накрыть ртом эту желанную горошину.

У Леи вырвался из губ стон, и Шариссар глухо зарычал, изо всех сил сдерживая себя. Его губы и язык ласкали грудь Леи, а руки скользили по ее бедру, приподнимая платье. Чулок не было, и паладин провел ладонью от колена до бедра, чувствуя, что долго так не выдержит. Он оторвался от ее груди и посмотрел в лицо Леи. Щеки девушки покраснели, а губы чуть приоткрылись.

— Лишь сон... — прошептал Шариссар. — Очень... сладкий... сон... Не просыпайся... Не уходи от меня... Не уходи.

Ее ресницы дрожали, сознание пыталось сбросить оковы наложенных чар, но Шариссар не позволял.

— Не отпускаю... — Он коротко вздохнул и накрыл ее губы, продолжая ласкать девушку, нежно прикасаясь к ее телу, заставляя себя не торопиться, не сжимать изо всех сил, не будить, хотя его тело превратилось в один пульсирующий нерв, а кровь сменилась на жидкое и необузданное желание.

Его бедра уже двигались, неосознанно пытаясь прижаться еще теснее! Он желал вновь ощутить то, что он почувствовал в Обители Искры. И сдерживаться становилось все сложнее, все мучительнее, почти невозможно... Шариссар целовал, проводил языком по бархату ее кожи, впитывал ее вкус и запах и рычал, потому что хотел большего. Он скользнул ладонью по внутренней стороне бедра Леи, погладил. Девушка прерывисто вздохнула, а сам паладин застонал. Это доводило его до помешательства, и он жадно лизнул шею Леи, понимая, что сейчас сорвется.

Ему хотелось разбудить ее. Увидеть ее разноцветные глаза. И то выражение, которое появится в них, когда он до конца войдет в ее тело. Ему нужно было увидеть это — настолько, словно от этого зависела его жизнь! Многоликий Мрак! Да, это все, что ему было нужно, — видеть ее глаза во время их близости, видеть то выражение любви и наслаждения, что было на

лице Леи в Обители Искры.

— Лея...

Клыки случайно царапнули ей губу, и паладин ощутил каплю ее крови во рту. Внутри взорвалось невыносимо яркое желание, он задышал, пытаясь хоть немного усмирить то, что происходило с ним. Но это было почти то же самое, что сдержать извержение проснувшегося вулкана.

Все его существо, все инстинкты и все чувства требовали обладания. Требовали и молили, рыча и воя от нетерпения. Присвоить, вбиться, взять. Сделать своей! Навсегда. Его метка на спине обжигала огнем, усиливая связь с каждым новым прикосновением, с каждым вдохом, каждой лаской. Он целовал ее губы, почти не понимая, что уже трется об нее, словно зверь, предвкушая этот момент блаженства. Момент погружения...

«Моя, моя, моя!» — внутри билось лишь это, заглушая голос разума.

Шариссар дернулся в сторону и завис над Леей, с хрипами втягивая воздух. Злость понимания отрезвила, обожгла, словно раскаленный хлыст Карающих.

Что он творит?!

Он готов залезть на нее, пока Лея спит?!

Он?

В армии случается всякое. Насилие — не редкость, звери доказывают свою силу, и спорить с этим трудно. Но то, что неприемлемо ни в каком виде, — это насилие над Бездушными. Теми, кого возвращают к жизни Поднимающие. Порой эти тела красивы, а служат достаточно долго. К тому же покорны и беззащитны. Но трогать это недостойно и подло, это мерзко!

А ведь он делает почти то же самое.

Конечно, Лея жива и просто спит, но она не здесь. Не с ним. Он лишь берет ее тело, в то время как сознание... его ненавидит.

Неужели он согласен уже даже на это?!

Шариссар скатился с кровати, сжал голову руками.

Если кто-то из солдат совершил бы подобное, он отправил бы того в загоны на растерзание. И одичавшие звери сделали бы провинившегося кормом. В лучшем случае. А в худшем... Вот худшего стражи боялись так, что предпочитали не злить командующего.

Он повернул голову. Его собственное тело корчилось от неудовлетворенного желания, в паху все болело, даже дышать было трудно. Он ощущал на губах вкус Леи, ее аромат дразнил паладина, а звериная сущность билась, требуя взять, заклеить, не отпускать...

Или этого требовала его человеческая часть?

Или он просто врет себе, оправдываясь желаниями зверя? Разве зверю не все равно, в каком виде брать женское тело? Шариссар же хотел ответа, желал, чтобы Лея в его руках дрожала от страсти и понимала, с кем разделяет эту страсть. Он грезил, чтобы она смотрела на него, когда паладин будет врезаться в ее нежное тело до диких хрипов.

Он хотел снова услышать ее «люблю»...

Злость сменилась яростью, и Шариссар встал, провел рукой, стирая заклинание сна.

— Просыпайся! — его голос ударил хлыстом в тишине комнаты. Лея вздрогнула, ее ресницы задрожали чаще, и она... открыла глаза. Разноцветные и сонные, они уставились на Шариссара, еще не понимая, что происходит.

— Ты?! — Она выдохнула лишь одно слово, но в нем было столько боли и ненависти, что паладин отшатнулся. Лея приподнялась на локтях, осматривая себя с недоумением и страхом. Расстегнутое платье, задранный подол, незнакомую комнату...

— Кошечка. — Он завис над ней, не зная, что надо сказать, не понимая, как остановить. Хотел сказать, чтобы не уходила, хотел попросить прощения или крикнуть, что она нужна ему.

Но наткнулся на яростный взгляд, обжигающий сильнее огненной плети.

Замах он, конечно, увидел, но сдерживать не стал. Позволил ей ударить — сильно, больно, хлестко. Ударить его по лицу открытой ладонью, так, как не бил паладина никто и никогда. Пощечина — обидная и горькая, удар по гордости и самолюбию.

— Не смей. Ко мне. Прикастаться. Никогда!

Слова прозвучали так же резко, обожгли яростью и ненавистью.

Воздух между ними сгустился, стал тяжелым и сухим, раздирающим горло. Он так и нависал над Леей, опираясь на кулаки возле ее головы, смотрел в разноцветные глаза, чувствовал ее тепло. Они были так близко друг к другу, совсем рядом, протяни руку — и вот она, Лея, его дикая кошечка...

И так далеко.

Словно предательство способно отбросить дальше, чем грани миров, будто ненависть разделяет надежнее барьера из пространства и времени. Он чувствовал на губах ее дыхание и понимал, что сейчас Лея еще дальше от него, чем была в своем мире.

И она дернулась назад, желая отстраниться, уйти, сбежать, стать недостижимой для него, и сделать Шариссар ничего не успел.

Легкий женский вдох замер на его губах вместе с последним «ненавижу» и исчез. Вместе с Леей. Кровать вновь стала пустой.

Проклятый смрадный кантаххар! Его жизнь снова стала пустой и никому не нужной. Даже ему.

Шариссар выгнулся, понимая, что обращается в зверя, и уже не сопротивляясь этому. Остаться человеком становилось слишком тяжело.

Элея

Я открыла глаза вновь посреди ночи. Облизала губы. Выдохнула.

Сердце стучит набатом, губы болят, а тело... В теле томление и слабость, сладкая и тревожная нега. И сон. Снова этот сон. В котором Шариссар яростно целует меня и я чувствую его шелковый и влажный язык, сплетающийся с моим. Я знаю вкус его поцелуев — дурманный, терпкий, лишаящий разума. Я не хочу этого, но не могу сопротивляться. Проклятый Темный! Прощлую ночь я провела урывками, боясь этих снов. Но в эту провалилась в сновидения, стоило лишь прилечь на кровать — усталость взяла своё, и вот снова все повторилось.

Не хочу, не хочу думать о нем! Не хочу вспоминать! Но как не думать, когда в моем сне он рядом, целует меня, прикасается? Я чувствую его тяжесть и ласки, заставляющие мое тело выгибаться, плавиться, подчиняться ему.

Только все это не было сном.

Я закусила губу, подивившись ее чувствительности. Кажется, губы распухли... Провела рукой по своему платью. Пуговицы расстегнуты от горла до талии. Подол задран и смят. Кожа горит. И еще... Я провела ладонью между ног и вскочила, как ошпаренная кошка.

— Пресветлая Искра... — простонала я, сползла по стене.

Что он со мной делал? Даже сейчас я горела в огне желания и хотела... вернуться. Вернуться к нему.

Я издала шипение, от злости свело горло, а пальцы сомкнулись, желая ощутить рукоять плети. Я встала, слегка качнувшись, содрала с себя серое платье и бросила его в угол. Схватила свои влажные штаны и рубашку, без одежды пробежала по коридору в купальню. Там с остервенением намылила кожу, смывая с себя чужие прикосновения, желая содрать их вместе с кожей. Руки тряслись так, что я не могла вытереться.

— Ничего. — В тишине комнаты слова прозвучали слишком громко. Юркие саламандры, лениво наблюдающие мои хаотичные действия, порскнули в свои каменные норки. — Ничего. Я тебе устрою сон. Надолго запомнишь.

* * *

Шариссар

Однажды каждый из тех, кто способен к обороту, испытывает искушение не возвращаться в человеческую форму. Зверем быть легче. Зверь не ведает жалости или страха. Его не мучают сомнения или желания.

Шариссар уже испытывал это — желание стать зверем, чтобы не думать и не вспоминать. Давно, в первые два года после оборота. В годы, проведенные в рабстве. Он обернулся в первый раз слишком рано, всего в тринадцать — разум таким образом прятался от жестокой реальности. И именно это спасло жизнь Шариссару. Захватчики посчитали, что он будет им интересен...

Тогда его возвращала в человеческое тело боль. Постоянная, мучительная, непрекращающаяся боль. Его мучители развлекались, наблюдая бесконечную смену его

ипостасей: из человека в зверя, из зверя в человека... он застревал на середине, теряя сознание от мук и радуясь этому...

Сейчас никто не посмел бы причинить боль высшему паладину Оххарона. Никто не смог бы его остановить или сдержать. Сейчас он стал тем, кого боятся и ненавидят в трех сопредельных империях. На землях Ящеров и Двудликих Равнинников имя дарей-рана стало именем Бога Бездны, самым проклинаемым на территориях от ледников белых до ледников красных. Его ненавидели и боялись, зная, что высший паладин Мрака не остановится никогда: он живет войной, и он принесет победу Оххарону. По его приказу над городами установили сети, в которых сгорали крылья ящеров. Перекрыли каналы, снабжающие водой равнины. И согнали в плен бесчисленное множество врагов. Ящеры все еще сопротивлялись. Равнины были почти полностью выжжены.

А скоро та же участь постигнет и Пятиземелье.

И не было в Шариссаре ни жалости, ни раскаяния. Оххарон будет процветать, как могучая и несокрушимая Империя, у которой не останется врагов. А если и останутся...

Он живет долго. И проживет еще дольше. Его тело почти бессмертно, а душа давно погребена под руинами прошлого. А сердце...

Сердце принадлежит Оххарону.

Королева права. В жизни Шариссара была только война, и он не думал, что станет с ним, если она закончится.

Что он почувствует? Свободу? Возможно... Не ради этого ли он столько веков убивает? Чтобы стать свободным?

Зверь остановился на краю скалы, рассматривая камни, срывающиеся в пропасть из-под его ног. Его шерсть была в крови, хотя он плохо помнил, кого рвали клыки и когти. Зверь лег, положил морду на влажные лапы, закрыл глаза. Запах крови бил в ноздри, и за ним тот единственный и желанный — женский — был почти неуловим. И зверь скулил, желая вновь почувствовать его.

А потом завыл. Зверь мог позволить себе то, чего не мог человек.

* * *

Орган и Ельга

— Слушай, я уже устала ходить по всей Академии! Нет здесь твоего отца!

— Он должен был в Хандраш! Куда ему деться? Просто мы еще не все обошли.

Ельга закусила губу, глядя на светловолосого мага. Вернее, на его призрак. За несколько дней, что они провели вместе, она успела привыкнуть к вздорному характеру Органа и его насмешкам и уже почти не обращала на них внимания. Ей даже доставляло удовольствие с ним препираться: это было гораздо интереснее, чем общаться с глупыми девчонками. Орган был умным, образованным и смелым. Ну, или наглым, но для Ельги это качество тоже было достоинством, а не недостатком. К тому же с ним было интересно. И еще маг был красивый. Ельге нравилось смотреть на него, когда он сидел на столе, покачивая ногой, и напряженно думал, как сейчас.

— В покоях мы уже были, — протянул Орган. — В ученических, целительской, столовой, на поле... Везде, куда есть доступ! Отца там нет. А это значит...

— Это значит? — с придыханием повторила Ельга.

Орган расправил плечи. Он не хотел признаваться даже себе, но ему нравилось, как смотрит

на него эта девчонка. Так, будто считает его очень умным, одаренным и значимым. Это был именно тот взгляд, который всегда жаждал увидеть Ортан на лицах других людей.

— Это значит, что надо пробраться туда, куда хода нет! Туда, где этот урод Райден спрятал моего отца!

— Зачем магистру его куда-то прятать? — не поняла Ельга, и парень поморщился.

— Потому что он его боится! И не хочет отдавать власть над ковенем! А ведь именно мой отец должен возглавлять ковен Искры! Райден завладел этой привилегией обманом!

— Надо же. — Ельга похлопала глазами. — Никогда бы не подумала.

— Ты многого не знаешь. — Ортан пренебрежительно махнул рукой. — Мой отец, — он слегка замялся, покосился на девушку и продолжил: — Ну и я, понятно, мы всегда были самыми сильными магами на Рифе. А Райден и остальные нам завидовали. И видишь, к чему это привело?

— К чему? — восторженно шепнула Ельга.

— К тому, что отца держат в каком-нибудь подвале! А меня и вовсе... вот!

Ортан выпятил грудь.

— Бедняжка, — с готовностью отозвалась Ельга, раздумывая, какое платье наденет на свадьбу. Ей хотелось красное, с оранжевыми лентами, и еще большую шляпу, как она видела на картинке. Хотя нет, шляпу не надо. А то Ортану неудобно целовать будет.

Ельга зажмурилась от удовольствия.

— ...надо проникнуть в кабинет Райдена, в Башню Дождя! — закончил Ортан предложение, начало которого девушка пропустила.

— Проникнуть к магистру? Но разве мы сможем?

— Сможем! — уверенно сказал Ортан, и Ельга кивнула.

Хотя шляпу все-таки хотелось.

* * *

Сейна

Сейна прислушивалась к голосам в коридоре. Стражи переговаривались тихо, но она слышала их. Она привыкла к этим звукам. Знала и различала по малейшим оттенкам и нюансам. Тот, что выше, принадлежал чернобровому и хмурому, а тот, что ниже, сиплый, словно простуженный, — светловолосому.

Она привыкла и к голосам, и к их присутствию за своей дверью. Порой эту пару стражей сменяли другие, но чаще стояли именно чернобровый и светловолосый. И Сейна кивнула довольно, услышав их голоса. Потому что она ждала именно их. Эти стражи никогда не нарушали покой темной принцессы.

Сейна окинула быстрым взглядом свои покои. Их можно было назвать роскошными, если не знать, что это клетка.

Золотая клетка, в которой она провела слишком много лет. И с нее достаточно.

Потому что Сейна изменилась. Слишком долго она была мертвым цветком на клумбе, слишком долго позволяла топтать себя. Хватит!

Она вновь осмотрела комнату. Кинула взгляд в зеркало. Как давно она перестала пытаться раздвинуть грани миров? А ведь когда-то могла побывать в любом из них... Она была Ходящей Сквозь Миры, как и ее сестра. На миг Сейна позволила себе вспомнить их: двух темноволосых хохочущих девочек, что убегали от нянюшки и впервые провалились за грань. Тот мир был

чужим, в нем было много желтого цвета — деревья, скалы и вода — все было желтое и яркое, словно игрушечное. Лиария потом так и звала тот мир — желтым.

В какой момент Ли изменилась?

Когда стала такой жестокой?

Сейна тряхнула головой с аккуратно уложенными волосами и коснулась пальцем медальона на шее. Теперь никто из них не способен преодолевать грани миров. Сейна отдала свой дар крови за обещание пощадить дочерей, а Лиария... В Лиарии не осталось ничего от маленькой девочки, что неслась вслед за сестрой по желтому миру.

Но достаточно думать об этом. Ли сделала свой выбор, Сейна — свой. Лиария жила, словно гусеница — вгрызаясь в этот мир, как в яблоко, пожирая его, оставляя за собой гниль и труху. Не понимая, что это яблоко — единственное, что у нее есть, другого не будет. А Сейна так жить не желала.

Она посмотрела в окно, из которого была видна самая высокая башня и льющий сверху багровый свет. Им с Лиарией было тринадцать, когда наставник рассказал об источнике силы Оххарона. Сейна на всю жизнь запомнила тот день: круглую комнату с синими занавесями и множеством непонятных предметов, манящих и пугающих. Их все хотелось рассмотреть и потрогать, разобраться или разобрать, но наставники не позволили, конечно. Хотя уже в этом возрасте две юные принцессы были самыми сильными магианами своего мира. Чистая кровь наследниц делала их почти всемогущими...

В тот день им рассказали, откуда берется Источник Силы. Сердце мужчины, которого полюбит и выберет наследница Темного Двора, сердце, доведенное до наивысшей точки ненависти и боли, — вот откуда Оххарон черпал магию.

Сейна тогда ужаснулась. Лиария — рассмеялась.

Каждая из них уже тогда сделала свой выбор, определивший судьбы двух принцесс.

И, кажется, именно в ту минуту их пути пошли в разные стороны, словно на стекле зеркала появилась трещинка, увеличивающаяся с каждым днем. Такие похожие внешне и такие разные внутри, сестры все больше отдалялись друг от друга.

Однажды, путешествуя по другим мирам, Сейна встретила Чера. Он был смешной, так гордился золотыми драконами, которых запускать для нее в небо, и они пролетали над их головами, почти задевая макушки сияющими крыльями. Парень тогда смеялся, а Сейна все смотрела на него... Ведь никогда, ни в одном из миров она не видела никого прекраснее, чем юный маг, готовый подарить ей все, что у него было... Он и подарил. Себя, драконов, бесконечную любовь, дочерей...

И, погрузившись в океан их любви, купаясь в счастье и восторге, Сейна не заметила, когда Лиария окончательно ступила на грань темноты. Когда приняла ее как часть себя, когда сама стала ею?

Наверное, в ту минуту, когда осознала, что любит того, кто никогда не будет ей принадлежать, — чужого жениха, молодого стража, сумевшего выстоять и не сломаться в рабстве у Светлых. Тогда побелели волосы юной принцессы, и она сделала еще один выбор. Заполучить любой ценой, стать не любовью — гибелью.

Сейна отвернулась от окна.

Достаточно воспоминаний и слабости. Ей надо быть сильной. Потому что Сейне есть за что бороться и кого защищать.

Она вздернула подбородок, приблизившись к двери.

Пора вспомнить, что она самая сильная магиана в Оххароне. И старшая сестра.

И есть один мир, куда она все еще способна попасть!

Элея

— Магистр Райден! — Я вновь со злостью ударила кулаком в дверь.

— Элея? — Магистр открыл дверь. Кажется, он собирался спать, потому что красные волосы были влажные и распущенные, а рубашка расстегнута, обнажая рельефную грудь. Я сглотнула.

— Что случилось?

— Можно мне войти?

— Конечно. — Он шире открыл дверь, застегивая другой рукой рубашку.

Я прошла внутрь, сжимая решительно кулаки. Магистр нахмурился, рассматривая меня:

— Лея, что с тобой?

— Магистр Райден, — я сделала глубокий вдох, — вы обещали не врать мне. Просили довериться... Вы знали, что у меня связь с... Темным? Что он как-то выдергивает меня из нашего мира в свой? — Я запнулась. Мужчина молчал и смотрел мрачно. Потом медленно кивнул:

— Я не знал, что он смог тебя вытащить. Думал, просто зовет. Это называется «метка зверя». И зову можно сопротивляться...

— Нельзя! — выплюнула я со злостью. — Стоит мне уснуть, и он... — Я глубоко вздохнула. — Уберите это, магистр. Пожалуйста! Вы можете?

Он стал еще мрачнее.

— Способ есть. Но тебе он не понравится.

— Мне все равно! — решительно бросила я. — Даже если это больно! Главное, чтобы я выжила, остальное — не важно!

— Это не больно. — Райден потянул ворот своей застегнутой рубашки. Посмотрел на меня как-то странно. — Даже приятно. Вроде как...

— Тогда в чем проблема? — не поняла я. — Сделайте это немедленно!

— Ты не поняла. — Маг резко отвернулся, словно не хотел смотреть на меня. Может, этот способ требует слишком большого вливания Света? — Ты не поняла, Лея. Чтобы снять метку зверя, необходимо твое добровольное согласие на связь с другим... мужчиной. И сам... процесс.

Я несколько мгновений осмысливала сказанное.

— Вот как. — Перевела взгляд на свои руки. — Вы могли бы... Если я очень попрошу... Если... если представить, что это просто помощь... Вы могли бы это сделать?

Сказать, что у Райдена стал изумленный и опешивший вид — это ничего не сказать. Магистр уставился на меня так, словно у меня как минимум выросли крылья, рога и хвост.

— Ты понимаешь, что говоришь?

— Вполне. Пожалуйста.

Я медленно приблизилась и еще медленнее положила ладони ему на грудь. Глаза магистра стали одновременно хмельными и злыми.

— Не надо, Лея. Ты пожалеешь.

— Поцелуйте меня, магистр. Пожалуйста. — Я привстала на цыпочки, пытаюсь дотянуться до его лица. — Вы не хотите?

Он издал короткий то ли рык, то ли стон и отшатнулся. Потом резко сдернул мою руку, сжал ее и потащил меня к двери.

— Уходи, Лея. Немедленно! Ты не понимаешь, что делаешь. Поговорим утром.

— Уйду после того, как вы меня поцелуете! — Я вырвала руку и повернулась, упрямо уставившись ему в лицо.

— Ненормальная девчонка! Убирайся отсюда! — рыкнул он.

— Нет!

Райден втянул воздух и впечатал меня в стену. Сильно, так, что я даже ударилась лопатками в деревянную перегородку. Магистр посмотрел мне в лицо совершенно дикими глазами и прижался к моим губам. Раздвинул их языком, проникая в рот, прикусил.

Я понимала, что он целует намеренно грубо, хочет, чтобы я испугалась и ушла. Но я лишь прижалась к нему, хотя сердце и забилося тревожно. Закинула ладони ему на шею, обняла. Магистр простонал мне в рот, почувствовав мои руки, лихорадочно сжал в ладони мои волосы, зарылся в них пальцами, стягивая ленты. Его язык соприкоснулся с моим, и он принялся его посасывать, жадно прижимая меня к своему телу. Ладони скользнули по моим обнаженным рукам, а потом... магистр резко оторвал их от своего тела и отстранился.

Оттолкнул меня и отошел, залпом выпил воды, оперся ладонями на крышку стола. Я посмотрела на его напряженную спину, обтянутую светлой рубашкой.

— Я хочу... чтобы вы... занялись со мной... этим процессом, — выдохнула я. — Прошу вас. Я хочу избавиться от этой метки! Пожалуйста, магистр. Если не вы, то я найду кого-нибудь из учеников!

— Не смей!

— Найду! — Я даже ногой топнула.

— Что ты творишь, Лея? Ты с ума сошла? Это не ты...

— Это я! И я чувствую себя как собака на привязи! Вы что, не понимаете? Освободите меня! Он посмотрел через плечо, сжал зубы. Я шагнула ближе.

— Пожалуйста.

Маг выпил еще воды.

— В тебе говорит обида. — Он прикрыл глаза и вздохнул. — Просто женская обида. Но если я это сделаю, ты меня возненавидишь, Лея. И гораздо сильнее, чем... его. Так нельзя.

— Пожалуйста. — Я подошла еще ближе. — Я вам совсем не нравлюсь?

— Не нравишься? — Он посмотрел на меня через плечо и хрипло рассмеялся. Магистр приблизился, поднял мне голову за подбородок. — Как ты не понимаешь. — Он провел пальцем по моей щеке, чуть коснулся губ. — Ты мне... нравишься. — Он усмехнулся. — Можно и так сказать.

— Так сделайте это! — вскинулась я.

— Нет.

— Магистр Райден. — Я коснулась его руки. — Алларис.

— Я не хочу... так! Не хочу быть этой помощью. Заменой. И не хочу, чтобы ты шла на это лишь чтобы освободиться... Не хочу, понимаешь? — Он процедил это, словно магу было больно. Он и выглядел так, словно я мучила его. И вдруг прижал меня к себе, склонился. — Вру... Все вру... Хочу... Даже так...

— Хорошо. — Моя бесшабашная уверенность вдруг куда-то пропала, и я смутилась. Что я творю? Что делаю? Сама пришла к магистру, прошу его о том, о чем и думать стыдно! Боги! Да что со мной?! Я сама себя не узнаю... Когда я успела стать... такой?!

— Подожди. — Маг выдохнул это, сдаваясь. Потом отстранился и развел ладони. Криво улыбнулся. — Хоть что-то для тебя. Мне бы хотелось, чтобы это было по-другому...

Он повел руками, словно рисуя в воздухе. Легкий аромат наполнил воздух, а потом появились и сами цветы. Множество нежно-розовых лепестков выстилали пол, медленно кружились в воздухе, ложились на постель.

— Как красиво, — искренне вздохнула я.

Злость, что сжигала меня, словно угасла от цветочного аромата, от кружащихся в воздухе лепестков. Внутри появилась невидимая нить, зазвенела, словно предупреждая, натягиваясь все сильнее, впиваясь в сердце раскаленной иглой. Где-то в другом мире Шариссар ощущал мои чувства и злился. Или беспокоился?

Я сжала зубы. Разорву эту связь. Разорву!

Магистр подошел и провел ладонью по моему плечу, потом осторожно расстегнул пуговичку на горле. Коснулся пальцем кожи в вырезе, внимательно глядя мне в глаза. Ожидая отказа. Но я лишь подалась навстречу. Он вздохнул и расстегнул вторую пуговицу. Выдохнул и подхватил меня на руки, одновременно прижавшись к губам. Его поцелуи были нежными, язык лишь скользил, хотя мне казалось, что мужчина сильно сдерживается. И я была ему благодарна за это. Он положил меня на кровать и потянул вниз ткань.

— Ты очень красивая, Лея. — Его шепот обжег меня. Губы мага скользили по моей шее, по ключицам и ниже. Медленно, нежно, почти невесомо. Осторожно. Давая мне возможность отказаться. Уйти. Передумать. — Скажи, если захочешь, чтобы я остановился... — прошептал он.

Я посмотрела на бархатный балдахин над кроватью. На нем тоже были лепестки роз, и они сыпались вниз, скатываясь с тяжелой ткани. Магистр положил ладонь мне на бедро. Просто положил, не пытаясь поднять тунику или стянуть штаны. И посмотрел мне в лицо. И я почувствовала, что его ладони дрожат.

— Лучше останови это сейчас, — глухо, через силу сказал он. — Потом... потом будет поздно.

Я перевела взгляд с синего бархата на его лицо. И притянула к себе.

— Я не передумаю.

Он прижался губами к моим ладоням, поцеловал каждый пальчик, потом перевернул, тронул внутри, продвигаясь по нежной коже от запястья до сгиба локтя.

— Это такой подарок... подарок для меня, Лея. Бесценный...

Шепот, чуть слышный, легкий, как и его поцелуи. И мне не страшно. Совсем. Поцелуи нежны, он делает это медленно, словно приручает меня, боясь вспугнуть. Или растягивает удовольствие? Потому что я вижу страсть в зеленых глазах и знаю, что он покажет мне и ее. Дикость и безумие других ласк. Но не сейчас. Позже... после того, как я успокоюсь в его руках, перестану трястись, согреюсь теплом его поцелуев и нежных прикосновений.

И я действительно почти забыла о страхе, поддаваясь его нежности и обволакивающим, медленным движениям. Райден провел ладонью по моему лицу, обрисовывая контур губ, лаская, но не целуя. Его пальцы были теплыми и чуть шершавыми, движения — осторожными. Он словно хотел запомнить меня, изучал прикосновениями и касаниями, сдерживая дрожь желания. И я замерла, поймав его взгляд. В нем плескалось счастье, столь сильное, что у меня перехватило дыхание. Он увидел и сразу опустил голову, прижался губами к моей шее. Словно не хотел, чтобы я заметила его состояние...

Что произошло дальше, я поняла не сразу.

Резко стало холоднее, так что из моих губ вырвалось облачко пара. Я с изумлением проследила, как на синем балдахине появляется иней, как морозный узор сковывает лепестки и они темнеют, сворачиваются.

— Что это? — изумилась я.

Райден поднял голову, вздохнул и резко повернулся, заслоняя меня собой.

— Пресветлая Искра... — прошептала я.

Половины комнаты не было. Вернее, не было комнаты магистра. Была другая — смутно

знакомая, чужая и почти полностью разгромленная. Изодранные занавеси, мебель, сметенная неизведанной, чудовищной силой, стены, испещренные выбоинами и бороздами. На стыке двух помещений дрожала прозрачная, словно заиндевевшая преграда. А там, на другой половине, находился Шариссар. Вернее, там бился, бесновался, метался зверь, разрушая то, что еще можно было разрушить. Чудовище, порождение безумного кошмара, самое страшное создание, которое только может представить человек! Вытянутая морда с гребнями, черная, стоящая дыбом шерсть, шипы и иглы, мощные, согнутые для прыжка ноги и расправленные кожистые черные крылья. Алые глаза уставились на меня с такой яростью, что я попыталась отползти подальше, безотчетно натягивая на себя покрывало. Монстр зарычал, обнажая клыки, длинные когти царапнули пол, оставляя глубокие борозды.

— Не смей! — В его рычании почти не было человеческих звуков, и все же смысл слов был ясен. И он бросился на стену. С такой мощью и силой, что я взвизгнула, не сомневаясь, что пробьет, дотянется, одолеет и эту преграду, раз смог пробиться из Оххарона.

И стена дрогнула, зазвенела... но не поддалась. Шариссар зарычал.

Райден уже стоял напротив, а я даже не успела увидеть, когда он там оказался, и сосредоточенно сплетал заклинания.

— Лея, уходи отсюда, — не оборачиваясь, бросил он. — Уходи!

Я сползла с кровати, придерживая ворот расстегнутой туники, попятилась спиной к двери. Зверь за стеной замер на миг, уставившись на меня, пригнул голову к полу, подобрался и вновь прыгнул. Стена зазвенела громче, и на ней появились трещины, словно на стекле. Шариссар ударил снова.

— Убирайся! — крикнул мне Райден.

Но у меня ноги словно приросли к полу, я прислонилась спиной к столбику кровати и прижала ладони к лицу.

— Я тебя убью, Светлый. — Слова прозвучали почти четко, алые глаза уставились на магистра с беспощадностью убийцы.

— Не ты, — усмехнулся маг.

Шариссар вновь бросился на стену, которая звенела не переставая. Трещины ползли в разные стороны, словно змеи, но срастались, исцеляя прореху в пространстве. Но как долго она выдержит?

Магистр развел ладони, и сквозь дрожащую стену пронеслись песчинки, которые на другой стороне, в Оххароне, вытянулись в длинные иглы и со всех сторон устремились к бьющемуся зверю, словно рой разъяренных ос. Он отбил их лапами и хвостом, но несколько все же впились в черную шерсть, вызвав рычание.

— Оставь ее в покое! — с ненавистью крикнул Райден, и я даже удивилась тем бешеным эмоциям, что были в его крике. — Оставь ее!

Зверь выдрал застрявшие иглы и снова бросился на стену, не утруждая себя ответом.

— Он прорвется... — Я сжала голову ладонями. Боги! Что я наделала?! Зачем? Если Шариссар сможет пробиться, то магистру не жить.

А мне?

Но о себе я сейчас совсем не думала, больше переживала за мага. Потому что Шариссар бросался на стену с каким-то неистовым бешенством, в его глазах пылала жажда убийства. Он словно не чувствовал боли, разбивая огромное тело о стену между мирами, вновь и вновь вонзая в нее клыки и когти.

Боги...

Хотя и Райден мог постоять за себя. Его заклинания оживили ползучих тварей, ядовитых скорпионов, что поползли сквозь стену в пространстве. Похоже, магистр так желал убить

Темного, что был готов использовать драгоценный Свет. Или плел заклинания из собственного резерва силы? В зеленых глазах пылала не меньшая ненависть, чем в алых.

Разбираться, кто сильнее, я не хотела, лишь желала, чтобы это закончилось.

— Хватит! — Я завопила, но меня никто не услышал. Пространственная стена расплзалась, словно айсберг, пробивая стены и смещаясь в нашу сторону. На потолке появились трещины: здание Академии сопротивлялось вторжению другого мира. Предметы в комнате начали вибрировать, а потом подпрыгивать, словно живые, падая со своих мест. Кувшин со стола разбился, следом вывалились фолианты из шкафа, и сам он накренился, заваливаясь. Масляная лампа рухнула с подставки и треснула, огонек лениво лизнул пушистый ковер на полу и затрещал, перескакивая по ворсу. Я торопливо плеснула водой на тлеющий ковер.

Вся Академия, кажется, содрогнулась, словно земля дрожала и билась от слияния двух миров. Если Темный не отступит, то Оххарон придет в Хандраш прямо сейчас!

— Прекратите! — завопила я.

Связь между мной и Шариссаром мешала думать и даже дышать, больше всего мне хотелось поддаться его зову, кинуться к нему...

И я сделала это.

Остановилась у стены, положила ладони на призрачную, но плотную преграду.

— Не надо... Шариссар.

Он замер перед очередным прыжком, хвост с узким жалом на конце изогнулся, покачиваясь.

— Лея, отойди! — напряженным голосом выкрикнул Райден, но я не обернулась.

Зверь сделал мягкий шаг в мою сторону, выпрямился. Еще шаг. И привалился к стене, положив ладони на мои. Уже человеческие. Почти. Только глаза остались алыми. Между нами дрожала стена, словно живая.

— Уходи. — Я прошептала, глядя в его лицо сквозь заиндепевшую преграду, не в силах отвернуться. — Не делай этого...

— Я заберу тебя. — Голос его звучал еще глухо, с рычанием.

— Нет.

— Тогда я не уйду. — Голос вновь сменился рыком.

Я закусила губу. Он был так близко. Слишком близко.

Но Шариссар придет с Оххароном, а мы к этому не готовы. Совсем не готовы!

— Я приду к тебе... сама, — выдавила я.

Райден сзади зашипел, и я повернула голову, посмотрела в глаза магистру.

«Пожалуйста», — одними губами сказала я. Но он понял и как-то сник. В зеленых глазах словно погас свет, и магистр медленно отвел взгляд. Но я уже вновь смотрела на Шариссара, который следил за мной неотрывно, пристально.

— Я приду, — вздохнула я. — Обещаю.

Темный сжал ладони, словно хотел ощутить мои руки, но пальцы лишь скользнули по стене.

— Прикоснешься к нему... Или к другим... Уничтожу Хандраш, — яростно сказал он. — Поняла? Поняла, Лея?

— Да. — Я сняла ладони со стены и обхватила свои плечи, потому что внезапно замерзла. — Я поняла.

Он коротко вздохнул там, в своем мире, и отпустил. С трудом — я чувствовала это, не желая прерывать эту связь, но сделал. И стена между мирами начала сначала уплотняться до темноты, а потом исчезла, оставив нас в нашем мире.

Оххарон вновь отступил.

Сильные руки обняли меня, прижали к груди мага.

— Ты никуда не пойдешь, — в его голосе звучала с трудом сдерживаемая злость. — Я тебя

не отпущу!

Я вздохнула и повернулась к Райдену лицом.

— Простите меня. Прости. — Я выдавила улыбку. — Я зря пришла. Не знаю, что на меня нашло, такая ярость обуяла, никогда не испытывала подобного. Я не должна была вас... использовать. Это подло.

Он усмехнулся, глядя мне в глаза.

— Я был не против, — протянул маг, провел ладонью по моим волосам. Прижал крепче. — Лея. Не уходи. Пожалуйста.

Я закусила губу. Почему мне кажется, что он просит о чем-то большем? О чем-то невысказанном и мучительном?

Что же я наделала... Зачем пришла?

Я вновь закусила губу, и магистр коснулся её кончиком пальцев. Но я тут же отстранилась. Ведь Шариссар почувствует. Где-то там, в далеком Оххароне, он почувствует чужие прикосновения! Словно его метка стала моими узами, цепью, что связывала!

И снова внутри взметнулась ярость. Райден нахмурился.

— Часто у тебя это? Приступы злости?

Я кивнула, обхватив себя руками.

— После того как угасла Искра, постоянно. Я не знаю, что со мной... и не узнаю себя. Даже то, что сегодня я пришла к вам... Боги! Это же просто... ужасно! Я стала... другой. Злой. И... смелой... в некоторых моментах. И еще... — я зажмурилась, не в силах сказать. И последние слова прошептала: — кажется... мне это нравится. Понимаете? Я словно стала и свободнее тоже... что со мной происходит?

Райден сделал ко мне шаг и поднял ладони, желая обнять, но я отступила. И он замер, руки упали бессильно.

— Не кори себя. Главное, помни, что ты ни в чем не виновата, Лея. И в тебе есть Свет. Очень много Света и любви, и они сильнее злобы. Ты слышишь меня? Не позволяй ярости взять верх. Помни о... Незабудке. Ей ты нужна той Леей, что ее вырастила. Доброй, любящей и веселой. Ты ведь будешь такой... ради нее?

— Да. — Я улыбнулась сквозь слезы. И действительно стало легче. — Буду. Спасибо вам.

Повернулась к двери, но уже у створки магистр преградил мне путь, уперся ладонью в косяк.

— Я не могу тебя отпустить. Не могу! — хрипло бросил он. Я покачала головой.

— Вы не можете меня остановить.

— Ты... — он коротко выдохнул, пристально глядя мне в глаза, — ты хочешь пойти к нему, ведь так? Хочешь?

Я замешкалась с ответом. Всего на несколько мгновений, но сказать решительное «нет» не смогла. И Райден убрал ладонь. Его губы сжались в одну узкую линию, глаза потемнели. Он горько усмехнулся, а потом быстро поцеловал меня в шею, туда, где бился пульс. Кожу на миг кольнуло.

— Если я буду тебе нужен — позови. Я услышу.

Я кивнула и вышла, не оглядываясь.

Незабудка

Незабудка проснулась от рыка и перевернулась на другой бок. За время, проведенное в этом странном месте, она успела привыкнуть к... рычанию. Совсем недавно кто-то рычал так сильно, что маленькая девочка спряталась под кровать, где ее и нашел Айк.

— Не бойся, крошка, — ласково пробасил мужчина. — Это наш господин... хм... умирят зверя. Тебе совершенно нечего бояться!

— Шариссар-рей?

— Он самый, — добродушно улыбнулся Айк. В отдалении раздался грохот, словно там рухнули стены. Незабудка спряталась под покрывало.

— А зверь не победит? — осторожно спросила она.

— Только не нашего господина, — хмыкнул Айк. — Он сильнее зверя, не бойся. Он сильнее всех.

— А ты не врешь? — с сомнением покосилась Сиера.

— Как я могу! — воскликнул Айк и подмигнул. — Вылезешь?

— Не-а, — подумав, ответила Незабудка. — Лучше я тут побуду.

— Бояться не будешь?

— Буду, — честно сказала Незабудка.

Айк потер щетину на подбородке, слегка присел, когда Острог дрогнул, словно сию минуту развалиться, и глухо выругался сквозь зубы.

— А что такое пасть необъезженной ящерицы? — мигом заинтересовалась Незабудка. Айк покраснел.

— Не повторяй, поняла? — строго сказал он, с беспокойством осматривая стены, ожидая увидеть на них змеевидные трещины. Но удары прекратились, и стало тихо. — И не слушай. Мала еще слушать...

— А когда можно будет повторять? — настаивала Незабудка. — Когда я вырасту?

— Нет, когда вырастешь, ты станешь настоящей красавицей, тогда тем более нельзя такое говорить!

— Не стану я красавицей! У меня зуб выпал, кому я такая нужна? — по-взрослому протянула Незабудка и нахмурилась, когда Айк прыснул.

— Еще как станешь, — успокоил он. — А зуб новый вырастет, не переживай!

— Правда? Но все равно — сейчас повторять нельзя, потом нельзя, а когда можно? — обиделась Сиера. — Почему тебе можно, а мне нельзя?

Айк снова потер щетину и с тоской покосился на крошку. Все-таки размахивать двойными клинками и убивать легче, чем что-то объяснять ребенку! Вот поэтому пусть этим занимаются женщины!

— Мала еще, — снова буркнул он и поспешил сбежать от новых вопросов чрезмерно любознательной девочки.

Незабудка фыркнула и вновь залезла под кровать, где у нее был домик. Там и сидела, пока не услышала знакомые шаги.

— Вылезай, — негромко проговорил Шариссар.

— А ты победил зверя? — Незабудка высунула голову из-под покрывала.

— Надеюсь, — пробормотал мужчина и сел в кресло, уперся локтями в колени и положил

подбородок на кончики сложенных пальцев. — У меня к тебе разговор. Скажи... твоя сестра... Лея... — Шариссар нахмурился и слегка запнулся, — она что любит? Ну, я не знаю... Что ей можно подарить? Платье или, может, драгоценности? Мрак. — Шариссар потер виски. — Какие драгоценности, о чем я... Что она любит есть? Сладости?

— Что-то сытное, — честно сказала Сиера. — Картошку вот любит. И булку с маслом. Без масла тоже любит, правда. Но это если повезет, а так лепешку просто любит, хорошо бы с горячим травяным чаем и медом, но можно и без него. А еще кашу! Вот из пшенки совсем не любит, только если ну очень голодная. А так...

— Хватит. — Шариссар закрыл глаза.

— Так я же еще не все рассказала, — обиделась Незабудка.

— Мне хватило, чтобы понять.

— Что понять?

— Что я идиот.

— Да? — оживилась Сиера.

— Повторишь — башку откушу, — мрачно бросил Шариссар и поднялся.

Незабудка недоверчиво фыркнула, а паладин неожиданно улыбнулся. Но отвернувшись, так, чтобы вредная девочка не заметила.

— А тебе это зачем? — опомнилась Сиера. Но паладин не ответил.

Через час Шариссар мрачно обзревал свою комнату. Она по-прежнему была разгромлена от приступа его ярости, но в центре, на маленьком столике, который каким-то чудом уцелел, красовался ужин, изящно сервированный и украшенный. Его кухарка чуть в обморок не упала, когда паладин озвучил ей требования. Правда, постаралась, приготовила, как для королевы, как и было велено. Вернее, лучше, чем для королевы.

Шариссар снова окинул взглядом столик. Поправил цветок, плавающий в хрустальной чаше. Нахмурился. Нервно прошел по комнате, раздосадованно пнул остатки сундука. Кажется, он швырнул его об стену. Прислужники, конечно, вынесли мусор, но не весь, паладин торопил их и рычал, требуя... чего-то.

— Я спятил. Окончательно.

Он прислонился к стене и заставил себя успокоиться, выждать, не мерить нервно шагами эту комнату, не втягивать воздух, задыхаясь. Через час ожидания Шариссар выкинул из окна ужин вместе с узорной скатертью, туда же отправился цветок в хрустальной чаше.

Еще через час доломал столик и все, что оставалось в комнате целым. И ушел в купальню, зачерпнул в ладони воды, вылил на голову, ругаясь сквозь зубы и пытаясь избавиться от волнения, что выводило его из себя.

Никогда в своей жизни он так не ждал кого-то. И это злило. Он стянул намокшую рубашку, отшвырнул, понимая, что превращается в зверя...

* * *

Элея

Рукоять плети легла в руку удобно и уже почти привычно. А злость заставила сжимать эту рукоять до ломоты в костях! Я легла на кровать в ботинках и одежде. И да, с плетью. Я должна прийти к нему, и я это сделаю. Правда, понадобилось время, чтобы взять себя в руки и хоть немного успокоиться. Получалось плохо... В моей голове все смешалось: любовь и ненависть,

добро и зло, Свет и Тьма...

Даже без зеркала я видела, что белых прядей на моей голове стало больше, а подруги поглядывали в мои глаза с легким испугом. Вопросов пока не задавали — просто некогда было, наставники нас загоняли так, что не до разговоров. Но зададут. Скоро...

Я тряхнула головой и вновь сжала плеть. Надо разобраться с этим.

Закрыла глаза.

Не знаю, как я оказывалась у Шариссара, но я собиралась проделать именно это. И именно сейчас. Попыталась успокоиться и подумать. Как он находит меня? Или это я нахожу его? Как?

Это ощущение прохода сквозь грани... неужели мне не показалось? Я действительно проходила? Во сне?

Я закрыла глаза, сосредотачиваясь. И почти сразу ощутила это. Зов. Я ведь чувствовала его. Каждый день. И ночь. С того самого момента, в Обители. Я ощущала его постоянно, но давила в себе, не позволяя прислушиваться, не желая слышать. И лишь сейчас я ухватила за него, словно за путеводную нить, и позволила себя вести. Ощущение перехода пришло мгновенно, мне даже не пришлось прикладывать усилий. Все это время я тратила силы, чтобы не откликаться на этот призыв, а откликнуться оказалось так просто...

Открыла глаза. Чужая комната. Почти пустая и основательно разгромленная. До того, как Шариссар тут все разнес, обстановка была, видимо, строгая и без излишеств — кресло у незажженного камина, столик, шкафы, сундук. Кровать, на которой я лежала, — по сути, единственный целый предмет мебели. Узкое окно, за которым покачивалась Звезда Мрака. Конечно, я узнала ее с первого взгляда, ее было невозможно не узнать. Ничего подобного в нашем мире я не видела.

Оххарон. Мир Тьмы. Мир ненависти, зверей и... Шариссара.

Я прыгнула с постели, сжимая в руке свою плеть. Пресветлая Искра! Значит, чтобы оказаться в Оххароне, мне нужно было всего лишь откликнуться на зов? Так просто? Даже без зеркала? Но почему?!

Додумать я не успела, потому что часть стены за камином неожиданно отъехала в сторону, и оттуда вышел Шариссар. В одних штанах, с мокрыми волосами, которые на ходу вытирал холстиной. Не видя меня. И я замахнулась, уже не думая, желая лишь ударить того, кто причинил мне боль.

Узкое жало плети просвистело в воздухе и остановилось, сжатое в кулаке Шариссара. Он просто поймал его рукой! Миг назад он расслабленно выходил из купальни, а сейчас сжимал мою плеть и смотрел в глаза сквозь разделяющее нас пространство. Его мышцы под смуглой кожей напряглись, обозначились еще четче и рельефнее, а глаза потемнели. Он отбросил холстину в сторону.

— Обзавелась коготками, кошечка? — с насмешкой протянул Темный. — Плохой выбор, Лея. Очень плохой. Мне эта вещь в твоих руках очень не нравится.

Я дернула, пытаясь вырвать кожаное жало из его кулака, но оно словно застряло в скале. Плеть натянулась между нами, как тетива, задрожала. С одной стороны держала я, с другой — он.

— Хочешь ударить? — как-то равнодушно спросил Темный, не отводя глаз.

— Хочу и сделаю это! — прошипела я. Одним своим спокойствием, своим красивым и жестким лицом он будил во мне что-то темное и яростное. Я действительно хотела сделать ему больно. Очень хотела! Так больно, как было мне. Постоянно, каждую минуту!

— Я перед тобой виноват, — медленно произнес он и чуть склонил голову. — Я чувствую это. И знаю. Что ж... Я позволю тебе это, Лея. Ударить. Надеюсь, тебе станет от этого легче.

Разжал ладонь, и я чуть не упала, потому что слишком сильно тянула плеть в свою сторону.

С трудом удержав равновесие, уставилась в его невозмутимое лицо.

— Думаешь, не смогу? — разозлилась я.

— Сможешь. — Он слегка прикрыл глаза, наблюдая за мной.

Я сжала рукоять так, что пальцам стало больно. Кажется, моя кожа вплавилась в кожу оплетки, сливаясь воедино. Он чуть покачнулся с носка на пятку, и я непроизвольно посмотрела на его босые ноги. Потом прошлась взглядом по свободным полотняным штанам, по веревке, что держала их низко, открывая напряженный живот. Выше — до широкой груди с круглым, как печать, знаком на левой стороне. По мощным рукам с непонятными символами на внутренней стороне. По шее, на которой четко выделялись жилы.

И вновь посмотрела в глаза. Черно-синие, словно полночные звезды.

— Ну же, кошечка, — тихо сказал Темный. — Давай. Тебе станет легче, — изогнул бровь насмешливо. — Или испугалась? На чем ты упражнялась, на печных горшках? По живому телу бить сложнее? Хочешь, напомню, что я делал с тобой в Обители?

Жало просвистело, рассекая воздух, и обожгло ему грудь, оставив красную полосу. Шариссар даже не шелохнулся, только глаза прикрыл и со свистом втянул воздух.

— И знаешь, мне понравилось то, что я с тобой делал, — негромко протянул он. — Очень понравилось. Я собираюсь это повторить. Сегодня же.

— Ты больше никогда, — жало вновь взметнулось в воздух и оставило на смуглой коже еще одну полосу, — ко мне не прикоснешься! Никогда!

— О, ты ошибаешься, кошечка.

— Это ты ошибаешься!

И снова удар. Он не шевелился, не двигался, словно не чувствовал обжигающих ударов, не видел рассеченной кожи. Смотрел равнодушно, лишь в глубине глаз горела краснота. Мою ладонь уже свело судорогой от силы, с которой я сжимала эту проклятую рукоять.

— Еще, — прошептал Шариссар.

И это просто добило меня — я чувствовала себя ужасно, мне хотелось рыдать, глядя на него, но я лишь закусила губу и снова ударила. И вновь. До крови. Ненавидя его. Но еще больше, кажется, себя.

— Убери свою метку! Слышишь? Убери ее! — Свист плети. Кончик задел его щеку, оставив багровый след. — Я тебя ненавижу! Понял?

— Понял. — Еще один удар, и он вновь поймал свистящее жало и выдернул плеть из моих рук, на этот раз по-настоящему, так, что я свалилась на пол. — Достаточно, Лея.

И отшвырнул плеть в сторону с такой яростью, что я только сейчас поняла, что он совсем не так равнодушен, как желал показать. Шариссар резко отвернулся, отошел к окну и вцепился ладонями в раму — до белых костяшек. Опустил голову, и я увидела, как выгнулся его хребет, выпуская сквозь кожу острые костяные шипы.

— Больше не делай этого, Лея. — Голос прозвучал глухо. — В следующий раз могу не сдержаться.

Я подтянула коленки к груди, почти не дыша. Но смотрела я не на шипы — его обращение я уже видела, а сейчас рассматривала мужскую спину. Живого места на ней не было — сплошная сеть перекрещивающихся шрамов, старых, зарубцевавшихся, такие оставляет на коже... плеть.

— Боги... — Я прошептала это чуть слышно, раздавленная внезапным осознанием. Его били. Не знаю, кто и когда, но били именно плетью. Сильно, до кровавых незаживающих ран, до рубцов и бесконечной, непроходящей боли. Кто мог сотворить такое? Кто?

И чего ему стоило сейчас не шевелиться, когда я стояла перед ним, размахивая своей плеткой?

Боги, как я вообще могла это делать?!

Я отползла назад, уперлась спиной в стену.

— Сними свою метку. — Я поднялась, придерживаясь, потому что ноги не держали. Как-то внезапно накатила слабость. — Слышишь? Убери ее. Просто убери.

— Нет. — Темный подошел, остановился, сжимая зубы. — Не убери, Лея. И ты больше не уйдешь.

— Что?! — опешила я. И я только что решила его пожалеть? Кого? Темного паладина Оххарона? — Ты шутишь?

— А что, похоже? — Он шагнул еще ближе, так, что я ощутила жар мужского тела. Он был горячий, напряженный и злой. Не лучшее сочетание. — Ты не уйдешь больше, потому что я устал скулить каждую ночь на этой кровати, понимаешь? Устал выворачиваться наизнанку, пытаюсь не думать о тебе. Устал заливать в себя разное пойло, чтобы хоть немного поспать. — Он склонился надо мной, не прикасаясь, но нависая, словно скала, — мощно и страшно. Его взгляд, казалось, прожжет во мне дыры и расплавит. — И знаешь, что еще я устал делать, кошечка? Пытаться выбросить тебя из головы. Или убеждать себя, что это лишь похоть. — Он усмехнулся, а я подавилась от того, что он говорил. — Мне плохо, Лея. Очень плохо. Мне никогда в жизни не было так паскудно, как сейчас. И ты останешься со мной, потому что я больше не могу так.

— Нет!

— Да.

— Ты меня не удержишь. Слышишь? Лучше просто убери метку...

Дальнейшее случилось так быстро, что я даже не успела осознать, как оказалась прижата к стене его телом. И дернулась, пытаюсь освободиться.

— Отпусти!

— Ну уж нет, кошечка. Я все сказал. — В его глазах вспыхнуло желание, и он даже не собирался его скрывать. Наклонился и лизнул меня, провел языком по щеке. Я выгнулась, дернула головой, силясь ударить его.

— Не смей!

— Кто же мне запретит? — Он внезапно схватил меня за волосы, прямо возле головы, не давая повернуться. Вторая рука по-прежнему сжимала мои ладони, так что я лишь слабо дергалась, с ужасом осознавая, насколько он сильнее и быстрее меня. Светлая Искра! С кем я решила тягаться? Где был мой разум, когда я шла сюда, надеясь выиграть? Похоже, в тот момент я была так поглощена обидой и ненавистью, что разум просто отключился!

Шариссар вновь лизнул меня — медленно, с откровенным наслаждением. Его бедра вжались в мои, и он потерялся об меня всем своим большим мощным телом, словно зверь. Так же, как сделал тогда, в Обители, правда, сейчас я все еще была в одежде. Все еще, потому что его намерения были совершенно очевидны, и он не собирался их скрывать.

Только на этот раз я была против. Слишком больно становится... после. Хотя тело помнило его ласки, губы и руки, что заставляли меня плавиться и сгорать, подчиняясь ему.

Зажмурилась, отчаянно желая вернуться в Хандраш, отсекая зов, что тянул меня к нему. Прийти сюда было плохой идеей. Очень плохой!

— Ну уж нет, — прорычал он, — ты никуда не пойдешь, Лея! Не в этот раз!

Я глаза не открыла, погружаясь в состояние отрешенности и до боли желая вернуться!

— Не уйдешь, я сказал! — яростно сжал Темный мое тело. — Только попробуй уйти, и я выкину из окна твою сестричку, что спит в соседней комнате! Поняла, кошечка? Поняла меня?

— Что? — Я распахнула глаза, шокированно уставилась в его лицо. Спокойствие слетело с Шариссара, словно сухой лист с ветки, и теперь он выглядел взбешенным. Клыки Темного удлиннились и касались нижней губы, глаза горели красными углями, а дыхание с хрипом

вырывалось из горла. Он словно окаменел, вжимая меня в стену с такой силой, что мне трудно было дышать.

— Ты слышала, — прорычал он. — Посмеешь уйти, и я за себя не ручаюсь.

— Незабудка у тебя? — Я моргнула, осознавая, и перевела взгляд на дверь. — Где? Где она? Дай мне ее увидеть! Ты врешь?

Шариссар сжал зубы, выдохнул и резко отстранился, отпуская меня. Я отпрыгнула в сторону.

— Твоя сестра у меня, — сквозь зубы процедил он. — Так что не делай резких движений, кошечка. И не вздумай исчезнуть.

— Чего ты хочешь? — Я перевела взгляд с двери на его лицо. Темный хмурился, но клыки пропали, хотя глаза все еще оставались красными.

— Правильный вопрос, — усмехнулся он. — Но ответ ты знаешь. Я хочу тебя.

Я закусила губу, руки сжались в кулаки.

— Зачем? — Я уставилась в его глаза, до боли вгоняя ногти в кожу. — Зачем, Шариссар? В Обители ты говорил, что я не нужна тебе. Что ты не заметишь разницы, если... под тобой будет другая. Так зачем я тебе сейчас? Искра погасла, тебе больше не надо пытаться сделать мне больно!

— Я не собираюсь объясняться, — сквозь зубы бросил он. В темных глазах мелькнула растерянность. — Так случилось. Я не могу... с этим бороться. Хоть и пытался. Ты нужна мне. Называй это как хочешь. Я тебя хочу и получу то, что желаю!

Я закусила губу и сжала руки в кулаки. Искра, мне вновь захотелось вцепиться ему в лицо ногтями, разодрать до крови. Сейчас ярость в наших глазах была словно зеркальным отражением друг друга, если бы смогла дотянуться до своей плети — вновь ударила бы. Но вряд ли он мне снова это позволит.

— Я хочу увидеть сестру. — Даже голос изменился, стал похожим на шипение.

— Позже.

— Сейчас! Я тебе не верю. Ты врешь, что Сиера у тебя!

— Я никогда тебе не врал в отличие от некоторых! — выплюнул он. — И Незабудка у меня. И ты будешь делать то, что я тебе скажу, поняла, Лея? Потому что если я обещаю выкинуть девчонку из окна — это не пустая угроза. Уж лучше поверь мне на слово!

— Какая же ты сволочь, Шариссар, — прошептала я в бессильной ярости. — Ты сделал все, чтобы уничтожить Искру. Все, чтобы растоптать меня. А теперь угрожаешь, что если я не останусь с тобой, причинишь вред шестилетней девочке? Да ты просто... — Я сжала ладонями лицо и отвернулась, не желая смотреть на него. Мне больно было на него смотреть. На месте сердца, кажется, образовалась огромная дыра, в которую проваливалось все хорошее, что было во мне. Это была какая-то бесконечность, засасывающая в себя мои глупые надежды, мечты и веру в лучшее. Я ненавидела его и себя за то, что поверила, за то, что увидела в нем что-то хорошее. За то, что жалела его!

— Мне плевать! — Шариссар так быстро оказался рядом, что я вздрогнула. Он сжал ладонями мою голову, заставляя смотреть ему в лицо. Глаза по-прежнему красные, и на клыках кровь. Похоже, он прокусил собственную губу. Смотрелось это жутко, и я дернулась, пытаюсь вырваться. — Смотри на меня. — Его голос вновь изменился, рычащих ноток стало больше. — Не смей от меня отворачиваться, поняла? Не смей! Не смей...

Он прижался к моим губам. Но не укусил, как я думала. И даже не поцеловал. Просто прижался и замер. А потом откинул голову, втянул воздух. И схватил меня за руку.

— Идем.

— Куда ты меня тащишь?

— Ты, кажется, хотела увидеть сестру? — раздраженно бросил он. — Или передумала?

Я торопливо кивнула, хотя он на меня уже не смотрел. Темный провел ладонью по стене, и кладка раскрылась, открывая проход, освещенный голубоватым светом. Подняв голову, увидела кружащихся под потолком мотыльков — это именно они светились. Но ничего рассмотреть не удалось, проход закончился, и мы вошли в другую комнату. Я узнала ее сразу, ведь именно ее я видела благодаря Оракулу.

И, мигом забыв обо всем на свете, я кинулась к постели, на которой свернулась клубочком Незабудка. Руки дрожали, когда я коснулась рукой ее щеки, мягких темных кудряшек. Сиера тихонько пискнула во сне, как котенок, и я почувствовала, как на глаза навернулись слезы.

— Не буди ее, — глухо сказал за моей спиной Шариссар. — У нее был трудный день.

Я не стала поворачиваться, вновь провела кончиками пальцев по щеке девочки.

— Ты обрезал ей волосы?! — Я посмотрела на Шариссара с яростью. Он пожал плечами:

— Они мешали.

— Если я сделаю все, что ты захочешь, ты отпустишь Незабудку? — процедила я.

— Ты в любом случае сделаешь все, что я захочу, — в голосе Шариссара скользнула злость. Я не понимала его эмоций. Ведь он получит то, что пожелал из-за своей непонятной прихоти, так отчего он так злится?

— И все же? — настаивала я.

— Сиера останется здесь. Ты тоже, Лея. И вы обе будете... в безопасности. — Я все-таки обернулась, посмотрела на него. Темный стоял возле стены, спиной к свету, и его лицо оказалось в тени. Но клыки пропали и глаза больше не горели безумной краснотой.

— Ты хочешь, чтобы я осталась здесь? В Оххароне?

— Да. — Он раздраженно дернул плечом. — Ты убедилась, что Сиера у меня. Теперь идем, Лея.

Я вновь посмотрела на девочку, поправила на ней покрывало. Уходить от нее не хотелось до боли — я все еще боялась, что ее вновь отберут у меня, что Незабудка исчезнет, стоит мне отвернуться. Но Шариссар уже тащил меня прочь, снова в тот полутемный туннель между комнатами. Мотыльки испуганно разлетелись, когда мы вошли, нежные крылышки шуршали о камни. Я тоже ощущала себя таким же мотыльком — слишком беззащитной перед той силой, что была в Темном. Он не сдержался, развернул меня возле входа в покои, прижал к стене и впился в губы. Его тело придавливало так, что мне действительно нечем было дышать, но он словно не понимал, что целует слишком сильно, требуя подчинения.

— Ответь мне... — Его яростный шепот обжигал мне губы. — Ответь! Ответь, Лея! Мне нужно... это!

И снова горячий язык исследует мой рот, приникает и трогает, а руки гладят и сжимают, нетерпеливо дергают одежду, обрывая завязки. Но я лишь стою, опустив руки и закрыв глаза, не двигаясь. Не отвечая. Мое сознание поплыло, не желая мириться с происходящим и открывая двери пространства. Шариссар зарычал, сжал мне бедра стальными пальцами.

— Только. Посмей. Уйти.

— Я не намеренно! — в отчаянии выдохнула я. — Я это не контролирую! Просто ты делаешь мне больно! Опять!

Он застыл, словно мои слова превратили Темного в каменное изваяние. И с силой ударил кулаком по камню, в кровь разбивая пальцы. Я дернулась, сжалась, закрыла лицо ладонями.

— Мрак, — сквозь зубы процедил он. — Что ты со мной сделала?! Что ты со мной сделала?! Я веду себя как помешанный! Проклятие!

— Я? — Оттолкнула его от себя, уже не в силах сдержаться. — Что я с тобой сделала?! Ты себя слышишь? Боги... я же тебе поверила! Понимаешь, я тебе поверила! Как никому! Ты же стал

для меня всем! Ненавижу тебя, ненавижу, слышишь?

— Да. — Он прижал ладонь к груди, опустил голову, с трудом втягивая воздух. — И чувствую. Мрак... Я это чувствую! — он вновь ударил по кладке, и я вздрогнула. — На тебе запах этого... Светлого. Меня это бесит! Меня это просто выводит из себя, понимаешь? — Последние слова он уже прорычал. — Как ты посмела это сделать? Лежать под ним? Как ты посмела?!

— Кто ты такой, чтобы спрашивать? — Во мне тоже взметнулась ярость.

— Ты — моя!

— Да провались ты в Бездну, Шариссар! — выдохнула я, а он вжал меня в стену и просто накинудся на мои губы, терзая болезненным поцелуем, затыкая мне рот и не давая не только отстраниться — дышать. И резко оторвался, закинул себе на плечо. — Отпууустииии!

Не отвечая, Шариссар прошел через коридор, выбив дверь, и занес меня в купальню. Я лишь успела увидеть прозрачный шар, похожий на стеклянный, внутрь которого вели ступеньки. И, поднявшись по ним, Темный на ходу содрал мои ботинки, отшвырнул их, а потом кинул меня внутрь шара. В воду. Так что я утонула, нахлебавшись воды и визжа от ярости. Вынырнула и попыталась встать, но Темный не позволил. Он тоже зашел внутрь и толкнул меня, когда я начала подниматься.

— Меня бесит этот запах! Доводит до ярости! — хрипло бросил он. — Смой его.

Я села, с ненавистью глядя на него, но не поднимаясь. Знала, что уйти он все равно не позволит. К тому же, я уже насквозь промокла. Хорошо хоть вода была теплой, даже горячей, и доходила мне почти до пояса. А еще в ней плавали какие-то цветы, и они же источали приятный легкий аромат.

Откинула с лица прилипшие пряди и яростно дернула тунику, стягивая ее.

— Нельзя было позволить мне раздеться?

Он не ответил, так и стоял, расставив ноги и пожирая меня глазами. И от мужского взгляда — голодного, неистового — мне вдруг стало жарко. И вновь охватила злость. Значит, чужой запах его злит? Что ж. Смывать его я буду долго!

— Может, отвернешься?

— Нет.

Голос прозвучал почти спокойно, только вот выражение лица подводило. Что ж, тогда отвернусь я. Стянула тунику, повертела ее в руках. Но внутри круглого шара не было ничего похожего на крючок или полочку. Поэтому пришлось просто отпустить ткань. Стягивать с себя мокрую одежду, да еще стоя по пояс в воде, было не так-то просто, поэтому я шипела сквозь зубы и ругалась. И все это время ощущала на коже мужской взгляд. Он словно трогал меня, почти осязаемо, хотя Шариссар не издал ни звука, мне даже хотелось удостовериться — повернуть голову и посмотреть, стоит ли он там. Раздраженно дернула мокрую ленту, вытаскивая её из косы.

Набрала в ладони воды и плеснула в лицо почти с наслаждением. Находиться в этом горячем, затянутом паром шаре было приятно, но Шариссару я об этом говорить не стала. И лишь хотела спросить, где зола для омовения, как горячие ладони легли мне на бедра, притягивая к напряженному телу.

— Я помогу. — Его хриплый голос обжег мне висок, а ладони дернули завязки на мокрой сорочке. — Проклятая ткань.

Его пальцы дрогнули, и он снова потянул завязку, почти обрывая ее. Я попыталась отстраниться, но второй рукой Шариссар резко обхватил меня поперек живота.

— Ты сейчас порвешь мою единственную рубашку, — как можно суше бросила я.

— Да, — неожиданно согласился он. — Я хочу содрать все с твоего тела. Немедленно. И оставить тебя голой в своей кровати, навсегда.

Он вновь дернул, и ткань не выдержала, треснула.

— Запах... я все еще чувствую его.

Он потянулся, не отпуская меня, поймал плавающий цветок. Пышный, словно пион, насыщенного синего цвета. Сжал его в ладони, но лепестки не смялись, а лишь сложились, примятые сильными пальцами. Шариссар отбросил остатки сорочки и провел ладонью с цветком по моему телу. От шеи по груди и до живота. Медленно, плавно и дразняще. Обвел напряженный живот и вновь вернулся к груди.

— Знаешь, я и сама могу это делать, — не сдержалась я. Бросила сухо, потому что тело откликнулось, выгнулось от этих прикосновений.

— Проверим в другой раз. — От его голоса вода в шаре стала еще горячее. — Я должен удостовериться, что запаха... не осталось.

Он опустил руку и развязал шнурок на моих штанах. Я слегка дернулась.

— Прекрати!

— Шшшш, тихо, кошечка. — Шариссар отвел мои волосы и тронул губами мочку уха, лизнул, сжал между зубов, прикасаясь языком. И я непроизвольно издала тихий стон, проклиная Темного и не понимая, как он это делает. Как заставляет забыть обо всем? Вновь поверить ему? Только не это!

Но тело откликалось на его прикосновения, и когда Шариссар провел пальцем по моей груди, обвел наверх и сжал, я вновь чуть не застонала. Он, кажется, тоже, потому что дыхание стало еще тяжелее. Мужские ладони накрыли мою грудь, лаская, задевая затвердевшие и напряженные до боли соски. Провел по животу, обхватил бедра и с силой вдавил мои ягодицы в свой пах.

И мы одновременно застонали, не сдержавшись.

Моя голова откинулась ему на грудь, и Шариссар присосался к шее, скользя влажными клыками там, где билась венка.

— Надо... снять с тебя... остальное, — слова он не произнес — вытолкнул из охрипшей глотки.

Темный потянул вниз ткань, оголяя мне бедра. Медленно. И я почувствовала, как прижались к коже горячие губы. Шариссар провел языком, собирая с меня капли воды, от шеи к пояснице. Каждый участок моей чрезмерно чувствительной кожи. Каждую впадинку на позвоночнике. Лопатки. Выпуклость ребер. Опускаясь все ниже. Сжал ягодицы, трогая шелковым языком. И каждое прикосновение заставляло меня вздрагивать. Меня трясло, и отнюдь не от страха или неприязни. Боги! Какая неприязнь? Я хотела этого! Хотела безумно, но не могла допустить. Хотела забыть о его предательстве, обо всем забыть и отдаться этим чувственным прикосновениям, дразнящим ласкам, ему... Хотела вновь почувствовать его сильные движения, почувствовать в себе. Желала соединения наших тел — мучительного и прекрасного, порочного и ошеломляющего, такого, когда кажется, что и души — рядом... Что мы — вместе. Что мы одно целое. И от этого желания разозлилась еще сильнее.

Забыть? Ну уж нет!

— Только давай без вранья и этих... нежностей! Мне их хватило в Хандраш. Мы оба знаем, зачем я здесь, так что... Просто сделай все... быстро. Я устала и хочу спать.

Он замер. Отстранился. Поднялся. А я обернулась, чтобы увидеть его лицо — злое, с тлеющими внутри темных глаз алыми углями.

— Значит, вот как? Мои нежности тебе не нужны? Лепестков роз не хватает? — Алого во тьме стало больше, и я ощутила желание попятиться. Похоже, мне вновь удалось его разозлить. Кажется, у меня это отлично получается.

Шариссар усмехнулся:

— Как скажешь, кошечка. Сделаю быстро.

Он шагнул ко мне, и я все же не выдержала — попятилась. И пятилась, пока не уперлась в затянутую паром, вогнутую стену. Дальше отступать было некуда. Шариссар остановился в шаге, развязал свои штаны, отбросил. Я выдохнула, стараясь не опускать глаза и смотреть ему в лицо. Хотя это было сложно, его желание было слишком очевидно. Темный прижал меня к стене, так что я ощутила все то, на что старалась не смотреть. Горячая плоть прижалась к низу моего живота, и Шариссар сжал зубы.

Положил ладонь мне на бедра, приподнял и... Я не выдержала и застонала, когда он просто насадил меня на себя. Застонала, хотя и пыталась сдержаться, от наслаждения, от невероятного чувства принадлежности ему, от почти болезненного желания близости.

Мой тихий стон-выдох совпал с его — похожим на рык. Шариссар закрыл глаза и втянул с хрипом воздух. Пальцы Темного сжались на моих бедрах почти до синяков.

Несколько мгновений неподвижности и тяжелого дыхания, обжигающего сухие губы, а потом он распахнул глаза и... движение. Сильное, но плавное движение, вырвавшее из моего рта произвольный стон.

— Смотри на меня. — Он зарылся пальцами в мои волосы, лаская и мучая. — Не смей от меня отворачиваться... Никогда!

И вновь плавное движение внутри моего тела. Я тихо всхлипнула, желая большего. Почти умирая!

— Так... достаточно... быстро? — процедил Шариссар.

— Что ты... — Слова раздирали глотку. — Я сейчас усну, паладин.

— Дрянь! Моя... — простонал Темный и вбил в меня уже по-настоящему сильно, так, что я закричала, выгнулась в его руках, прижимаясь лопатками к влажной стене пузыря. — А так? — Его пальцы сжимали мои бедра, а я сама вцепилась в мужские плечи, откидывая голову и ловя губами капли, что падали с его волос, слизывая их, глотая, желая ощутить во рту вкус его кожи, языка, тела...

— Ты такой медлительный... — сказать не смогла — простонала.

Наши тела соединялись с ритмичным звуком, и мы пытались втянуть воздух, вцепившись друг в друга, обжигаясь прикосновениями, ловя капли воды и дыхание. Мне казалось, что вода внутри этого шара достигла пика и закипела вместе с нами. Забурлила и пошла паром. Синие глаза Шариссара стали почти черными, клыки чуть приподняли губу, но я не испытывала страха — я захотела ощутить его укус. Его мощные толчки лишали меня всего — разума, силы воли, свободы, даже ненависти, за которую я держалась, как за спасательную доску в бушующем водовороте страсти, дикости и наслаждения. Этот водоворот затягивал все яростнее, не давая возможности выбраться. Нам обоим. Потому что Шариссар уже рычал, а на его лице было ошеломление и блаженство. Снова и снова, заставляя меня уже биться в его руках, не в силах выдержать этой сводящей с ума близости!

— Лея...

Он произнес имя, и оно прозвучало как молитва, как признание, как обещание и подчинение. Я не знала, что всего несколько звуков можно произнести так.

— Дотронься... Прошу... Метка...

Не осознавая до конца, что делаю, я провела рукой по его спине, обрисовывая каменные мышцы,двигающиеся под кожей, переместилась выше, к его лопатке. Накрыла ладонью.

— Ле-яя... — Полустон-полурык, и я откинулась на скользкую стену, закричав от взорвавшегося вокруг меня мира, обхватив Шариссара, чтобы не упасть. Шариссар дрогнул, но рухнуть Темный не дал, удержал нас обоих, рыча сквозь зубы. И коснулся моих губ — первый раз в этом странном шаре. И этот поцелуй был таким нежным и осторожным, со вкусом

благодарности и любви, что мне захотелось плакать. Ну почему с ним так? Слишком хорошо, слишком сильно, слишком больно. И надо вспомнить, за что я его ненавижу...

Записать, что ли, на желтом пергаменте и носить с собой? Или выжечь на коже, чтобы точно не забыть?

Шариссар выровнял дыхание с трудом и стоял, опустив голову, упираясь ладонью в стену шара. Внутри этого пузыря с остывающей водой стало слишком тихо. Настолько, что слышны стекающие по стенкам капли и мокрые хлопки этих странных цветов, когда они ударялись о каменные ступеньки. Я молчала. И ждала... Чего? Не знаю. Казалось, что Шариссар сейчас что-то скажет. Что-то важное. То, что позволит мне... забыть. И поверить...

Он поднял голову, всматриваясь в мое лицо.

— В следующий раз мы сделаем это на кровати.

Я отвернулась, высвободилась из его рук, оттолкнула.

— Надеюсь, следующий раз будет не скоро, — холодно бросила я. — А теперь можно мне остаться одной? Я хочу все-таки смыть с себя... все.

И, даже не поворачивая головы, поняла, что он снова злится. Впрочем, поворачиваться и не нужно было, потому как Шариссар стремительно отвернулся, отшвырнув ногой плавающие штаны, — и так было ясно, что Темный вновь разъярился.

Уже на ступеньках он остановился.

— Нам надо подумать, Лея. Обоим. Но если ты сегодня уйдешь, то знай... Я больше не буду тебя звать. Никогда. Я тебе обещаю. Я не хотел... так.

Я же лишь потянулась к цветку, стараясь не шипеть сквозь зубы.

Шариссар

Конечно, она ушла...

Он вернулся и теперь стоял под дверью собственных покоев, ощущая себя сумасшедшим глупцом. Да он и стал им. Спасибо девушке с разноцветными глазами. Примирить свой внутренний мир, гордость и восприятие себя с фактом его потребности в ком-то другом никак не удавалось. Но и врать себе смысла не было. Он изменился... Словно связь с Леей вернула способность чувствовать. И любить.

Шариссар уперся лбом в дверь.

Он укусил ее, когда в крови Леи был чистый Свет Искры. Когда она сама была почти Искрой. Образовал между ними связь, не сдержав свои инстинкты. И теперь они были связаны, его Тьма — в ней, ее Свет — в нем...

Его кошечка тоже изменилась: раньше она не смогла бы ударить. А теперь сделала это, и какой-то частью своего сознания он любовался ею — дикой, необузданной, яростной, с плетью в руках. Такая она сводила его с ума, и звериная часть требовала обуздать, подчинить, подмять под себя и заклеить — немедленно. Наказать ту, что посмела поднять на него плеть.

Он никогда не испытывал столь мощного желания присвоить и завладеть, навсегда...

И одновременно — отдать себя. Всего. Вывернуть наизнанку свою душу ради нее.

Только кому это нужно?

Паладин вздохнул и дернул створку. Довольно. С него хватит. Лея ушла и забрала Незабудку, и он сделает все, чтобы больше не звать ее. Возможно... со временем станет легче. Должно стать. Когда-нибудь.

Интересно, сколько лет ему на это понадобится? Или веков?

А ведь поначалу все казалось простым. Кажется, у него даже был какой-то план... Кажется, он собирался использовать и Лею, и Незабудку в своих целях и для этого сохранил им обеим жизни. Обманывал себя, что делает это ради каких-то честлюбивых планов... Планы? Какие планы, если он теряет контроль рядом с девушкой с разными глазами? Если задыхается, несет какую-то чушь и теряется, не понимая, как себя вести с ней?

В Обители он просто не смог ее убить, хотя должен был. А когда в его руки попала и Незабудка... Да, он помнил пророчество и то, что дети темной принцессы изменят Оххарон. Но это уже произошло, благодаря угасшей Искре Пятиземелье будет уничтожено.

Так зачем он возится с этой малышкой? Но ни отпустить Незабудку к королеве, ни причинить вред Лее он не смог...

И сегодня привычно вел себя с девушкой как всегда — подчиняя, ломая, угрожая. И понимал, что делает что-то не то... Ей нужно другое, возможно, те самые лепестки, воспоминания о которых приводили его в дикую ярость. Он этой романтики не понимал и не умел. Он желал просто привязать Лею к кровати самой надежной веревкой, приковать цепью, сделать что угодно, чтобы она не ушла, чтобы утолить тот безумный голод, что пожирал паладина. Он ощущал себя помешавшимся, больным, диким и совершенно озверевшим от этой потребности в ней. И дело было не только в физической близости. Она просто стала ему нужна. Просто нужна. Он, кажется, просто не может без нее жить.

Стоило только представить, что она вновь уйдет, и он готов был угрожать, требовать, врать — что угодно, лишь бы не отпустить. Лишь бы осталась с ним, хоть ненадолго, хоть поневоле...

Точно с ума сошел.

И это надо остановить. Однажды он просто убьет ее, в приступе ревности или ярости, станет зверем и разорвет, как уже сделал с другой девушкой. А ведь тогда он даже не любил... Ирантой он был увлечен, но те чувства не шли ни в какое сравнение с той стихией, что поглотила его сейчас. Но Иранту он однажды убил, разозлившись.

Он плохо помнил то, что произошло в тот день. Наверное, Мрак его пожалел, приглушив те воспоминания. Но тот момент, когда он очнулся и увидел свою окровавленную невесту, он запомнил на всю жизнь. И поклялся, что подобного больше никогда не случится.

Его сердце возненавидело тогда с неистовой силой... Себя. То, что не смогли сделать годы рабства, случилось за одну ночь.

Шариссар сжал зубы и толкнул дверь. Усмехнулся, окинул взглядом пустую комнату. Убеждая себя, что должен умыться, заглянул в купальню. Умылся. В комнате все еще витал запах Леи, и это мешало, создавало иллюзию ее присутствия. Паладин скривился и пошел в смежное помещение. Внутри стало больно от глупой надежды. Ведь могла не уйти? Могла поверить ему? Что-то... понять? Почувствовать все то, что он не смог сказать?

Могла?

И замер, привалился к косяку, до боли сжав ладони в кулаки.

Эта комната тоже была пуста.

Лея ушла. И забрала Незабудку.

Он аккуратно закрыл за собой дверь и пошел обратно, тяжело переставляя ноги и вспоминая, что нужно дышать. Просто дышать. Вдох. Выдох...

Вдох.

Кажется, у него были какие-то дела. Ах, да. Война. Он чуть не забыл.

Глупец.

Немного ранее...

Лиария

Лиария стояла на самой высокой башне Оххарона. Отсюда ей был виден город, синие холмы и долина, даже краешек Леса Духов, в который уходили умирать все оххаронцы на протяжении веков, предчувствуя свой смертный час. И если бы она захотела, то смогла бы рассмотреть их лики, что проглядывали в изогнутых корявых стволах деревьев, в переплетении веток и волнении трав. Но Лиария не хотела.

Ее не волновало ничто в этом мире, она видела лишь Сердце.

Следила за его ударами, остановками и пульсацией, за неистовым сиянием, что усиливалось с каждым мгновением. Сердце багровело и мерцало, рвалось с привязи тысячей нитей, словно норовистый конь. Его прежний спокойный и ровный ритм нарушился, сбился, поменялся на неустойчивый и рваный.

По крови в чаше шли волны, хотя ветра не было, жидкость бурлила. Лиария встала на бортик, вскинула ладони, пытаясь сдержать мечущееся Сердце. Но от ее прикосновения стало лишь хуже. Сердце больше не повиновалось ее приказам, и королева закусила губу от охватившей ее ярости.

А потом черная кровь вскипела, забурлила, а Сердце рвануло в каком-то отчаянном рывке, и... Лиария застонала. Тьма посветлела. Чистая черная сила, что питала саму королеву и весь Оххарон, засияла чистым светом.

И темнейшая знала, что это значит.

Что случилось почти невозможное, то, чего не было никогда — черное сердце, полное ненависти, полюбило...

— Ты пожалеешь, — прошипела Лиария. Ее лицо исказилось, рот оскалился, являя клыки. Она склонилась к умирающему у чаши Светлому. — Ты боишься смерти, человек? — прорычала темнейшая. — Бойся. Ведь твоя будет мучительной...

* * *

Незабудка

Незабудка проснулась посреди ночи от тихого голоса:

— Сиера, девочка моя...

Сначала ей показалось, что ее зовет Лея. И малышка открыла глаза, потерла их кулачками и села на кровати.

— Ой, — пискнула Незабудка.

Посреди комнаты стояла женщина в строгом темно-синем платье, с красивыми косами, что короной лежали вокруг ее головы.

— Здравствуй, Незабудка! — нежно улыбнулась она.

— Фея Сейна! — Сиера ответила улыбкой. — Ты давно не приходила!

— К сожалению, я редко могу тебя навещать, милая. Это слишком сложно. — Женщина улыбнулась, и Сиера посмотрела удивленно. Ночная гостья удивительно напоминала... Лею. Только была старше.

— Ты похожа на мою сестру, я уже говорила? — тут же сообщила Незабудка и вздохнула. — Я по ней очень скучаю.

— А где твоя сестра? — Женщина присела на край кровати. Она так пристально рассматривала девочку, что та на миг смутилась. Но гостья тут же одарила малышку еще одной улыбкой, успокаивая. — Как же ты... — тихо прошептала она. — Какая уже большая...

— Правда? — обрадовалась Сиера. — Эх, жаль, тебя никто не слышит. Потому что все считают меня маленькой! А я большая!

— Большая, — эхом повторила женщина, ее красивые синие глаза увлажнились, и она подняла ладонь, словно желая погладить девочку по голове. Но сдержала свой порыв и лишь тихонько вздохнула.

— Ты пришла поведать мне о сокровищах? — Незабудка придвинулась ближе и пояснила: — Феи всегда приходят, чтобы рассказать о спрятанном кладе! Ведь для этого?

— Не совсем, — тихо рассмеялась гостья. — У меня очень мало времени, Сиера. Я отдала много сил, чтобы прийти к тебе... Твоя сестра уже слишком взрослая и не видит чудесных снов, а вот ты все еще видишь...

— Я сплю? — изумилась малышка и оглянулась. Ее кровати не было, а покрывало покачивалось на волнах, словно лодочка. Мимо проплывали медузы и крабы, стайки серебристых рыбок плескались совсем рядом, разбрызгивая блестящие капли. В синей воде плыли отражения — две фигуры, детская и женская, сказочный замок, горы и леса, огненные драконы и один рыжий кот. Сверху сияли звезды, которые срывались с бархата неба, оставляя золотые росчерки, и ныряли в воду. Незабудка протянула ладонь, и одна звезда упала ей в руку, защекотала пальцы, и, рассмеявшись, девочка подбросила ее обратно на небо.

— Это Мир Грез, — улыбнулась Сейна. — Мир твоих снов и мечтаний. У тебя он очень красивый, моя дорогая. Но я должна сказать тебе что-то очень важное, Сиера. — Гостья стала

серьезной. Ее взгляд затуманился, и она на миг отвернулась, скользнула взглядом по сказочному отражению того, чего нет, а лишь грезится. — Ты должна спрятаться. Ты и твоя сестра. Убегайте как можно дальше и ни в коем случае не приближайтесь к магам или к Хандраш, никогда...

— Но мы уже были в Хандраш, — возразила Незабудка, пытаясь ухватить за хвост пучеглазую рыбеку. Та выскользнула из рук и нырнула в толщу воды. — Я даже ходила к Белой Башне, надеялась забрать Искру. Но ничего не вышло, — с сожалением поведала малышка. — Меня забрал тот лысый дяденька, и мы оказались в яме.

Сейна мгновение смотрела на девочку, а потом вскочила, от чего покрывало-лодочка покачнулась.

— Что?! — пытаясь сдержать волнение, выкрикнула она. Схватила за голову, но заставила себя успокоиться и сесть. — Сиера, милая, немедленно Расскажи мне все! Как вы оказались в Хандраш?

Незабудка выдернула морскую звезду с растопыренными ярко-желтыми окончаниями и поднесла ее к глазам. Но гостя смотрела нетерпеливо, и малышка вздохнула. Женщина ей нравилась, хоть и утверждала, что не фея.

С раннего детства она порой приходила к Сиере во снах, и девочка привыкла к ее появлениям. Даже пыталась рассказать о Сейне Лее, но сестра отмахивалась. И потому девочка все-все рассказала госте о приключениях в Хандраш, не забывая, однако, вытаскивать и складывать на покрывало-корабль морских обитателей.

— О Великий заступник Мрак! — простонала Сейна, когда рассказ был окончен. — Это невообразимо! Значит, ты у одного из паладинов... Знаешь его имя?

— А то, — важно кивнула девочка. И хитро прищурилась. — Шариссар-Рей!

— Шариссар! Мрак покарал нас... — Сейна побледнела и так сжала свои ладони, что бледные пальцы побелели до синевы.

— Почему? — К коллекции добавилось красное непонятное существо, которое пыталось уползти обратно в воду. — Он хороший. И сильный. — Незабудка подумала. — Мне он нравится. Только я ему об этом не скажу.

— Ты не понимаешь... — прошептала Сейна. — Ты просто... ребенок. Он ужасен...

Она вскочила, а Незабудка покосилась на гостью обиженно. Мало того, что назвала ребенком, хоть и утверждала, что Сиера — взрослая, так еще и обзывает рея-дарен-ширрри-ссара.

Да и болтать девочке надоело.

— Не просыпайся, подожди! — взволнованно воскликнула Сейна, увидев, что чудесный Мир Грез потускнел, словно выцвел. — Я не сказала самого главного! Ты должна передать кое-что своей сестре. Сможешь?

Незабудка пожала плечами.

— Слушай внимательно, милая, — очень серьезно проговорила гостя и сжала ладони малышки. — Запоминай...

Незабудка выпустила летающую медузу, которую пыталась ухватить за свисающие из центра длинные нити, и посмотрела в синие глаза Сейны. Они завораживали. Темные и словно бархатные, в их глубине мерцали золотые искры, словно там тоже были звезды.

— Запомни, моя девочка... Запомни...

* * *

Зрячий вновь постучал, но, так и не услышав ответа, толкнул дверь. Заглянул в покои друга, с удивлением осматривая комнату, засыпанную лепестками роз, и самого Аллариса, сидящего в кресле у камина и пьющего из бутылки светлый вейс.

— Я не сказал «входите», — протянул Райден. Впрочем, злости в его голосе не было, и Зрячий приблизился, сложил руки на животе.

— Я о тебе беспокоился. Как вижу — зря. Не думал, что ты решишь напиться в такое время.

Райден поставил бутылку на низкий столик, устало потер глаза.

— Алларис, что ты творишь? — укоризненно протянул Зрячий.

— Скажи, Корвелл, что бы сделал ты, если бы был с любимой женщиной и в самый интересный момент появился соперник из другого мира? И твоя любимая предпочла уйти к нему, а не продолжить начатое? — Райден усмехнулся и опустил взгляд, с отвращением рассматривая лепестки, источающие нежный аромат.

Корвелл опешил. Потом достал бокал, подошел к столику, налил вейс и протянул другу.

— Я предпочел бы темный вейс. Он сваливает уже после первого бокала.

Райден покачал головой.

— Я не собираюсь напиваться, не переживай, — резко бросил он. — Мне нужна голова, способная соображать, а не пускать пьяные пузыри.

— Ты всегда был лучшим из нас, — пробормотал Зрячий, но Райден лишь раздраженно махнул рукой, обрывая его слова.

— Боги, достаточно, Корвелл! — Он отошел к окну, уперся лбом в стекло. Слабо светились окна в крыле учеников, тлели желтые огни фонарей вдоль дорожек Академии, а в небе розовела полная луна, освещающая мирную и знакомую до последней тени картину.

Сейчас он ненавидел этот пейзаж. Но сейчас он ненавидел все и всех, а прежде всего — себя. Потому что магистру Райдену было невыносимо больно, и эта боль не давала почувствовать ничего другого.

Он резко отвернулся и пошел к двери.

— Хочу прогуляться, — не глядя на друга, бросил он. — И ты не мог бы оказать мне услугу, Корвелл?

— Конечно, все, что захо...

— Спали эти проклятые лепестки, мой резерв почти пуст. А я теперь, кажется, терпеть не могу запах роз.

Ответа он дожидаться не стал и ушел, без стука закрыв за собой дверь.

Ночь была холодной, почти морозной. На Рифе никогда не было зимы, и за годы проживания здесь Райден почти забыл о ней. И теперь глотал ледяной воздух пересохшими губами, жалея, что не забрал бутылку вейса. Конечно, можно дойти до кладовых и взять там, но... воспоминания. Что делать с ними? Со своей проклятой памятью, что подсовывает картинки смеющейся Леи, облизывающей с пальцев шоколад.

— Не хочу о ней думать, — пробормотал Райден, поднимая воротник камзола. Теплый плащ он не взял и замерз почти сразу. И протрезвел, что огорчало особенно.

Ему хотелось выдрать из себя эти образы-воспоминания, но казалось, они стали важнее всего мира, потеснили все, что было до них, обесцветили и обезличили остальные моменты его жизни. Разве у него была какая-то жизнь до НЕЕ? Чего он хотел, о чем думал, куда стремился?

Как он жил — до нее?

Алларис не помнил. Может, и не жил?

Он сжал зубы, ускоряя шаг, чтобы не замерзнуть окончательно. Из тьмы шагнул Шип, что нес стражу у северных ворот, но, узнав магистра, вновь слился с тенью. Райден окинул взглядом

стену и вышел за ворота, пошел в сторону тренировочного поля. Внутри болело и корчило, словно сердце выдирали из живого тела, но магистр приказал себе не обращать на это внимания. Его любовь не сложилась и уже не сложится, хотя лучше бы он этого не знал. Лучше бы хоть во что-то верил, тешил себя глупыми надеждами и грезил наяву, что все еще возможно, все еще будет...

Не будет.

Он нахмурился и оглянулся на башни, что отбрасывали длинные тени на тренировочное поле.

Оракул показал ему смерть. И это совсем не то, что хотел бы увидеть Райден. Но и из этого он обязан извлечь пользу для Академии.

Маг заставил себя сосредоточиться и вспомнить во всех подробностях то, что показал Оракул. Вспоминать не хотелось, сознание сопротивлялось, желая похоронить эти образы под толстым слоем иллюзий и самообмана, но Райден себе этого не позволил.

И заставил себя вспоминать.

Тренировочное поле Академии. Солнце в зените. Осколки башни, усыпающие землю. Сражение. Хаос. Черные звери, что закрывают от него Лею. Он бежит... Кричит... Видит ее лицо — нежные губы, разноцветные глаза и волосы. Она поворачивается и шагает к нему. Клинок входит в его грудь.

Все.

Райден сглотнул и снова мучительно захотел выпить. Нет. Надо подумать. Он походил по полю, высчитывая свое местоположение и пытаясь соотнести его с видением. Встал, осмотрелся. Если осколки покрывали ту сторону, значит, рухнула Башня Дождя, в которой расположены покои магистров.

Утром он прикажет всем ученикам переселиться из нее в северное крыло и больше не появляться на тренировочном поле. Куда еще могут упасть обломки? Райден подобрал камень, присел, вычерчивая на земле формулы для расчета падения и участок разброса обломков. Поднялся, осмотрел скептически. Прищурился.

Что еще было в видении?

Дерево. Он перевел взгляд на разлапистый дуб, что высился у кромки поля. Оракул показал его совершенно облетевшим, сейчас на нем еще оставалось несколько листьев. Хороший порыв ветра, и они упадут на покрытую инеем землю. Значит, скоро. Не весной или будущим летом, а совсем рядом тот день, когда все случится. Раньше, чем хотелось бы.

Что еще может пригодиться? Жаль, что видение было таким коротким, слишком мало данных, но даже их магистр собирался использовать. Ждать он больше не может и утром уведет учеников в подземный ход, спрячет. Главное, выгнать из подземелья Ортана и Ельгу, что там шляются, пытаясь что-то разведать и найти.

Легкая улыбка тронула губы мага. Конечно, он почувствовал Ортана сразу же, как только тот приблизился. Уровень дара и знаний магистра позволял ему видеть и понимать гораздо больше, чем обычным людям. Зрячий, несомненно, тоже рассмотрел Ортана, но также решил сделать вид, что не заметил. Они оба не стали вмешиваться и оставили парня в том же состоянии, хотя вернуть его в обычную форму было несложно. Но Ортан заслужил это. Не наказание, а осознание, что не все в мире движется и живет по его желанию и указке.

Боги выбрали лучший способ проучить наглеца и, возможно, дали ему шанс хоть что-то осознать.

Но завтра надо вернуть ему материальность, иначе может быть поздно. Магистр сделал запись в своем воображаемом списке дел на завтра.

Зверь, что пришел в Хандраш, оказался неразумным, он лишь рычал и бился о прутья

клетки, так что никаких сведений о враге получить не удалось. Выхода с Рифа нет, но Райден надеялся, что ученики смогут дожждаться в подземельях помощи. Потому что в его видении было еще одно лицо, внушающее надежду.

Алларис увидел бегущего капитана Дрозда. Но вот вернулся ли он один или смог привести подкрепление, уже не знал. Вернее, не так — сможет ли. Все увиденное лишь предстоит, лишь произойдет в будущем.

Алларис закрыл глаза, слушая мягкую, почти осязаемую тишину наступающего утра. Солнце поднималось над Рифом, согревая побелевшую землю. Золотые лучи гладили ласково, забирались под сомкнутые ресницы, ласкали губы. Совсем скоро полетят над примерзшей травой беспокойные ахои, прозвенит на Башне Ветра пробуждающий колокол и разнесутся голоса учеников — сонные или, напротив, бодрые.

Но пока здесь стелилась тишина, обнимала, обволакивала.

Хорошее утро. Спокойное.

Райден еще постоял, подышал на ладони, согревая, и пошел к башням.

* * *

Элея

Из этого удивительного пузыря я не выходила довольно долго. Сидела, пока вода не остыла окончательно и не начала куда-то утекать. Видимо, здесь тоже было что-то вроде загадочного водопровода, который использовали богачи Пятиземелья. Когда в центре начал образовываться водоворот, засасывающий воду и мою одежду, я торопливо схватила все предметы своего гардероба, выжала их, помялась и вышла из купальни, стараясь держать спину ровно.

Но мои старания оказались напрасными, Шариссара в комнате не было.

Я осмотрелась, вздохнула и открыла его шкаф, надеясь найти какую-нибудь одежду. А что еще мне оставалось делать? Моя высохнет не скоро, а магией, которой можно воспользоваться для ускорения процесса, я не обладала. Так что решила пока позаимствовать чужое. В шкафу нашлись полки с одеждой. Мужской, конечно. Я тронула пальцем бархатистую ткань одной из рубашек. Темно-синяя, без рукавов, с серебряными символами возле горловины. И поневоле представила в ней Шариссара. Наверное, цвет очень идет его глазам и темным волосам...

Я резко убрала ладонь. Внутри меня царило смятение. Злость сплеталась с радостью, наслаждение — с болью. Трудно примирить обиду от его предательства с той непреодолимой тягой к нему, что я испытывала. Любила ли я? Не знаю.

До Белой Башни сказала бы «да». Но что я знаю об этом чувстве? Тогда я ощущала настойчивую потребность быть рядом с ним, доверие и желание. Он был первым, кто сказал мне, кто я, первым... во всем.

Я хотела быть с ним так, что даже смерть оказалась бессильна.

А что я чувствую сейчас?

Я ведь даже не знаю его! За что мне его любить? Не за что... а все равно внутри маетно, тоскливо, тяжело. И хочется уткнуться головой в его плечо, хочется верить, что больше не обидит...

И снова что-то внутри шепчет, что без него, пусть даже такого — злого, жестокого и невыносимого, меня и вовсе не было бы... Осталась бы Искра в Белой Башне, но не я.

Я прикусила губу и со злостью дернула с полки синий бархат, натянула на тело. Почти платье получилось. И почему каждый раз после близости с Шариссаром я остаюсь без одежды?

Вновь потрясла головой, высыхающие волосы упали на спину. Хорошо хоть ботинки сухие остались — подобрала их у ступенек, но обуваться не стала, отставила в сторону.

И куда он ушел?

И что будет, когда вернется?

Закусила губу, безотчетно теребя волосы и вздыхая. Снова обошла комнату, но легче не становилось, напротив — хуже. Разъярившись, я пнула обломок какого-то сундука, села на край кровати и задумалась. После бурного дня неудержимо хотелось спать...

Но, конечно, я не могла уснуть здесь, потому на носочках пробежала через длинный коридор между комнатами, вошла к Незабудке и устроилась на покрывале рядом с сестрой. Сиере что-то снилось, и она улыбалась во сне, а я подумала, что тоже хочу увидеть ее детский сон — простой и безмятежный, без тревог и взрослых мыслей.

Придвинувшись ближе и обняв Сиеру, я закрыла глаза.

Шариссар

Лиария была в черном.

Ее лицо закрывала маска — оскалившаяся морда самой Смерти — жестокой и беспощадной. Черный шелк платья прерывался шипами и колючками, плыл за королевой чернильной темнотой, шлейфом из летучих мышей и пепла. Там, где ступала нога темнейшей, плавился камень, и золотой узор стекал с плит, словно слезы по тем, кто шел на войну. Ее тонкие белые руки, украшенные браслетами с острыми иглами, взметнулись вверх, и зал затих, хотя тише быть уже не могло.

— Передышка закончилась, мои паладины! Достаточно мы ждали! Пришло время, пришел час расплаты и порабощения, пришла пора отплатить за годы войны, за сотни наших солдат, сгнивших в подвалах Светлых, за наши оборванные кровные нити! Я чувствую каждую из них, — белые руки оплелись красной сетью, — каждую держу в руках! И умираю с каждой, что обрывается! — Паладины смотрели на королеву, и в их темных взглядах пылала любовь. Пять десятков стражей — самые сильные и могущественные воины Оххарона — готовы были отдать свои жизни ради прекрасной Лиарии. — Я держу нити каждого из вас! — выкрикнула она. — Я знаю ваши мысли и желания, я чувствую ваш огонь, готовый сокрушить Пятиземелье! Не будет больше слез по ушедшим за грань, не будут плыть в ночном небе оборванные нити, я говорю — довольно! Пора поставить этот мир на колени! Окончательно и навсегда!

— Навсегда! — Рев прокатился по рядам паладинов, открытая ладонь каждого взлетела и ударила в грудь, облаченную черным доспехом.

— Время пришло!

За спиной Лиарии десяток магов устанавливали пространственную арку. Но не привычную всем, с синим заревом между камней, а чуждую, новую. Она тянула друг к другу миры, соединяла их коридором. Между двух черных колонн дрожало зарево красного пламени, словно жерло вулкана. И за вспышками пламени стражи видели другой мир — раскинувшееся на берегу здание, зеленый лес, кусок стены...

Лиария замерла и осмотрела четкие ряды паладинов. Словно всмотрелась в душу каждого.

— Вы готовы отдать жизни, если это потребуется Оххарону?

— Да! — Крик слаженный, вырвавшийся из множества глоток, как из одной.

— Вы готовы умереть ради вашей королевы?

— Да!

— Вы готовы принести мне победу?

— Да!!!

Эхо ударилось о своды Хрустального Замка и затихло.

— Кто поведет нас, темнейшая? — Норт преклонил колено, обращаясь к королеве.

Но ответить она не успела.

— Как обычно, — раздался негромкий голос, — я.

Лиария повернула голову и встретила взгляд Шариссара. И ее не обмануло спокойствие его лица. Это тоже была маска — такая же, как скрывала сейчас облик самой королевы. В черно-синих глазах дарей-рана бушевала ярость. Впервые Лиария видела ее, впервые паладин позволил ей увидеть!

И эта буря была вызвана тем, что его, главнокомандующего армии, в этот зал не позвали. А

дату наступления назначили за его спиной, не поставив в известность Шариссара.

Лиария медленно улыбнулась:

— Не в этот раз, дарей-ран. Твои заслуги и так достаточно велики, и эта битва уже не твоя. Стражей поведет Норт Четырехпалый.

— Вы предлагаете мне остаться во дворце, пока мои стражи будут воевать? — процедил он.

— Да, ты останешься в Оххароне, мой паладин. — Маска на ее лице скрывала глаза, но губы улыбались. — И это приказ, который не обсуждается.

Арка вспыхнула красным и погасла, выстраивая переход в другой мир. Королева взмахнула рукой.

— Когда вы ступите на землю врагов — приказываю: забудьте о жалости и милосердии! Никого не щадите! — выкрикнула она. — Никого! Уничтожьте врагов, сотрите с лица миров ненавистный Хандраш, принесите победу вашей королеве!

— Да будет так! — в один голос отозвались пять десятков глоток.

Шариссар шагнул к арке, наплевав на приказ, но пространство вспыхнуло, откидывая его. Паладин отлетел, перевернулся в воздухе и приземлился на ноги, пригнувшись, как зверь, для прыжка. Обернулся, обнажая удлинившиеся клыки.

— Ты показываешь зубы мне, паладин? — Маска исчезла с лица королевы, и Лиария окинула Шариссара гневным и высокомерным взглядом. — Не слишком ли ты забылся? Кажется, многочисленные заслуги ударили тебе в голову, страж? Ты забыл свое место?

— Пропусти меня в Хандраш, — процедил паладин, не убирая клыки. Ему было наплевать. Уже на все наплевать, он знал лишь, что на Риф двинутся десятки тех, кто не оставит от Академии ни камня. Время текло сквозь пальцы, и он ощущал его бег, каждую песчинку промедления, которая может стоить жизни Леи. — Пропусти, Лиария!

— Зачем? — Ее голос стал обманчиво мягким, ласкающим. — Зачем, страж? Ты свою миссию выполнил. Не переживай, ты хорошо обучил паладинов, и они умеют убивать. Они сотрут с поверхности миров этот Хандраш, растопчут в пыль, разорвут клыками каждого на своем пути... — Лиария почти мурчала, словно довольная кошка, всматриваясь в красные глаза Шариссара. Мгновение, и он оказался рядом, сжал руками горло темнейшей.

Стражи вскинулись, звякнуло оружие, но королева лишь взмахнула рукой, приказывая не двигаться.

— Пропусти меня, Лиария, — прорычал Шариссар. — Не усложняй. Лучше пропусти по-хорошему.

— Не то что? — выдохнула она, прильнув к его рукам. — Что ты мне сделаешь? Ты забыл, кто я, слуга?

Женское тело под его ладонями растаяло, разлетелось стайей каркающих птиц и вновь соткалось в фигуру за его спиной. И новое, теперь белое платье развевалось на ветру, плыло туманом, раскидывалось крыльями. Сейчас она была прекраснее богини.

— Ты глупец, Шариссар! — в голосе темнейшей теперь тоже была ярость. — Ты мог бы получить все в этом мире и в любом из подвластных мне. Ты мог бы получить меня! Но выбрал девчонку из Светлых! Думаешь, я не знаю, для чего ты так стремишься в Хандраш? Надеешься спасти ее?

Паладин сделал к Лиарии шаг, и она вновь растаяла, возникнув за спиной. В красном. В багровом, словно свет сердца, платье. И рассмеялась. Повела ладонью, накрывая их с паладином пологом безмолвия, решив, что эта беседа не предназначена для ушей стражей.

И вновь взглянула на дарей-рана.

— О, ты забавляешь меня, Шариссар! Думаешь, я не знаю тебя? Я знаю. Знаю все порывы твоей души, знаю, каков ты! Я знаю о тебе все! И даже то, какой вопрос ты хотел задать во

Вместилище Тысячи Душ!

Он сдержался от прыжка, вскинул голову, напряженно всматриваясь в женское лицо. Маску, а не лицо, слишком красивое, чтобы быть настоящим. Слишком безупречное, чтобы привлекать. От такого лица хотелось отвернуться.

— Ведь ты желал узнать о своей избраннице, так, слуга? Что делать с пробуждающимися чувствами?

— Я тебе не слуга, Лиария. — Он усмирил свой гнев и теперь стоял спокойно, не делая попытки приблизиться. Лишь насторожено втягивал воздух. — И ты ошибаешься. Со своими чувствами я могу разобраться, не привлекая духов предков. Я задал другой вопрос.

— Задал? — опешила королева.

— Да.

— Но я запретила тебе приближаться к Вместилищу! — Она гневно вскинула голову, разметав белые волосы. Он посмел ослушаться?!

— Я нарушил запрет, Ваше Величество. — По губам Шариссара скользнула усмешка.

— И... какой же вопрос ты задал? — В бесконечной тьме ее глаз мелькнула растерянность. Шариссар слегка улыбнулся.

— Разве вы не догадываетесь, темнейшая? Какой был вопрос? И каков ответ?

Королева замерла, напряженно всматриваясь в лицо, знакомое до малейшей черточки. Сколько раз она смотрела на него? Разглядывала, трогала взглядом. Она знала это лицо. Темносиние глаза, острые скулы, четкую линию подбородка и губ. Тонкий белый шрам, пересекающий уголок рта.

И сейчас на этом лице были эмоции, которых королева никогда не видела. Отвращение и презрение.

— Ты спросил про тот день... — голос Лиарии слегка охрип, а ладони сжались, — про тот день, когда убил Иранту... Ты спросил об этом!

Шариссар молчал, не сводя взгляда с лица Лиарии. Его взгляд прожигал в ней дыры, смотрел в самую душу — если бы в той темноте, чем являлась королева, все еще была душа.

И Лиария дрогнула, отвернулась. Но лишь на миг. Сразу вскинула голову, сверкнув синими глазами.

— Я не собираюсь оправдываться, — высокомерно произнесла она. — Я королева, и мои решения совершенны! Ты был увлечен Ирантой, а это шло вразрез с необходимостью. Твоя боль и ненависть были нужны Оххарону, Шариссар, ты был идеальным источником, и я не могла допустить, чтобы твое сердце полюбило! И мне не жаль, паладин! Оххарон важнее твоих увлечений!

— Вот как, — задумчиво протянул он. — Оххарон. Конечно. Все дело в нем, Лиария. Жаль, что во Вместилище Тысячи Душ можно задать лишь один вопрос, правда?

— К чему ты клонишь? — вскинулась королева. — Ты свой вопрос уже израсходовал!

— Да. — Шариссар склонил голову. — Только я задал другой. Про Иранту я догадывался, но спасибо, что подтвердила мою догадку. Я вспомнил ту ночь, перед убийством. Странная ночь. Острог, полный гостей, там была и ты. Еще не королева. Юная принцесса Лиария, верная подруга моей невесты. Я помню кубок с вином, поданный тобой. Разве мог я отказать наследнице престола? Хотя мне казалось, что я глотаю Тьму... И то, как кружилась голова, когда я вел тебя танцевать...

Он усмехнулся, а Лиария закусил губу. Он не может этого помнить! Не должен. Он не должен помнить того, что там произошло! Это лишь ее воспоминания, ее сокровище, украденное у другой женщины.

— И я помню свои покои. Красный бархат покрывала. Знаешь, много лет я думал, что мне

это приснилось. И лишь после того, как вернулся из Хандраш, я действительно начал вспоминать, словно Тьма развеялась... Это был не сон, вряд ли мое сознание породило бы подобное. — Его взгляд стал задумчивым, а Лиария сжала горло, чувствуя, что ей не хватает воздуха. Он помнил. Все, что было между ними! То, что она... позволила. О чем просила. Не просила, вымаливала! Ту ночь, что она вспоминает с горечью и сладким томлением, с болью и наслаждением!

— Ты не можешь помнить! Не должен!

— Потому что ты позаботилась о моей памяти, верно? — Она не поняла, что было в голосе паладина, но захотела попятиться. А еще лучше сбежать в свои покои и закрыть двери на засов. Шариссар не двигался, лишь смотрел, но в этом взгляде были все его мысли. — Ты что-то подлила мне в ту ночь. Небольшое преступление, наверное. Если бы не одно «но». Ты заставила меня не только... быть с тобой. Ты заставила убить Иранту. Разорвать ее собственными руками, загрызть...

Он чуть склонил голову, словно увидел перед собой нечто занятное, хоть и отвратительное. Пожалуй, так смотрят на выставочных уродцев.

— Ты заставила меня ненавидеть, Лиария... Себя. Истово. Болезненно. Бесконечно долгие годы. Я давно забыл, что такое человечность или жалость. Забыл, что такое просто жить... Я искал войны, как искупления, считая себя недостойным обычной человеческой жизни или чувств. — Он покачал головой.

Королева обхватила себя руками, всматриваясь в глаза стоящего напротив мужчины. И внезапно почувствовала страх. Как давно ей неведомо это чувство? Сколько лет назад она уверилась в собственном могуществе и безнаказанности настолько, что перестала бояться?

И потому сейчас, глядя в черно-синие глаза паладина, Лиария ощутила безотчетное желание отступить и спрятаться. Потому что из его глаз на нее смотрела смерть. Губы Шариссара слегка улыбались, но улыбка эта была пугающей, жесткой, словно хищник равнодушно наблюдал агонию добычи. Лиария тряхнула головой, рассыпав по плечам белоснежные волосы. Она никогда не была добычей! Она королева!

— Какой вопрос ты задал Духам Предков? — резко бросила она. — Какой?

Шариссар чуть улыбнулся.

— Не думаю, что должен отвечать, Ваше Величество.

— Ты нарушил мой приказ! — прошипела Лиария, пряча за гневом страх. Что-то изменилось безвозвратно. Сердце Оххарона билось по-другому, и Лиария уже не владела его силой. Сердце больше не желало ей подчиняться. И этот мужчина, что стоял перед ней... Сейчас, как никогда ранее, она осознала, что никогда он не станет ее. Сколько веков бы ни прошло — не станет. И это осознание породило в ней ненависть, равной которой она раньше не знала. Темнейшая не умела прощать и не признавала полутонов.

Она приблизилась, облизала губы.

— И более того, паладин, ты поднял руку на свою повелительницу! Ты заслужил смерти! И поверь, она будет мучительной! А я создам новый источник, сильнее твоего никчемного и глупого сердца! — Лиария подняла ладони: — Клетка!

Он отпрыгнул в сторону так быстро, что возникшие из воздуха прутья поймали пустое место там, где еще мгновение назад был паладин.

— Взять его! — Лиария раскинула ладони, призывая своих слуг. Крылатые чудовища, что охраняли Башню Сердца, восторженно, скинули с изогнутых шей каменную крошку и бросились вниз, разева в мертвом оскале пасти. Их изодранные и полуистлевшие крылья хлопали на ветру рваными парусами, с желтых клыков слетала труха, а с подранной шкуры — пыль. Но их вид был обманчив, и Шариссар знал, что эти бессмертные чудовища опаснее

стражей с клинками.

Хотя и стражи уже задвигались, повинаясь приказу королевы. Слегка растерялись, понимая, кого им приказано «взять», но послушаться не смогли. Первую атаку крылатой твари Шариссар отбил клинком, вторую — уже выпущенными когтями. Принять боевую форму при королеве, во дворце — прямой вызов и неминуемый приговор. Смертельный. Но только так у него был шанс уйти. Стражи обернуться не рискнули, а значит, у паладина была эта возможность...

Если была.

Шариссар подпрыгнул, развернулся и ударил, сметая сразу трех стражей, превратившись в зверя и не позволяя себе эмоций. Он лишь знал, что обязан выбраться. Обязан выжить, обязан добраться до Хандраш и обязан спасти Лею. Плевать, что она его ненавидит. Плевать, что никогда не примет. Плевать, что он сойдет с ума от тоски по ней.

Не важно.

Лишь бы жила. Лишь бы знать, что где-то в огромном мироздании она есть.

Еще один удар. Отбиваться приходилось сразу на всех фронтах — сверху пикировали мертвые твари, внизу — стражи.

Удар, поворот, прыжок. Еще. Удар, прыжок, удар. Отклониться, сбить, разодрать, впиться клыками. Не заметить разрез на шкуре, это ерунда. Отклониться. Подпустить ближе. Еще ближе. Ударить. Разорвать когтями чужую грудь, вместе с кожаной пархой, добраться до самого сердца. Хорошо, что тела стражей не защищены металлом, было бы сложнее.

Пригнуться.

Оторвать голову напавшей сверху твари. Не заметить обожженное когтями плечо...

Ударить!

Он пробивался к выходу, но не туда, где белели ступени, что вели в парк, а к витражному окну, зная, что так ближе, быстрее и надежнее. Ему ли не знать самые уязвимые точки этого замка?

— Обернуться! — Выдох-возглас темнейшей Шариссар услышал и рыкнул насмешливо. Лиария решила лишить его преимущества? Что ж, она не глупа. На мрамор пола полетели остатки одежды стражей, что торопливо меняли форму, оглашая зал рычанием. Значит, убираться из дворца нужно как можно скорее, стражей было слишком много. Они окружали, на лету оборачивались, бросались... скоро кто-то догадается воспользоваться сетью.

И стоило Шариссару об этом подумать, как слух уловил тихий свист. Он резко упал, перекатился, подминая под себя одну из летающих тварей, сбивая своим телом нападающих. Подставился, получил еще один удар когтями, но от брошенной сети спасся.

И рванул к проему окна, понимая, что если не уйдет сейчас, то будет поздно: вместо одной в воздух взлетит уже десяток сетей. Отшвырнул сразу троих, раскидал, не останавливаясь ни на миг, и когда снова услышал свист сетей — распахнул крылья, пролетел оставшееся расстояние и вывалился в окно, оставив за спиной рев и вопли.

Форму сменил в полете, и на каменную дорожку приземлился уже черный зверь, созданный не для битвы, а для бега.

Рванул не к выходу, где его наверняка будут ждать, а в глубь парка, за тенистые беседки и орхидеи, за изящные хрустальные водопады, в глубину, где темнел грот, увитый плющом. В его сырое и тихое нутро Шариссар вкатился черным клубком и, не останавливаясь, нырнул в неподвижное, как стекло, озеро. И уже в воде снова изменился, становясь человеком, поплыл, делая сильные и мощные гребки, легко ориентируясь в черном пространстве, где не было света и направления.

Но Шариссар знал, куда двигаться, не зря он был дарей-раном. Ведь он лично проверял все подступы ко дворцу и эту подземную реку тоже проплывал самостоятельно. Она вела к

каменному туннелю, а оттуда — наверх. Главное, чтобы хватило дыхания, чтобы не закончился воздух в груди, которая уже горит огнем, и кажется, что разбухает в этой тьме и длинном, заполненном водой коридоре, что все не заканчивался...

Шариссар вынырнул с яростным вздохом, втянул воздух и на миг откинул голову, приходя в себя.

Позволил себе несколько вдохов и вновь поплыл, спеша выбраться на поверхность раньше стражей. Конечно, об этом пути почти никто не знал, но у королевы в руках нить его жизни... Он уже сейчас ощущал ее зов, настойчивый приказ, что сковывал его тело, заставляя вернуться. Но паладин лишь сжал зубы, не позволяя себе слушать. Даже если Лиария оборвет его кровную нить, он продержится достаточно, чтобы помочь Лее. И это сейчас самое главное... Лишь полное уничтожение сердца убьет его мгновенно, но вряд ли темнейшая решится на это так скоро. Все же прежде она должна найти замену и подготовить новый источник.

Никто во всем Оххароне не знал, чье сердце бьется на башне дворца. Да это было и не важно: после ужасающего ритуала изъятия сердце больше не принадлежало паладину. Оно билось благодаря магии и питало черной силой Оххарон.

Шариссар помнил ту ночь... Черную ночь, когда Звезда Мрака сомкнула свои лепестки, словно не желая освещать самую высокую башню Оххарона. Он помнил тело Иранты на своих руках, как он укачивал ее, воя от чувства потери. Как проклинал себя за то, что не смог сдержать обращение, что убил... Помнил, как его окружили и потребовали идти за ним. Он думал — для наказания за убийство и был готов его понести. Ни убегать, ни отрицать Шариссар не собирался. Его не пугали рудники, куда отправляли таких, как он, — после рабства его уже ничего не пугало.

Он не понял, почему вместо каменной ямы оказался на площадке, откуда был виден весь город. На той, где не был никто из оххаронцев, той, куда не прийти без зова повелительницы их мира. И почему к нему вышла принцесса Лиария, которую он знал с детства. Все же Шариссар был наследником чистой крови и не раз посещал Двор.

Иранта и Лиария — две подруги, две противоположности. И сейчас Лиария смотрела на него так странно, осматривала, подолгу задерживая взгляд на его теле, улыбалась. Так же принцесса смотрела на свои приобретения, на дорогие наряды или драгоценности.

— Твои глаза горят от ненависти, Шариссар, — вместо приветствия сказала принцесса. — От боли. Твое сердце разрывается от этих чувств! Я помогу тебе. Я спасу тебя...

Тогда он сказал «нет». Но принцесса лишь снова улыбнулась.

А дальше... Боль. Бесконечная, яростная, огненная. Сила, что приковала его к каменной чаше, наполненной кровью. Песнь юной принцессы, что ткала из Тьмы клетку для его сердца. Тысячи нитей, что она собирала и сплетала в багровый капкан, чтобы в центр поместить новый источник...

В ту ночь он узнал великую тайну Оххарона и то, откуда они черпают силу. Узнал, потому что стал частью этой тайны.

И осталась внутри пустота... Его сердце теперь стучало отдельно от него. Оно навек застыло в самой сильной своей эмоции, и полилась с башни черная сила, озарила багровым светом.

Лиария тогда улыбалась, льнула к нему, целовала. Что-то шептала, но он не слушал. Лежал, глядя в черное небо, пытаясь дышать. Оттолкнул руки темнейшей, не желая ее прикосновений. С трудом встал, пошатываясь. Лиария улыбалась торжествующе, но под его взглядом улыбка растаяла, а сама принцесса отступила со страхом.

Как смог уйти — помнил смутно. Но ушел.

В ту ночь ушел. А потом... была лишь война. Такая же бесконечная, как черная сила его

сердца.

...вода закончилась, и он выполз на берег озерца. Хрустальный Замок виднелся слева, над шпилями сверкали алые молнии — значит, королева была в ярости.

Отдыхать Шариссар не стал, поднялся сразу, чутко вслушиваясь в звуки синеющего впереди леса. Но было тихо. Значит, он успел, опередил стражей!

Теперь главное — добраться до Вместилища Тысячи Душ и задать вопрос. Потому что Шариссар обманул: он не был у Духов. Теперь он знал многие ответы и без них. Лиария ответила сама, да и его память освободилась от Тьмы, что наложила темнейшая.

Сейчас Шариссара интересовал лишь один вопрос: как попасть в Хандраш. Встряхнувшись, Шариссар уже хотел сменить облик, чтобы понестись вперед, сливая пространство в одно размытое пятно, ускоряясь и ускоряясь... Но не успел, потому что земля дрогнула, а трава стала стремительно покрываться инеем. Белая изморозь поползла во все стороны, сковывая почву, заключая деревья и кустарники в ледяные панцири, грозя заморозить весь мир.

И в воздухе уже дрожало белое марево — картина того, что пробивалось сквозь пространство и время.

Баланс был нарушен. Миры соприкоснулись. Темные маги открыли переход или сам Оххарон слишком приблизился к Пятиземелью и стал врезаться в него, словно острый клинок, нарушая ткань пространства, но этот миг настал. И Шариссар, коротко зарывав, бросился в стену между мирами, возблагодарив Мрак, что дал ему очередной ответ...

Элея

— Лея! Ух ты, я так рада, что ты пришла! — С воплем Незабудка повисла у меня на шее, обнимая руками и ногами, словно обезьяна — дерево. — Леяяяя!!!

Я смеялась, прижимая к себе сестренку и покрывая поцелуями ее макушку и щеки.

— Я тоже ужасно соскучилась, крошка. Но где это мы?

— Это Мир Грез, — важно сказала девочка. — Это мой сон, Лея! И я так рада, что ты мне приснилась!

— Я не приснилась, я на самом деле пришла. — Я рассеянно осмотрелась. Мы плыли на лодке посреди удивительного моря, полного разнообразных существ — ярких и, что самое странное, улыбающихся. Выглядело это занятно — какой-нибудь толстый фиолетовый осьминог всплывал на поверхность, улыбался и погружался обратно. Я хмыкнула. Судя по всему, это был сон Незабудки: я даже заметила на небе лошадку, сложенную из желтых звезд, как в той сказке, что я ей когда-то рассказывала.

— Конечно, снишься, — возразила сестра, удобнее устраиваясь на подушке. — Как и фея Сейна. Ты ее, наверное, испугала, потому что она ушла. Но велела оставить тебе послание!

— О ком ты говоришь?

— О фее! Хотя она и не соглашается. Помнишь, я тебе о ней рассказывала? Фея Сейна!

— Опять твои выдумки, — с улыбкой вздохнула я.

Несмотря на сказочное море, надо было уходить отсюда.

На сердце было беспокойно, тяжело. И ещё Шариссар... Надо с ним поговорить. Не знаю, что я ему скажу, но поговорить надо!

— Не выдумки! Она приходит ко мне во сне, я ведь говорила!

— Да-да, фея, которая улыбается, как я, — хмыкнула, осматриваясь в поисках весла. Но ничего подобного в лодке не было, только корзина с малиной, которую Сиера обожала. И берега тоже незаметно — это море казалось бесконечным.

— Раз ты мне не веришь, я не буду рассказывать, что она велела передать, — надулась Незабудка.

Я потерла грудь. Внутри жгло и болело, и я нахмурилась. Что со мной? Или это... беспокойство за Шариссара? Я сглотнула вязкую слюну, зачерпнула воды, чтобы умыть горящее лицо. Но капли звякнули в ладони разноцветными шариками, не принеся мне прохлады и успокоения. Мир Грез... ненастоящий.

— Милая, надо возвращаться. Еще понять бы как...

— Ты меня не слушаешь, Лея!

Незабудка поджала губы, сложила руки на груди и обиженно отвернулась. Звезды чуть потускнели на небе, а золотые рыбешки ушли в глубину, ударив по воде хвостами. Мир девочки тоже обиделся.

— Сейчас не до твоих сказок, Сиера. — Я вновь потерла грудь. Жжение усилилось, словно меня выжигали изнутри. И волнение уже сжимало горло, не давая дышать. Проклятье! Я действительно переживала за Темного. И еще за магистра Райдена. И за своих друзей! — Мне кажется, что-то случилось. В реальности. В Хандраш или... в Оххароне. Сколько времени мы уже здесь?

Я беспокойно осмотрелась. На море подул ветерок, нагоняющий волну и качнувший нашу

лодочку. Я же лихорадочно пыталась вспомнить что-то о Мире Грез. Здесь время идет так же, как в реальности? Или нет?

— Сиера, надо вернуться! Только вот как? Раз это твой сон, то ты должна проснуться!

— Не хочу. — Незабудка на меня не смотрела. — Мне и тут хорошо!

Звезды исчезли, небо затянулось тяжелыми темными тучами. Ветер усилился и теперь мотал нашу лодочку из стороны в сторону, волна хлестко ударяла о бок.

— Сиера, прекрати это!

— Я ничего не делаю! — растерялась сестра. Я ухватила за края, потому что раскачивало все сильнее. Корзина с малиной перевернулась, ягоды рассыпались по дну.

Если это не вина Незабудки, то, может, моя? Мое беспокойство изменило этот мир? Боги! Как может настроение одного человека поменять мир? Бред!

Но непогода усиливалась, и, похоже, в этом сказочном море начинался шторм. Я в отчаянии встала на колени перед сестрой, схватила ее ладошку.

— Милая, нам надо вернуться. Давай ты быстро расскажешь мне свой сон, и мы попытаемся отсюда выбраться. Хорошо?

Сестра скосила на меня хитрые глаза и вздохнула:

— Ну ладно! А то у меня там щенки и дух-наставник. Он обещал мне рассказать про ящеров! И море мне надоело, теперь я хочу крылья!

— Щенки и дух? — изумилась я.

— У него ужасно трудное имя, — Незабудка важно махнула рукой, — но про него я тебе расскажу потом! Сейна сказала... — Она нахмурила лобик так, что между бровками залегла складочка, придавая малышке до смешного серьезный вид, — что Тьму можно победить любовью. Что надо собрать всю любовь, что только сможешь найти, и тогда темнота отступит, потому что вспыхнет новая звезда на земле. Вот!

Я вздохнула. Моя маленькая сестренка всегда любила сказки и волшебные истории, а в них вечно говорится что-то подобное. Вот и придумала фею Сейну с ее напутствиями.

— Ты мне не веришь?

— Ну конечно, верю! — Эх, а сама говорю, что врать нехорошо! Ветер уже раскачивал лодчонку так, что борта почти черпали воду. Интересно, в этой хрустальной воде можно утонуть? И что будет, если лодка перевернется? Проверять почему-то не хотелось... — А теперь, милая, просыпайся! Ну же, хорошая моя, ты ведь сама сказала, что там щенки... и еще этот... который расскажет про ящеров! Просыпайся, Незабудка, просыпайся...

Наверху что-то загудело, завыло, тучи понеслись черными воронами, и особо сильная волна ударила в бок лодки, переворачивая ее. Я лишь успела сгрести в охапку Незабудку и полетела в бурлящее море. Глотнуть воздух уже не успела...

...и поэтому шумный вдох сделала уже лежа на кровати.

— Лея, ты меня задушишь! — сонно пробубнила Сиера и распахнула глаза. — Лея! Это правда ты? Ты не исчезнешь?

— Ни за что! — Я чмокнула сестру в макушку и скатилась с покрывала. За окном был яркий день, значит, мы провели в Мире Грез всю ночь. — Милая, живо одевайся!

— Не успела появиться, как начала командовать, — проворчала Незабудка, сползая с кровати. — Когда я уже вырасту? Надоело, что все командуют! Вот стану взрослой и сама буду всеми командовать, а других слушать не буду, понятно?

— Сначала стань, — хмыкнула я, прислушиваясь к себе. Беспокойство никуда не делось... — И хватит копать, где твои вещи?

— Ты приказываешь, как Шариссар-Рей! — буркнула сестра, натягивая штанишки. Я коротко выдохнула и замолчала.

— Он тебя не обижал? — спросила осторожно.

— Не-а. Он хороший. Хотя сначала я думала, что плохой.

Я пробормотала что-то невнятное на это заявление. В коридоре прошелестели шаги, и дверь открылась.

— А вот и он, похоже...

Но вошел не паладин, а незнакомый парень — огромный, русоволосый и похожий на медведя. И он уставился на нас так, словно увидел привидение. Даже рот открыл.

— Светлой Искры, — вежливо сказала я.

— Ты неправильно здороваешься, — поправила Незабудка, — надо говорить «Смилуйся над тобой Милосердный Мрак и укрой от невзгод Тьма!» Здорово, правда? Так длинно и непонятно!

— Где Шариссар? — чуть нервно выдала я, потому что парень так и пялился на нас.

— Вы откуда тут взялись? — вдруг рявкнул он. — Не было же никого! Я смотрел — не было! Даже под кроватью искал!

— Ну, не было, теперь вот есть, — буркнула я. — Так где Шариссар? Ты не мог бы его позвать?

Парень перевел взгляд с меня на Незабудку и обратно.

— Сестра, что ли? Та самая, о которой эта попрыгунья всем уши прожужжала? — Он хитро улыбнулся и шагнул ближе, рассматривая меня с интересом. И вдруг вздохнул, моргнул, побледнел и отошел подальше. — Простите, не знал, что вы его пара, — пробубнил он. — Я — Айк. То есть Акариорий Неостан, младший пан-рей в гильдии дарей-рана и личный оруженосец!

— Я ничего не поняла, — махнула рукой, с опаской рассматривая этого пан-рея. — И запомнила только Айк, прости, пожалуйста. Но мне срочно нужно увидеть...

— ...господина и вашу пару! — с готовностью отозвался он и замер. — Только как же... он ведь ушел. В арку. В военной пархе, значит, отправился на границу... И сказал, что вернется в Острог не скоро. Он сказал... что здесь ему больше нечего делать.

— Когда это было?

— Так прошлой ночью!

Я с размаху села на край кровати. Прошлой ночью?! Боги! Мы что, провели в Мире Грез так много времени?

Беспокойство вновь сжало грудь. Значит, Шариссар решил, что я ушла и Незабудку забрала. Я действительно ушла, но ненадолго ведь! Я и сама не понимаю, как мы с сестрой ходим по этим мирам, то в Отражение проваливаемся, то в Мир Грез!

А Шариссар ушел. Куда? И где мне его теперь искать?

«А зачем его искать? — шепнул вредный голос внутри меня. — Возвращайся в Хандраш и радуйся».

«Не могу, — упрямо буркнула я этому голосу. — К тому же метка все еще на мне! И он снова меня позовет!»

«Больше не позовет, — ответил все тот же голос. — Разве ты не поняла? Он ушел и больше не позовет».

— Не позовет? — пробормотала я сама себе. И этот вопрос отозвался внутри болью. Боги! Как же тяжело разобраться с собственной душой! Почему в ней все так сложно и непонятно? Я хотела, чтобы он меня отпустил, а когда Шариссар ушел — расстраиваюсь до слез.

— Ээээ, с вами все в порядке? — Айк смотрел на меня с подозрением.

— Слушай, Айк, а вот эта... метка зверя. Что будет, если пара не откликнется на зов? Если... не захочет быть с тем, кто ее пометил?

Айк поднял голову, и взгляд мужчины стал презрительнохолодным.

— А вы зачем спрашиваете? — резко бросил он. — Плохо будет. Тому, кто зовет. Больно.

Говорят, со временем проходит, отпускает, только на это десятилетия уходят. Может, и жизни не хватит, чтобы отпустило. Метка зверя — это серьезно, это значит — навсегда. Значит, что все другие будут вызывать лишь отвращение и неприязнь. А если метка подтверждена человеческой ипостасью, то совсем плохо. Тут и жизни не хватит, чтобы болеть перестало! Ясно? Но вы ведь просто так спрашиваете? Потому что на вас метка двойная — и зверя, и человека. Инстинктом выбирает первый. Разумом и сердцем — второй.

— Пресветлая Искра. — Я сжала виски ладонями. Противный голос внутри убеждал уйти, оставить все как есть, радоваться, но я велела ему замолчать. И решительно поднялась. — Мне надо его найти, Айк. Обязательно! Ты поможешь мне?

Он пытливо всмотрелся в мое лицо, и холод ушел из ореховых глаз парня.

— Попытаюсь, — кивнул Айк. — Только вот одежду вам бы сменить. А то парадная рубаха господина вам, конечно, к лицу, но как-то... не к месту.

Я покраснела и умчалась к проходу в стене, что вел в покои Шариссара. Тут никого не было, и я тихо вздохнула, обходя комнату. Постояла, рассматривая прозрачный пузырь. В нем снова была вода, только холодная. Как регулируется ее подача, я так и не поняла. Постояла, прислонившись лбом к стене. Мне бы передышку, чтобы подумать, но времени не было. Поэтому я лишь торопливо натянула вещи и вернулась к Незабудке.

— Главный проводник отправился с господином, но у нас есть ученик, — сказал Айк. — Он поставит для вас арку по следу предыдущей.

— Арка — это что-то вроде портала? — спросила я, вертя головой.

— Не знаю, что такое портал, но арка сжимает пространство до нескольких шагов, — пояснил парень. — Войдешь здесь, а выйдешь уже на границе.

— На границе?

— Ну, господин собирался туда. — Айк поскреб подбородок. — А вот куда ушел, только Мрак и знает.

Я сжала ладошку Незабудки, и мы спустились по винтовой лестнице, прошли через круглый зал и подошли к двери. Айк толкнул ее, и меня ослепил яркий солнечный свет. Я сделала несколько шагов и замерла, моргая. И непроизвольно попятилась назад.

— О Боги...

— Всего лишь оххаронцы, — лукаво хмыкнул Айк.

Я не ответила, потому что на красной брусчатке внутри крепостной стены упражнялись со сверкающими лезвиями два десятка мужчин. Обнаженные по пояс и босые, они казались отлитыми из бронзы, их тела блестели в лучах полуденного солнца. Они двигались, и их движения казались смертоносным танцем — притягательно красивым и опасным. Они перемещались так быстро, сходясь в атаках и нападая, что лезвия чертили в воздухе сверкающие линии и фигуры.

— Сам господин обучал, — с гордостью поведал мне Айк, а я вздохнула. Потому что невольно подумала, что будет с Хандраш, если туда придет такая сила? Что мы сможем им противопоставить? Цветы лиоль? И вновь застонала от отчаяния. Надо найти Шариссара и поговорить с ним. Что-то сказать... не знаю что!

Боги, да я должна умолять, чтобы он пощадил Хандраш! Или это не в его власти? Я ведь понятия не имела, насколько Шариссар важная фигура в Оххароне. Кто он вообще такой?

Я закусила губу, чуть не плача и глядя на великолепные тела, на которых блестели блики света. Порыв ветра взметнул мне волосы, которые я так и не завязала — ленты не нашла, и две сложенные шеренги воинов вдруг разом выдохнули, развернулись и уставились в нашу сторону.

— Проклятие! — прошипел Айк. — Зря я тебя сюда вывел...

— Почему?

— Ты вкусно пахнешь для нас.

— Не останавливаться! — Над шеренгами взлетел кнут, в воздухе вспыхнул, становясь огненным и обрушиваясь на мощные спины. — Продолжать!

Воины развернулись, но было видно, что с трудом — лица то и дело поворачивались в мою сторону.

— Не переживай, на тебе метка, — шепнул мне Айк. — Никто не посмеет тронуть. Без нее я не смог бы тебя защитить, уж прости, у нас — кто сильнее, тот и сверху... Хм, то есть тот и прав. Так что скажи спасибо господину!

— Скажу, — сердито буркнула я, по стеночке отползая подальше от десятков мужчин и их плотоядных взглядов. — Как только увижу. Так что давай уже пойдем к этой вашей... арке!

— Так мы и идем! Какая ты нетерпеливая, прямо как твоя сестренка! И откуда вы такие взялись? — хмыкнул Айк.

Но пойти мы никуда не успели, потому что земля дрогнула и по красному камню пополз белый иней, изморозью сковывая двор.

— Это еще что?! — изумился парень еще не испуганно, а просто удивленно. — Никогда такого не видел!

— А я видела, — прошептала, чувствуя нарастающий внутри ужас. Поздно. Уже все слишком поздно! — Это грани миров. Они соприкоснулись... Кажется, сейчас ты увидишь, откуда мы взялись!

* * *

Чер Лерой

Чер Лерой нервничал, и ар-нори бились под кожей, норовя соскользнуть с пальцев и защитить хозяина. Магистр удержал их вновь и с беспокойством посмотрел на запертую дверь.

Арамир привел его в какое-то странное место, круглое и сырое, слишком сильно похожее на темницу. Оставил, велел не высовываться, и ушел. И не появлялся до сего дня, лишь подсовывал под дверь лепешки. Вода стояла в ведре, так что от жажды маг не умирал, только волновался с каждой минутой все сильнее.

Может, зря он доверился парню?

Ведь видел, как покорен он королеве и как выстудила Тьма голубые глаза юноши. Может, все лишь уловка? Хотя и смысла в подобном Лерой не видел: он и так был пленником, так зачем его прятать?

Маг дожевал кусок сухой лепешки.

Где сейчас Сейна? Он так соскучился... И сразу перед глазами встали лица дочерей, столь похожие на темную принцессу. Одно еще детское, второе уже взрослое, хоть и юное...

— Надо отомстить. — Лерой уже привычно потер грудь. — И станет легче. Хоть немного...

В тишине подземелья раздались тихие шаги, и маг насторожился.

— Магистр, это я. — Шепот Арамира заставил Лероя вздохнуть. Замок скрипнул, открываясь и впуская парня. Маг осмотрел его с подозрением. Показалось или правда в глазах юноши стужи стало больше? — Идемте, — сипло прошептал Арамир. — Я провожу вас.

— Куда?

— К Сердцу. Вам понадобятся все ваши умения, магистр! Никто не может подняться на башню без зова Лиарии! Понимаете? Вам придется это преодолеть. Я не знаю как. Но другого пути нет! Надо уничтожить Сердце! Вы сделаете это?

— Я сделаю все, что в моих силах. — Магистр решительно шагнул к двери, накидывая на голову капюшон. — И не пожалею жизни, чтобы осуществить задуманное.

— Хорошо. — Арамир чуть слышно вздохнул и помедлил. — Надо торопиться. Нам повезло, что королева убеждена в своей безграничной власти. Она держит в руках жизни всех своих подданных, поэтому никто и никогда ей не перечит. А безнаказанность ведет к излишнему сомнению. — Арамир довольно хмыкнул. — Она уверена, что все контролирует.

— Но в тебе действительно Тьма, — осторожно сказал магистр, косясь на парня. Они вышли из каменного мешка и теперь двигались вдоль сырых, покрытых плесенью стен в узком пространстве подземелья. Похоже, раньше здесь была тюрьма или кельи, но по какой-то причине эту часть дворца забросили. Сейчас здесь было тихо и весьма холодно, воздух пах гнилью и затхлостью. Идти пришлось друг за другом, настолько узким оказался проход.

— Я знаю. — Арамир поднял выше факел. — И какое-то время, проведенное здесь, я почти не осознавал себя. А потом что-то изменилось. Словно та темнота, что вдохнула в меня Лиария, посветлела. И я стал понимать... и вспоминать. Себя, семью, друзей. Все, что когда-то любил. Ко мне вернулся Свет, понимаете, магистр? Хотя и Тьмы так много... — Его голос упал до шепота, и парень вдруг резко обернулся. Лерой отшатнулся, напряженно всматриваясь в застывшее лицо. — Вы должны уничтожить Сердце, магистр! — жестко сказал Арамир. — Я борюсь с Тьмой. Я борюсь изо всех сил! Но она так сильна... Я не уверен, что у меня хватит воли... Поэтому надо торопиться. Пока я помню о том, кто я. Пока...

Он не договорил, но Лерой и так понял. И кивнул, стараясь не показать парню своей жалости. Такие сильные и светлые люди, как Арамир, заслуживают не жалость, они достойны уважения.

— Не будем медлить, Арамир, — кивнул магистр. — И знаешь... Твоя сестра, Полина, она сейчас в Хандраш. У девушки обнаружились сильные целительские способности. Ты можешь ею гордиться! Так же, как она наверняка гордится тобой.

Стужа на миг пропала из глаз парня, и они стали ярко-голубыми и лучистыми, а лицо озарилось улыбкой. Но уже через минуту изморозь вновь оплела виски.

— Спасибо, — прошептал юноша и резко повернулся, шагнул вперед. — Поторопимся.

Они двинулись сквозь тесное и затхлое нутро подземелья, почти задевая плечами стены и пачкая ладони. Кое-где приходилось даже протискиваться боком, настолько мало места было в проходе.

— Это потайной ход внутри дворца, — прохрипел Арамир. С его ростом и широкими плечами ему приходилось проталкивать себя между стен. — Повезло, что меня никто не контролирует. Лиария думает, что ее игрушки полностью подчинены. Я видел, как королева открывает дверь, и запомнил. Этот дворец лишь сверху хрустальный и блестящий, а внутри изрыт ходами и тайниками, словно муравейник. Если я все понял правильно... Этот ход приведет нас к верхнему ярусу.

— Там есть стража? — Лерой брезгливо отдернул ногу от какого-то месива — кажется, тут сдохло животное. Может, крыса? Хотя останки размером с собаку. Не хотелось бы повстречать живых собратьев этого трупа!

— Да, и я постараюсь их отвлечь. Вам надо подняться на башню, магистр.

— Я смогу. — Наклонный пандус, по которому они шли, резко пошел вверх, и Лерой подобрал подол.

Какое-то время шли молча, чтобы сберечь силы и дыхание, потому что пробираться по туннелю становилось все сложнее. Два раза пришлось ползти на брюхе, ощущая себя сожранным каким-то животным и блуждающим по его кишкам. Но наверху стало легче, проход расширился, и Светлые вздохнули свободнее.

— Здесь выход. — Арамир остановился у низкой двери и крепче сжал клинок, что все время держал в руке. Погасил факел. — Да пребудет с нами Искра, магистр, — прошептал он, выбивая створку.

Лерой выскочил, развел руки, готовясь выпустить ар-нори, но на галерее никого не оказалось. Переведя дыхание и успокоив мечущееся сердце, он повернулся к Арамиру и застыл. Парень стоял, сжав виски ладонями, снежный рисунок оплетал его лицо почти полностью.

— Нам туда, — сквозь зубы прошептал он, встряхиваясь.

Озираясь и прислушиваясь, Светлые бросились по галерее к хрустальной лестнице, что высилась в центре. Лерой старался не вертеть головой, хотя от величия и холодной красоты этого места замирало сердце. Здесь не было потолка, только стены — полупрозрачные, дымные, внутри которых текли прожилки багровой крови. Словно сам этот дворец был живым — дышащим и мыслящим, с насмешкой наблюдающим за людишками, бегущими мимо.

Магистр потряс головой, выбрасывая эти мысли. Переход оказался огромным, он успел запыхаться, пока они добрались до лестницы.

— Вам наверх, — указал Арамир.

— А ты?

— Я не могу. Тьма не пускает, — прошипел парень. — Я пытался. Но, видимо, те, в ком есть Тьма или кого связывает кровная нить, не могут туда пройти без зова королевы. У вас же должно получиться, магистр Лерой! Должно!

Последние слова он почти выкрикнул, и маг не удержался, порывисто шагнул к парню и на миг обнял.

— Ты молодец, Арамир Отважное Сердце и Светлый Разум. И от имени Хандраш я даю тебе эти имена.

— Благодарю, магистр Лерой, — прошептал парень. — Это честь для меня и моего рода.

— Это для меня честь познакомиться с тобой, — тихо ответил маг и поставил ногу на первую ступеньку. — Честь для всего ковена Искры.

Он отодвинулся от парня в тот момент, когда замок тряхнуло первый раз. Арамир вскинулся, оборачиваясь:

— Что это?!

И тут дворец затрясся с удвоенной силой, а внутри резко похолодало.

— Грани пространств! — выкрикнул Лерой. — Грани соприкоснулись! Помоги нам Боги! Началось...

Он развернулся и рванул к лестнице в тот момент, когда на галерее появились стражи. Похоже, их все-таки заметили. Арамир с недоброй улыбкой поднял свой клинок, а Лерой ступил на хрусталь. Прощаться с парнем он не стал: перед боем прощаться не принято. Он просто сделал первый шаг...

И галерея пропала, ее затянуло темнотой так, что больше Лерой не видел и не слышал Арамира и стражей дворца. Теперь он смотрел лишь наверх, туда, откуда лился багровый свет.

Первые три ступеньки он одолел легко, а вот на четвертой началось.

Сначала навалился страх. Жуткий, темный, бесконечный... Лерой трясся от ужаса, покрывался потом и скрипел зубами, он никогда в жизни не боялся сильнее и глубиннее. Все его нутро восставало против шагов по этой лестнице. Хотелось упасть, сжаться в комок и зарыдать, как в детстве! И чтобы поднять ногу, пришлось приложить невероятное усилие! Он вызывал перед глазами лицо Сейны, но она отворачивалась.

Снова шаг.

Злоба. Жуткая, дикая, отравляющая, словно яд. Он злился на всех: на Аллариса, что отвернулся от Лероя и не смог понять. Сейну, что не смогла выбраться из плена своей сестры. На

дочерей. Почему они погибли? Почему оказались так слабы, что позволили себя убить? Почему? Они все предатели, все! И он злился дико, трясаясь от этого разъедающего чувства!

Ноги словно каменные.

Ступенька. Ненависть.

Еще шаг — боль. Потом сомнения. Уныние. Тоска...

Ступень... Еще. И снова.

Магистр уже не шел — полз, все выше и выше по бесконечной лестнице, что пыталась его. Каждый шаг поднимал в душе все самое темное и дурное, будило неведомых монстров, что обитали где-то во тьме его сердца. Но он не сдавался. Не позволял себе раствориться в этих чувствах, не давал им завладеть собой. Он боролся с собой — изо всех сил, истово, и он побеждал! Потому что ступеней становилось все меньше, а багровый свет уже заливал все пространство вокруг магистра.

Еще ступень. И на него навалилось чувство вины. Придавило могильным камнем, не давая вздохнуть. Лерой рухнул на колени, не удержавшись, задыхаясь и давясь невыплаканными слезами.

Он виноват. Во всем виноват... Как жить с таким грузом на душе? Для чего жить? Даже если он отомстит, что это изменит? Его девочек уже не вернуть, и Сейна никогда не простит. Что там! Он сам никогда себя не простит. Разве можно простить?

Он виноват... Он во всем виноват...

Лерой прижался щекой к ледяной ступеньке. Он мог победить в себе что угодно — ненависть или страх, но как побороть это? Чувство вины разъедало, словно ржавчина, грызло, отдирая от души кусок за куском. И Лерой не знал, как с этим бороться. Он закрыл глаза. Стужа заползла со ступеньки на его щеку, заморозила. Вползла ужом в сердце, покрывая морозным узором воспоминания.

Он во всем виноват...

Лерой скрипнул зубами. Да, он виноват. И отрицать не станет. Но он еще может хоть что-то сделать. Он сможет. Он не сломается и не сдастся! Не имеет права. И не позволит вине сожрать остатки света в своем сердце, заморозив его. Так легче — сдаться, потемнеть, не чувствовать. Спокойнее. Но не для него!

И, поднявшись, магистр ступил на последнюю ступень. Лестница закончилась. Перед ним зияла пустота.

— Все-таки дошел... — голос прошелестел равнодушно-удивленно, и маг оглянулся. Из нутра хрустальных стен на него смотрели синеглазые Темные, качали головами.

— Дошел. Сумел... Преодолею... себя.

— Пропустите! — яростно выкрикнул магистр.

— Так мы больше не держим, — прошелестел голос. — Но вот пути дальше нет. Ты все преодолел, светлый маг Чер Лерой Ядовитый Оскал...

— Вы знаете меня?

— Мы тебя ждем. Давно.

— Как попасть в башню? — Лерой посмотрел вверх. Может, подпрыгнуть? Так не сумеет. А крыльев у него нет, к сожалению.

Темные слаженно усмехнулись.

— Решай сам. Впереди пустота, Чер Лерой. Она страшнее всего...

— Не пугайте, я уже пуганный, — буркнул магистр и вновь осмотрел пропасть. Вся лестница была преодолением своих темных сторон, своих страхов и пороков. И теперь впереди пустота. Что бы это значило? Что она страшнее всего? Страшнее самого ужасного чувства, что способна испытать душа?

Что может быть хуже пустой души, равнодушной уже ко всему?

— Ну, хорошо. — Маг вздохнул. Зажмурился и... шагнул.

Сердце провалилось в пятки, но нога мага, к его изумлению, твердо встала на ступень.

— Иди... — прошелестели Темные.

И магистр пошел. А уже через несколько минут ему в лицо ударил свежий ветер и маг увидел его — Сердце Оххарона.

* * *

Магистр Райден

Спать он так и не ложился, лишь выпил настойку бодрящего корня. В теле поселилась неестественная бодрость, а глаза покраснели, словно в них насыпали песка, но маг не обращал на это внимания.

— Ты уверен, что упадет Башня Дождя? — Зрячий посмотрел на золотой шпиль, что целый и невредимый сиял на солнце.

— Да. — Объяснять Райден не стал и повернулся к наставникам. — Всех учеников спускайте в подземелье. Оливия, помните план ходов? — Женщина чуть нервно кивнула. — Пройдете через все здание Академии и уйдете в северную часть Рифа. — Он показал точку на карте. — Там несколько выходов, вы не окажетесь в капкане. Возле каждого будет установлен маяк, он укажет на появление чужаков. Но на поверхность не поднимайтесь, оставайтесь под землей. У оххаронцев слишком хороший нюх, — добавил он после паузы. — Мы с Корвеллом запечатаем вход магией, чтобы вас невозможно было найти.

— Но разве мы не окажемся под землей в ловушке? — нервно спросила другая хранительница.

— Там вы дождетесь прихода помощи. — Райден чуть прикрыл глаза, которые болели от яркого света.

— И когда мы должны спуститься в подземелье?

Магистр посмотрел на облетающую с деревьев листву. Утро выдалось ветреным.

— Прямо сейчас, — сказал он.

Наставники разошлись, нервно переговариваясь и качая головами. Через час двор наполнился голосами учеников, кто-то испуганно спрашивал, как долго им предстоит сидеть под землей, кто-то деловито собирал котомку с припасами. Девушки держались ближе к парням, те смотрели с бравадой.

В общем, все вели себя спокойно и собранно, все-таки не зря их гоняли по тренировочному полю, хоть подчиняться научились и наставников слушаться.

Райден надеялся, что другие навыки, отрабатываемые на поле, им применять не придется.

Шип с его командой уже стоял на местах, заняв позиции, указанные Райденом. В Башне Дождя располагались покои магистров, но Алларис решил проверить, не остался ли там кто-нибудь. Маг поднялся по ступенькам внутрь и раскрыл ладони, чтобы выпустить поисковых стрекоз, но это не понадобилось. Голоса раздавались из покоев Райдена, и, бесшумно ступая, он подошел ближе.

— Давай ищи! — недовольно бухтел Ортан.

— А вдруг магистр вернется? — возражала Ельга.

— Не вернется! Они всех учеников согнали в подвал, очередная уловка наверняка!

— Зачем им это?

— Не знаю! Врут они все про нападение, не будет его!

— Да? — Голос Ельги стал тише. — Думаешь?

— Конечно. На Хандраш невозможно напасть, это самое защищенное место Пятиземелья! — уверенно подтвердил Ортан.

— Но Белой Башни больше нет! И Искра... Ее Света все меньше, все маги об этом говорят! Она... она угасла!

— Не верю, что угасла, — пренебрежительно бросил Ортан. — Наверняка этот Райден ее куда-то спрятал! Ищи лучше!

— Но что мы ищем?

— Вот прицепилась! Что-то важное! Сведения, куда магистр дел моего отца и Искру! Тайные переписки или что-то подозрительное!

В покоях что-то упало, кажется, парочка рылась в вещах магистра. Маг поморщился и покачал головой. Похоже, невидимость не пошла на пользу Ортану и не сбила с него спесь.

— Нет здесь ничего подозрительного! — сердито буркнула Ельга. — А вещи у магистра приятно пахнут... Так бы и нюхала...

— Убери нос от рубашек этого Райдена и ищи! Поняла меня?

— Мне надоело слушать твои команды! — возмутилась Ельга, и в покоях вновь что-то упало. — И вообще... Я буду тебе помогать, если ты пообещаешь на мне жениться! Понял?

— Ага. Обещаю, — рассмеялся Ортан.

— Нет, не так! Ты должен дать клятву! Непреложную! На Свет Искры! Я знаю, что такую клятву нельзя нарушить! Или давай клятву, или я ухожу отсюда! И... все магистру расскажу!

Ортан буркнул что-то недовольное.

— Дам я тебе клятву, чтоб тебя...

— Ну?

— Ладно. Клянусь Светом Искры, своей душой, разумом и телом, что... — Магистр хмыкнул. А Ортан не глуп, сообразил, что пока он не «в теле», клятва не имеет силы. Ну что ж... самое время вернуть парню материальность. Магистр соединил пальцы, сплетая заклинание материализации, — ...что стану супругом Ельги, присутствующей в этой комнате, буду ей верным и добрым мужем столько, сколько она захочет! — торжественно закончил Ортан и хмыкнул. — Довольна, убогая?

Ельга не ответила, зато в комнату вошел магистр.

— Поцелуешь невесту позже. А сейчас пошли вон отсюда, — хмуро сказал Райден, обозревая побелевшую девушку и недоумевающего парня.

— То есть... вы что... вы как? — залепетал Ортан.

Ельга опомнилась первая и стукнула парня кулаком.

— Ай, — взвизгнул он. Посмотрел с недоумением на свою грудь, куда попал кулачок Ельги. — Ой! Я что, вернулся? Я вернулся!! — завопил он. И осекся. — Погодите. Я что же, произнес клятву, уже будучи материальным?

— Ну да, — счастливо улыбнулась Ельга.

Ортан побледнел, потом покраснел, потом взвыл.

— Пошли вон, — повторил магистр, устав от этой парочки. — Немедленно!

Ельга схватила Ортана за руку, бормоча что-то невразумительно-оправдательное, и дернула его к выходу.

— Простите, мы заблудились, мы не намеренно, мы тут искали... хранильницу! Оливию. Вы ее не видели? Мы уже уходим...

Девушка смутилась под взглядом Райдена и понеслась к выходу, таща за собой ошалевшего Ортана.

Маг покачал головой, глядя им вслед. Окинул взглядом помещение. Лепестков роз здесь не осталось, но их запах все равно присутствовал, не успев выветриться. Ценные документы он унес еще ночью, взял немного одежды. Подготовил свитки с указаниями и подробным отчетом о произошедшем на Рифе, спустил их к Оракулу. Как попасть к артефакту, знали лишь сильнейшие маги Пятиземелья, члены ковена и королевские маги.

Что ж, он сделал все, что было в его силах.

Райден отдернул ладонь от покрывала на кровати, втянул воздух, пахнувший розами, и решительно двинулся к двери.

Лея так и не вернулась.

Алларис тихо закрыл дверь, выпустил поисковых стрекоз. Через несколько мгновений они вернулись к магу, их крылья не покраснели, это значит, в башне никого не было. И уже когда Райден выходил во внутренний двор Академии, Хандраш содрогнулся. Белый иней стремительно расползся по каменным стенам, резко похолодало, и налетевший северный ветер сорвал последние листья с деревьев.

— Миры соприкоснулись, — тихо сказал Райден и побежал туда, где был вход в подземелье, молясь, чтобы все ученики успели спуститься под землю. Наверху оставались лишь боевые маги и провидцы, направляющие черномантиевых.

Элея

— Что происходит?!

Крепость дрожала, земля вспучивалась, ломая брусчатку, а белая изморозь уже покрыла Острог, словно пелена.

— Мы перемещаемся! — заорала я, прижимая Незабудку и вертя головой. — В другой мир! В мой мир!

— Кантаххар! — бросил Айк и подхватил Сиеру. — Я ее понесу! Отойди от стены, вдруг крепость не выдержит!

Мы бросились в сторону открытой площадки, куда уже бежали люди и... звери.

— Котики! — радостно заорала Незабудка, увидев коричнево-рыжего барса, что промчался мимо, зыркнув желтыми глазами.

— Угу, — буркнула я, не останавливаясь. — Просто кошачий праздник! Куда ни плюнь, всюду котики!

— А наш котик где? — полюбопытствовала сестра.

Я прошипела что-то невразумительное. У ограды Айк отпустил Сиеру и с беспокойством взглянул на дрожащий замок. Его словно куполом накрыло туманной дымкой, и все мы оказались внутри её, с открытыми ртами наблюдая происходящее. По серой стене двигались изображения — невнятные образы, выхватывающие куски чужих миров. Нечто подобное я уже наблюдала в Белой Башне. И вот в мареве показались такие знакомые очертания Академии...

— Ну и ну... — раскрыл рот Айк.

— Гнилая утроба раскоряжистой ящерихи! — выдала Незабудка. Мы с Айком одновременно отвесили ей с двух сторон подзатыльники. Сиера хотела возмутиться, но тут туман развеялся, и мы ахнули.

Оххарон исчез. Мы находились в Пятиземелье. На Рифе.

— Что она там говорила про ящериху? — пробубнил ошарашенно Айк.

Я не ответила и потащила Незабудку в сторону Академии. Надо найти Райдена. Немедленно! Чтобы хотя бы выяснить, что мне делать дальше и где друзья. Боги! Надеюсь, что с ними ничего страшного не случилось!

Острог переместился на берег Рифа, почти туда же, где мы с Ником отбивались от оххаронца. Только занял значительно большую территорию, и теперь вместо побережья здесь возвышалась крепость, вокруг которой билось море. Похоже, крепость оказалась в Хандраш вместе с куском земли, на котором стояла, образовав длинный, похожий на язык участок суши в море.

Айк остался за спиной: я слышала его крики, команды и рычание оххаронцев. И старалась не думать, что они будут делать дальше. Нападут?

Я помотала головой и ускорила шаг, торопясь добраться до замка Академии. И уже на подступах поняла, что все хуже, чем я думала. На Хандраш уже напали. Часть стены, окружающей замок, оказалась разрушенной: провал зиял огромной дырой, над которой клубилась пыль. Я приблизилась и осторожно заглянула внутрь. Ахнула. Одна из башен рухнула, огромный золоченый шпиль, над которым я столько раз наблюдала звезды и восход солнца, валялся во дворе, словно гигантская игла. Обломки стен, разбросанные вещи, разбитая мебель, и все это засыпано осколками битых витражей, что украшали Башню Дождя.

Мимо меня со свистом промчался рой ахои, устремляясь на место разрушения, и я замахала руками:

— Стойте! Стойте, глупые! Не надо туда!

Одна из ахои задержалась, подлетела совсем близко к моим глазам, и я впервые рассмотрела это удивительное создание. В чем-то похожее на человека тонкое тельце с довольно крупной для него головой и круглыми глазами, что взирали на меня с любопытством. Рта и носа не было, и я как-то глупо задумалась, чем эти крошки питаются. Слюдяные крылышки молотили с такой скоростью, что казались невидимыми.

— Туда нельзя, — прошептала я. — Там... Оххарон. Ты понимаешь?

Ахои мотнула головой и умчалась разгребать завалы. Над рухнувшей башней от множества слетевшихся крошек стояло жужжание и звон, воздух искрился от их алмазных крылышек. Но все это заглушалось звоном стали и криками. Где-то там, за обломками, звенела сталь клинков.

— Незабудка, ты должна спрятаться. — Я беспокойно осмотрелась. Здесь, за стеной, было тихо — очевидно, на Академию напали со стороны Хрустального Замка, что высился на месте Белой Башни.

— Я с тобой! — упрямо проговорила сестра. Страх в ее глазах не было, пока там плескалось любопытство.

— Там опасно. — Я вновь повертела головой. Расставаться с сестрой не хотелось до боли, но и выбора не было. Где-то там Райден и друзья, я обязана им помочь! Я не могла отсиживаться в кустах, пока где-то идет битва за мой мир, за землю, которую я люблю.

Крыло хранительниц стояло нетронутым и выглядело пустым. Оно всегда находилось в удалении от основных зданий, поэтому я решительно развернулась и побежала, подхватив Сиеру. Втолкнула ее в дверь, прислушиваясь. Но здесь было тихо.

— Спрячешься в нашей комнате, поняла? — приказала я. — И никуда не выходи! Пообещай мне, Сиера! Жди, пока я за тобой приду, ясно тебе?

Незабудка недовольно кивнула и, бурча себе под нос, скрылась в здании. Я же вздохнула свободнее и побежала обратно, перелезла через пролом, стараясь не задевать острые осколки, что торчали из стены. Плеть размотала заранее и держала наготове, настороженно осматриваясь. Пока никого из оххаронцев видно не было, и я осторожно двинулась на звуки битвы.

Башня завалила обломками почти весь двор, пришлось пробираться по груде камней, перелезать и ползти. И чем ближе, тем громче были крики и рычание, от которых замирало сердце. А когда я проползла под гранитной плитой, оказалась с другой стороны разрухи и взобралась на кусок камня, осматривая сверху раскинувшуюся картину.

Здесь располагалось наше тренировочное поле, и оно тоже было усыпано осколками рухнувшей башни. В воздухе тяжело и плотно клубилась пыль, прорезаемая лучами солнца и закручивающаяся в спирали от резких движений. И еще здесь бились не на жизнь, а на смерть. В серой пыли были плохо видны фигуры людей, но я увидела Шипа, что швырял огненные сгустки в двух рычащих оххаронцев. Возле его ног сидел Ник с белыми глазами. На черном камне засели три целительницы и отстреливались от нападавших. Слева мелькала с невиданной скоростью черная мантия незнакомого мне мага, что отбивался клинком, перемещаясь словно смерч. И еще дальше — двое, стоя спиной друг к другу, отражают атаки окружающих их зверей.

Я в отчаянии закусила губу. Вероятно, битва началась буквально только что, защитники Хандраш держались, но... С моего места было видно, как сильны оххаронцы, как окружают, принохиваются, осматриваются. Как стремительно нападают! Стоит им сменить форму, и приходится сражаться против смертоносных груд мышц с когтями и клыками, обладающих ужасающей скоростью и пугающей яростью!

Откуда-то справа донесся разъяренный женский вопль, и мелькнула рыжая коса Камиллы. Девушка неумело махала мечом и орала, не подпуская к себе приноживающегося зверя.

— Убирайся в свой мир! — вопила Камилла.

Охаронец качнул головой и сделал шаг. Они были совсем рядом, но не видели меня, скрытую обломком башни.

— Не подходи, — заорала Камилла. Я тихо подползла ближе, встала удобнее, перехватив рукоять.

Камилла сжала зубы и крепче ухватила клинок. Оххаронец рыкнул, сделал шаг, но тут я замахнулась и ударила, в душе не веря, что удастся. В памяти было живо воспоминание, как Шариссар поймал кончик плети ладонью.

Но, видимо, у этого зверя реакция была хуже, чем у высшего паладина, и кожаное жало опустилось на его спину, заставив его зарычать от злости.

Кричать я не стала, решив не тратить время на слова, и вновь ударила. Но на этот раз зверь увернулся — плеть просвистела рядом с его боком. Камилла встретила меня радостным взглядом, продолжая бестолково размахивать клинком. Но на нее я не смотрела, вновь ударяя. И снова — мимо.

— Лея, падай! — завопила рыжая, и я рухнула на землю, потому что оххаронец кинул в меня что-то короткое и блестящее. Он целился в ноги, и потому промазал: я успела откатиться. Вскочила, ударила почти наугад, развернулась, ударила снова. Камилла растерянно стояла за спиной оххаронца, который совсем перестал обращать внимание на рыжую.

— Ками, ветер! — заорала я, пытаюсь напомнить, что она стихийница и пора бы уже применить хоть какое-то заклинание. Потому что оххаронцу надоело со мной играть, и двумя рассчитанными движениями он зажал меня между камнями, где я была ограничена в манёвре.

Камилла глубоко вздохнула, закрыла глаза, сделала шаг и стукнула зверя рукоятью меча по голове. Тот посмотрел удивленно, словно не веря, что его просто подошли и ударили, а после рухнул на примятую траву.

— Заклинание ветра забыла, — испуганно пискнула рыжая. Я же сползла по граниту, тяжело дыша и даваясь неуместным смехом. Боги!

— Я его убила? — Глаза Камиллы были похожи на светящиеся голубые луны. — Мамочки... я его убила!

— Да жив он, дышит, — окинула зверя хмурым взглядом. — Ты не видела магистра Райдена?

— Там где-то! Все ученики спустились в подземелье, а мы вот... не пошли. — Камилла неопределенно махнула рукой и всхлипнула.

— Почему не пошли? — не поняла я.

— Боевые маги наверху остались, охранять Хандраш. А мы... за ними увязались. Тайно, конечно. — Камилла хлюпнула носом. — Кто ж думал, что нападут!

— Я тебя плеткой огрею, если заревешь, — мрачно предупредила я, озираясь. За висящей в воздухе пылью казалось, что мы двигаемся в тумане. Камилла посмотрела на меня изумленно, но плакать не стала.

— Не понимаю, что происходит, — прошептала она. — Я думала, что все враки и ничего не случится, это же Хандраш! Разве на Хандраш могут напасть? Здесь ведь безопасно! Я думала, все врут...

— Ками, прекрати! Напали, как видишь! — Я вновь оглянулась. Показалось, или кто-то мелькнул за камнями? — И соберись! Ты же стихийница!

— Но что я могу? — Голубые глаза вновь увлажнились.

— Бездна тебя сожри, прекрати мычать, как овца, — разозлилась я. — Забирайся на тот

камень, видишь? Оттуда видно все поле. Оххаронцы не могут использовать свою магию, мы об этом позаботились. Они действуют силой. — Я вновь всмотрелась в серо-белую муть. — Высматривай нападающих и бей их градом или молниями! Или что ты там умеешь...

— Я не помню заклинание... я боюсь...

— Так вспомни! Или убирайся в это подземелье, раз такая трусиха! — заорала я и, резко развернувшись, пошла к камням. Камилла проводила меня обиженным взглядом.

— Ты такая злая! И кстати, что с твоими волосами? Они побелели...

Но я уже не слушала, удаляясь в глубь поля и оставив Ками за спиной.

После схватки с оххаронцем внутри клубилась злость, и моя ладонь сжималась на рукояти плети почти в радостном предвкушении. И вскоре я уже побежала, врываясь в клубы пыли и яростную схватку. Удар нанесла на ходу, целясь в мощную спину, обтянутую кожаной пархой. Сбила с ног, развернулась и побежала.

Рука болела, и краем глаза я увидела на рукаве кровь. Значит, меня все же задела, а я и не почувствовала...

Черные силуэты появились одновременно с разных сторон и бросились за мной. Я перепрыгнула валун, прокатилась под нависшим камнем, побежала, но они были слишком быстры, хотя я имела преимущество в маневренности. Глыбы мешали оххаронцам развить скорость, но все же они почти наступали мне на пятки, появляясь то справа, то слева. И только когда я почти налетела на скалу, поняла, что они намеренно вели меня сюда, загоняли, словно добычу. Я развернулась, выдохнула, готовясь к битве, когда еще одна высокая фигура спрыгнула сверху и встала между мной и нападающими. Он повернул голову на краткий миг, блеснули зеленые глаза, быстро и внимательно меня осмотрели. А я прижалась к скале, чувствуя, что ноги дрожат.

— Магистр!

Но он уже не смотрел на меня, развернулся, сплетая заклинание и ударяя нападающих силой...

* * *

Шариссар

Он вывалился на траву, ошалело тряс головой после прохода сквозь пространство. Он слишком торопился, боялся, что проход закроется, и прыгнул раньше, чем кусок Оххарона окончательно переместился в Хандраш. Ощущения — словно попал в вихрь неточно установленной арки — неприятные и болезненные. Но думать об этом было некогда, паладин вскочил и осмотрелся.

Совсем рядом возвышалась стена, окружающая замок Академии, за ней располагалось такое знакомое крыло хранилищ. Но людей он не видел.

Хотя...

Был запах. И весьма знакомый.

Он нахмурился и бесшумно пошел вдоль стены, принюхиваясь. Не ошибся... но к знакомому аромату добавилось еще три — чужие и враждебные. Шариссар прижался к стене.

— Внутррри... — Голос невидимого оххаронца прозвучал глухо, почти неразличимо.

Разговаривали за стеной, с другой стороны, и Шариссар закинул голову, рассматривая кладку. Обходить здание в поисках входа было некогда, и он вбил ногу в крошечную выемку, схватился за камень.

— Ррррр...

Рычание донеслось вновь, и паладин ускорился.

— Не подходи! — гневно закричал знакомый звонкий голосок, и Шариссар едва сдержал рык. Вот же неугомонная девчонка! Ну почему она вечно попадает в неприятности?

Он залез на стену, прижался, быстро осматривая двор и оценивая обстановку. Оххаронцев было трое. Шариссар поморщился. Похоже, в Хандраш перенеслись не паладины, каким-то образом сюда попали те, кто сидел в загонах! И это было по-настоящему плохо, потому что Темный знал того, кто стоял перед девочкой, — Араор. Тот самый, что почти не чувствовал боли даже под плетью, тот, в ком не осталось человеческой сути и кого дарей-ран приказал отправить в загон. Но он еще мог говорить в отличие от двух других одичавших, ожидающих за его спиной. И облизывающихся, глядя на ребенка.

Судя по всему, в Хандраш также переместился и какой-то загон.

Незабудка гневно сверкала глазенками, поглядывая на зверей, и тихонько пятилась в сторону здания. В ее ладошках были зажаты камни, которые она была готова швырнуть в трех чудовищ. «Глупая, маленькая, безрассудно смелая девчонка», — выругался про себя паладин. Она не плакала и не кричала, лишь отступала и сжимала свои камни, словно они могли ей помочь.

Просто невыносимо смелая.

И когда Араор пригнулся, они с Шариссаром прыгнули одновременно. Паладин обнажил клинок и откинул зверя, вспоров ему грудь, развернулся, встречая двух других. Незабудка была за его спиной и молчала. Но он ощущал там ее присутствие и запах. Ему было необходимо измениться, иначе не выстоять против одичавших, но делать это на глазах у Сиеры ему ужасающе не хотелось.

Но и выбора не было.

— Закрой глаза, Сиера! — приказал он, надеясь, что она послушается.

— Уйди, — рыкнул черный монстр. Звуки выходили из его гортани едва различимыми, рычащими и почти непонятными. — Наша еда.

Отвечать Шариссар не стал, просто сменил форму и атаковал, пытаясь уклониться от смертоносных клыков и когтей. У одичавших отсутствует страх, есть только инстинкты, и это делает их сильнее. Но на стороне паладина был холодный разум и годы тренировок.

Он упал, когда зверь прыгнул, и вспорол брюхо, что на миг открылось над ним. Второй напал сразу, не давая Шариссару передышки, врезавшись столь яростно, что сбил паладина с ног, и они покатались по пыльной земле одним огромным клубком из стальных мышц, алых глаз, изогнутых когтей и вздыбленной шерсти. А когда остановились, в живых остался лишь один.

Паладин откинул тело и поднялся, чуть пошатнувшись.

И чуть не зарычал, поняв, что, конечно, Незабудка не закрыла глаза. Так и пялилась, и в зеленых омутах плескался ужас. Шариссар шагнул к девочке, лихорадочно пытаясь придумать, что ей сказать. Несправедливый Мрак! Ну что сказать этой крохе, чтобы стереть с маленького личика выражение страха? Она только что увидела, как огромный черный монстр убил трех других чудовищ, и какие слова могут ее успокоить?

— Не бойся. Не бойся меня, — прорычал Шариссар, сам понимая, насколько глупо это звучит. И, меняя облик, он уже смирился с тем, что увидит в глазах девочки еще больший страх. И навсегда станет ее ночным кошмаром.

Паладин вытер тыльной стороной ладони кровь с разбитой губы, не спуская глаз с Незабудки. Он стоял, не приближаясь, опасаясь напугать малышку еще больше.

Хотя куда уж больше...

— Незабудка... — тихо сказал Шариссар. — Я разве не велел тебе закрыть глаза?

Она моргнула, еще раз, всхлипнула и вдруг кинулась к нему, прижалась, спрятав личико в

ладошки. Паладин рывком поднял девочку на руки, осторожно погладил короткие темные кудряшки.

— Если ты начнешь реветь, я не знаю, как тебя успокаивать! — мрачно предупредил он, пытаясь сдержаться и не сжать девочку изо всех сил. — Я не понимаю, как надо успокаивать маленьких девочек. Ясно тебе?

Незабудка кивнула и засопела ему в шею, от чего коже стало щекотно и мокро. И вновь появилась внутри эта странная, неукротимая потребность, почти болезненное желание — защитить от всего мира, закрыть собой и спрятать. Уничтожить всех и все, что может напугать этого ребенка или огорчить ее. Как так получилось, что за эту мелкую и вредную девчонку он готов порвать всех и во всех мирах?

Когда он стал таким?

— Я тебя не обижу, слышишь? И никому не позволю. — Сопение в шею. — Только не плачь. Хорошо? Надо найти твою сестру, Сиера. Где она? Здесь могут быть другие... звери.

Худенькие ручки обвили его шею.

— Шариссар-рей?

— Да, Незабудка?

— Я испугалась.

Он вздохнул и посмотрел на одичавших, жалея, что нельзя убить их еще разок. А лучше несколько!

— Я знаю, — пригладил темные кудряшки и развернулся в сторону замка, втягивая настороженно воздух. — Я знаю, Сиера.

— Их было трое.

Мрак! Он согласен прикончить еще десяток, лишь бы девочка не плакала.

— А ты один. Я за тебя испугааалась...

Шариссар остановился и посмотрел на небо. В этом мире чтили других богов, а Бога Мрака и Тьмы боялись. Кому молиться под этими небесами? Или кого благодарить? Потому что ему очень захотелось сказать вот это вымученное и живое «спасибо». Сухое, но искреннее.

За это создание, что сейчас хлюпало носом, потому что испугалось за него. За него!

Великий Мрак!

— Сиера, не реви, — сдавленно и от того грозно сказал Шариссар. Незабудка кивнула и прижалась щекой к его шее. Паладин подышал, успокаиваясь. Сейчас не время для чувств, надо найти Лею. Внутри себя он ощущал ее эмоции — злость и ярость, но главное, девушка была жива.

Запах Леи вел его в сторону обломков башни, но его слух улавливал звуки сражения, и паладин разрывался, желая кинуться в самую гущу за девушкой и в то же время опасаясь за Незабудку. Снова оставлять ее здесь одну было слишком опасно: неизвестно, как много одичавших забросило из Оххарона в Хандраш.

— Проклятие! Где в этой Академии безопасное место? — прорычал Шариссар, отчаянно пытаясь найти выход. — Я не могу идти туда с тобой!

— Я посижу в комнате без дверей, — тоненько сказала девочка. — Можно?

— В комнате без дверей? — Малышка отстранилась, так что он наконец увидел покрасневшее и мокрое личико. И показала ладошкой:

— Она теперь там, возле моря.

Мгновение Шариссар смотрел на девочку, а потом коротко вздохнул. Вряд ли Сиера это придумала, а значит, Острог тоже переместился. Он прислушался к своим ощущениям, хотя беспокойство и выворачивало наизнанку, но паладин чувствовал, что Лея жива. Он спустил Незабудку с рук и присел перед ней.

— Сиера. Нам надо бежать очень быстро, поэтому мне надо... снова измениться. Ты не испугаешься?

— Ты снова станешь чудовищем? — Зеленые глаза стали круглыми.

— Нет. Не совсем.

Он вздохнул и обратился. Посмотрел на девочку желтыми глазами.

— Котик! — радостно закричала Незабудка и порывисто поцеловала черную морду. Зверь моргнул и фыркнул. — Это был ты! Это всегда был ты!!!

Шариссар рыкнул, зубами схватил малышку за шиворот и закинул себе на спину. Подождал, пока она обхватит его шею, и побежал...

Элея

Воздушная волна смела наступающих оххаронцев, но все они перевернулись в воздухе и встали на ноги. А самое плохое, к ним присоединились еще двое. На меня смотрели настороженно, приняхивались, ощущая метку дарей-рана, но продолжали наступать.

— Взять! — Приказ прозвучал глухим рыком, и пятеро кинулись одновременно.

Магистр Райден сплел заклинание, вновь их откидывая, но на этот раз на значительно меньшее расстояние. Я крепче обхватила рукоять плети. На миг магистр повернул голову, и в зеленых глазах мелькнуло какое-то странное выражение.

— Лея, уходи отсюда. Зачем ты пришла?

— Не могла по-другому.

Я мотнула головой, всматриваясь в его глаза. Этот обмен взглядами длился всего миг, но как много было в нем! В веках, проведенных за бесконечными разговорами, может быть меньше смысла и любви, чем в одном кратком взгляде. В нем сплелось так много надежды, боли и нежности, что я не выдержала... Опустила голову. Глупо утверждать, что я не понимаю и не замечаю его чувств. Слишком хорошо помню его поцелуи, слишком трепетны были его ласки.

Райден помрачнел и вновь посмотрел на оххаронцев.

— Уходи, — глухо бросил он. — Беги к Башне Солнца, там вход в подземелье...

— Я не оставлю своих друзей. И вас...

Шагнула и встала с ним рядом, со злостью оглядывая пригнувшихся оххаронцев. Им я явно не нравилась, они по-прежнему приняхивались, мотая головами и сверкая красными глазами. Но все же кинулись на нас, очевидно, приняв решение.

Мы с Райденом вскинули руки одновременно, я ударила плетью, он — заклинанием. Сомкнулись спинами, чтобы не мешать друг другу. Оххаронцы снова напали. Кожаное жало засвистело в воздухе, не давая им приблизиться, короткие вспышки света из рук мага освещали участок между камнями, где мы заняли оборону.

Снова атака!

Оххаронец с белыми полосами на спине сумел схватить кончик моей плети и дернул на себя. Я вскрикнула, не удержавшись на ногах, полетела вперед, и Райден бросил заклинание полусплетенным, слабым. Огонь лишь полыхнул и погас, опалив морды зверей, а магистр подхватил меня. Но сразу отвернулся, отбросил оххаронцев порывом черного ветра, что закружил вокруг, ограждая.

Я подобрала свою плеть, замахнулась. Звери рычали, вырывали когтями траву, пригибали к земле оскаленные морды, но приблизиться не могли — вокруг нас выл черный поток, защищая от нападения.

Но сколько сил магистра уходит на его поддержание? И как долго он сможет их удержать?

Маг резко повернулся, прижал меня к себе. Всего на миг, и сразу отпустил. Ветер набирал силу, свистел так, что хотелось зажать уши.

— Лея, уходи! — он закричал, потому что в темной воронке, внутри которой мы стояли, все гудело и выло. — Я открою проход, и ты уйдешь, поняла? А еще лучше — иди в другой мир! Уходи отсюда и не смей возвращаться!

— Я не уйду!

— Упрямая! — разозлился маг. — Я тебе приказываю!

— Я вас одного не оставлю! — Быстрый взгляд на меня, и вновь эта тоска в зеленых глазах, что выворачивает мне душу. За черной воронкой оххаронцев прибавилось, мы явно привлекли всеобщее внимание. И хорошо! — Магистр! — вдруг осенило меня. — Надо приманить их всех! Там ведь люди, на поле! Да, боевые маги, но против зверей они не выстоят! А воронка тянет оххаронцев, видите? — Маг коротко кивнул, бросил беспокойный взгляд на поле. Черный смерч увеличился, закрутил в круговерт осколки камней. — Надо привлечь их всех и уничтожить одним ударом!

— Света не хватит. — Он качнул головой. — И моего резерва — тоже. От силы Искры почти ничего не осталось...

Я посмотрела сквозь черный вихрь на силуэты зверей. Там их было много, похоже, мы действительно собрали почти всех. Значит, остальные — Арви, Шип, Камилла и все, кто был на поле, — смогут уйти в подземелье. Мы дадим им шанс, но Света осталось так мало...

— Мне жаль, — выдохнула я. — Жаль, что я не стала Искрой! Было бы лучше... Вы были правы, магистр. Одна человеческая жизнь не стоит сотен. Даже самая лучшая жизнь — не стоит! Если бы я стала Искрой, ничего бы не случилось... Но я поняла это только сейчас. Простите, что обвиняла вас! Вы все делали правильно, как ни ужасно это выглядело... Это я виновата, а не вы.

— Прекрати себя винить! — гневно выкрикнул Райден. И порывисто обнял меня. — Я хочу, чтобы ты знала, — торопливо сказал он. — Чтобы сегодня ни случилось, я ни в чем тебя не виню. Наверное, у тебя были... то есть будут на это причины. Просто знай... что я люблю тебя. — Слова прозвучали, и я застыла, замороженная. Оглушенная. Растерянная. Ошеломленная и поверженная. Но почти сразу Райден отодвинулся. — Это ни к чему тебя не обязывает. Я просто хотел... сказать.

Он вновь развел ладони, уже глядя не на меня, а лишь на тени, что пробивались сквозь смерч. А я стояла, уставившись в его спину, и что-то происходило во мне. Мне только что преподнесли дар — великий дар любви, и разве может он не откликнуться в душе?

А когда смерч утих и оххаронцы, уже несколько десятков, бросились на нас, я опустила руки к земле. Закрыла глаза.

— Ар-нори. Отпускаю вас.

И с моих пальцев стекли золотые капли, растеклись по измятой траве.

И в небо взлетели два дракона.

Один был золотой, словно солнце, второй чернее Мрака. Полупрозрачные на земле, они стали огромными и материальными в небе. Мой дар крови снова проснулся благодаря словам магистра.

Райден стремительно закрыл меня собой, пытаясь защитить от новой опасности, но остановился, увидев, что я смеюсь. А я улыбалась, откидывая голову и любуясь на великолепных драконов, что парили в вышине.

— Дар крови, Алларис! Он проснулся! Это мой дар крови! Наследие Лероя! — я закричала от радости, а черный дракон выпустил алое пламя, сжигая оххаронцев. Золотой вытянул длинную шею и повторил маневр своего брата. На миг они взлетели, сплелись, словно две грани целого, и, вновь разомкнувшись, понеслись к земле.

— Какой прекрасный дар, — хрипло сказал Райден, опуская ладони.

— Да, — снова рассмеялась я.

Защищающий вихрь пропал, но оххаронцам стало не до нас — они стремились укрыться от моих драконов. Но спасения не было: крылатые и могучие ар-нори разбрасывали зверей, словно кот — мышей, опаляли огнем, обращали в паническое бегство. А к нам уже бежали боевые маги в черных мантиях, десяток парней под руководством Шипа. За ними толпились прорицатели, несколько учеников, Зрячий, Тисса махнула мне рукой, Камилла послала быструю улыбку и

указала на небо. Там набухла черная туча, из которой прицельно били по оххаронцам куски льда размером с булыжник. Я сложила ладонь в знаке одобрения.

Звери ревели и выли, стремясь укрыться от наших атак. Мы же сбились в кучу, осматривая выжженное и истоптанное поле. Вихрь раскидал камни, оставив пустой участок.

— Так вам, так! — Тисса азартно вскинула лук и выпустила вслед убегающим оххаронцам стрелу.

— Мы победили! — заорал парень в синей мантии. Остальные подхватили этот крик. Уставшие, грязные и испуганные, но живые и почти невредимые, мы стояли на тренировочном поле и смотрели, как отходят оххаронцы. — Мы сделали это! Мы прогнали их! Сделали!

Ученики орали, боевые маги сдержанно улыбались, целительницы бросались им на шею с поцелуями. И только Ник сидел на земле, уставившись в свои ладони, и молчали магистры, что-то быстро обсуждая и высматривая пути отхода. Но за всеобщим ликованием никто на них не обращал внимания.

— Мы победили, мы победили! — смеялись девчонки, посылая воздушные поцелуи драконам.

— Битва еще даже не началась, — тихо прошептал Ник. — Но они уже идут...

— Что ты говоришь? — Я присела рядом. — Мы победили! У нас драконы!

Он посмотрел на меня белыми глазами.

— Это просто были случайные звери, провалившиеся в пространство. Идут другие. Черные ряды воинов, бесконечные шеренги... Их много. Им нет счета, они бесчисленны. Они непобедимы. Они — смерть... И она идет с ними.

— Кто?

— Королева.

— Надо убираться отсюда, — пошипел Райден. Я подняла на него растерянный взгляд.

— Еще не конец? Мы не победили в войне?

— Она еще даже не началась, — устало сказал магистр. И сжал решительно зубы, так что заходили желваки. — Уходим! Все за мной. Молча!

Спорить с магом никто не стал. Я мысленно приказала арнори нас прикрывать, и мы побежали по полю под защитой черно-золотых крыльев.

Но убежать мы все-таки не успели... На месте Белой Башни возник Хрустальный Замок и залил Риф слепящим багровым светом, до неузнаваемости меняя пейзаж. И прямо перед нами открылась в пространстве арка, словно воздух разорвало алое пламя, и оттуда вышла шеренга стражей. Первая. И это были звери, без одежды и разума в глазах. А следом шли другие — десятки суровых мужчин, с оружием и в кожаных доспехах. На них были красные плащи и черная одежда, в руках — страшные, изогнутые серпом лезвия, зазубренные и тусклые, словно этот металл не желал отражать свет солнца.

И Ник был прав. Их было много. Я не видела, где заканчиваются ровные ряды оххаронцев, а они все выходили и выходили — бесчисленное войско, пришедшее погубить Пятиземелье.

Много. О Боги! Как же их было много!

— Назад, — скомандовал Райден, и они со Зрячим одновременно сплели заклинание.

— Вперед, — прозвучал женский голос, и я повернула голову, пытаясь увидеть ту, кому он принадлежал.

Сердце сделало скачок и забилося в сумасшедшем ритме, когда черно-багровые ряды чуть раздвинулись и мелькнула тонкая фигура и восхитительно красивое лицо повелительницы Тьмы. Никогда я не видела женщины прекраснее, она была словно статуя из света и льда — великолепная, совершенная и... неживая. Глаза цвета ночи, волосы белее снега, губы, словно кровь на кости.

Я чувствовала странную связь между нами и не могла оторвать от нее взгляда, не замечая ревуших оххаронцев, начавших наступление, не видя пламени драконов, что не могло коснуться совершенного тела королевы Тьмы.

А потом я увидела еще одну женскую фигуру — высокую брюнетку — и застыла, пораженная в самое сердце.

Невозможно не узнать эти лица. Королевы и той, что стояла рядом с ней. Потому что я видела такое лицо каждый раз, когда смотрела в зеркало. Они были старше — эти Темные, пришедшие из другого мира. Но во мне была их кровь и их обличие.

Кто они мне?

И почему я так мучительно на них похожа?

— Лея! — Я очнулась, словно из омуты вынырнула.

Вокруг творилось что-то невообразимое! Магистры сплели заклинание, и перед нами выросла стена из воды, сквозь которую с ревом пробивались дикие звери. Драконов в небе атаковали странные и жуткие существа — на сером раздутом теле была длинная и лысая шея, оканчивающаяся головой с изогнутым клювом. Крылья, похожие на рваные паруса — серые и хлопающие на ветру. Лапы куриные, желтые, но с длинными когтями, которыми они рвали чешую драконов. Они были значительно меньше ар-нори, но их было много, ужасающе много! Целая туча уродливых существ, взмывших в небо над Рифом!

Первые звери врезались в толщу водяной стены, вгрызлись в нее когтями и... исчезли!

— Куда ты их закинул? — хрипло крикнул Райдену Зрячий. Тот лишь поморщился, не отвлекаясь. По его виску стекла капля пота, лицо побледнело.

— Нас окружают! — воскликнула Тисса. — С другой стороны! Смотрите!

Я развернулась и застыла. Со спины к нам приближались оххаронцы. И впереди был... Шариссар!

Милостивые Боги, помогите нам! Нас просто взяли в кольцо, с двух сторон!

Я подняла голову, отыскивая глазами драконов, что бились в небе. Но они не могли помочь, отбиваясь от облепляющих их существ.

А потом сквозь водяную стену прорвались стражи, и я не поняла, что произошло. Время разделилось на короткие миги-вспышки, взгляд выхватывал их, словно куски изображений, а сознание не успевало осознать и понять.

Миг — и на меня бежит страж, багровый плащ развевается на ветру. Он заносит свои зазубренные клинки, в темно-синих глазах — пустота и моя смерть.

Миг — и темная тень заслоняет меня собой, откидывая оххаронца. На багровом плаще не видно крови.

Миг — и Шариссар смотрит мне в лицо, а потом вновь отворачивается, встречая следующего врага и закрывая от нападающих своим телом.

Врага? Но это наши враги! Не его!

Так почему он стоит передо мной, рубит зазубренными клинками оххаронцев и хрипло выкрикивает приказы тем воинам, что пришли с ним?

Время вновь понеслось стремительно и неудержимо, словно сорвавшийся с привязи дикий конь, вокруг выли и рычали, скрежетал металл и сладко-горько пахло уже пролитой кровью.

Нас закрывали спинами оххаронцы из Острога. Те, что пришли за своим господином и встали плечом к плечу против своих же. Я успела увидеть Айку до того, как он стал зверем. На его спине были белые полосы шерсти, и даже в этом обличье он казался усмехающимся.

Райден и Шариссар лишь обменялись короткими взглядами, без слов, и отвернулись друг от друга. Но бились слаженно: обернувшийся Шариссар — когтями и зубами, маг — заклинаниями.

Рядом с Шариссаром и оххаронцами были странные существа — бледные и тонкие,

покрытые чешуей. Некоторые — частично, один — почти полностью. Словно... ящерицы.

Тисса очнулась раньше меня, вскочила на осколок башни и уже выпускала свои стрелы, безошибочно поражая живые мишени. Камилла стояла рядом с ней и качалась в трансе, призывая стихию, прорицатели образовали круг, усиливая друг друга и выкрикивая предсказания. Правда, в нарастающем шуме боя, в смешавшихся друг с другом рядах оххаронцев и всеобщем хаосе их уже вряд ли слышали.

Я увидела мельком Ринку и Полину, что подползли к упавшему парню в черной мантии и пытались его оттащить в сторону, чтобы мага не затоптали. Но рядом упал еще один. И еще.

— Арви! — крик Тиссы донесся до меня сквозь грохот и вой, сквозь рычание зверей и лязг клинков. И лучница вдруг вспыхнула алым пламенем, словно живой факел, а потом отбросила опустевший колчан. На ее ладони возникла новая стрела — огненная, и Тисса пустила ее в ряд оххаронцев. Небо вспыхнуло от ее стрел — живых молний, что выпускала Тисса. Она все еще выкрикивала имя своего возлюбленного, но самого парня я не видела, его смели прорвавшиеся сквозь стену черные звери.

Но пылающую Тиссу я видела лишь краем глаза, потому что била хлыстом. Вновь и вновь, уже не чувствуя рук и почти падая от усталости. Пока меня закрывали Шариссар и маги, у меня еще была такая возможность и пространство для маневра, но совсем скоро мое оружие станет бесполезным в этой мешанине из живых тел. Магистры уже дрожали от усталости, но как только рухнет водная стена, поток оххаронцев станет нескончаемым, он просто затопит нас! Нас растопчут, задавят численным превосходством, даже не выпуская когти!

И тут...

— Корабли... — закричал Ник. — Пришли корабли!

Его крик был слабым в той какофонии, что окружала нас, но мы услышали и подхватили, потому что эти слова означали надежду на спасение! Корабли! В Хандраш пришли корабли!

Мы орали от радости и снова сражались, мы пытались выстоять! А потом на поле хлынули люди. Вооруженные воины Пятиземелья, в зеленых мундирах, со знаком Искры и Меча на груди. И вновь мы кричали, хотя кто-то кричать уже не мог... Стена из воды пала, и черно-багровое смешалось с зеленым, словно с двух сторон плеснули разными красками.

И я уже не радовалась.

Потому что увидела, как упала Тисса, и боль разлилась у меня в груди.

Далеко — я не могла к ней подобраться. Она упала на тот камень, с которого выпускала свои стрелы, свесилась неудобно, лицом вниз, опустив ладони, из которых выпал ее лук. Она больше не горела, исчез огонь, и стало видно, какая Тисса тонкая и хрупкая. В ее спине торчал клинок, и выглядел он таким неуместным, что хотелось подбежать и убрать, словно это поможет юной и храброй лучнице... Закричал Арви. Его меч, уже красный от вражеской крови, замелькал с невероятной скоростью. Он кричал ее имя, но в ужасающем шуме сражения его не было слышно, и я лишь видела, как маг открывает рот.

Ник без движения лежал на земле, и его белые глаза смотрели в небо.

Упал капитан Дрозд, что привел корабли. Упал со счастливой улыбкой, с криком «Магистр, я успел!!!».

Упала Рин.

И Айк.

И еще кто-то, смешавшиеся в этой безумной, страшной и смертельной битве. И я уже не радовалась пришедшим кораблям. Потому что они не означали надежду. Они значили, что будет еще больше жертв, горя, боли и крови. Не было надежды и спасения в этом хаосе и буре, что кружила вокруг меня. И я плакала, уже отбросив бесполезную плетть, глядя, как умирают мои друзья...

А потом багровый свет на Хрустальной Башне вспыхнул нестерпимо, словно на поле выплеснулось целое море крови, и... погас. Небо вновь стало синим, а не расцвеченным алыми всполохами.

И я увидела, как упал Шариссар. Приложил ладонь туда, где на его груди была круглая печать, посмотрел удивленно. На руке оказалась кровь, и Темный резко повернул голову, ища взглядом мое лицо.

«Прости меня...»

Губы лишь шевельнулись беззвучно, и он упал на землю.

Почти сразу его закрыли другие тела, и он скрылся из глаз, а я все пыталась вздохнуть, хотя воздуха в этом мире больше не было. Ни одного глотка не осталось. Весь ушел с тем, кого я любила и ненавидела.

Оххаронцы кричали и хватались за грудь, но не падали, как Шариссар, а лишь становились яростнее, словно поняли, что им уже нечего терять. Они бились уже насмерть — не ради победы, а чтобы забрать врагов с собой, туда, где их ждет Вечный Мрак.

Я же осела на землю, почти оглохшая и ослепшая от боли, охватившей меня, сил сражаться больше не было. Мои драконы рычали в вышине, их пламя озаряло землю, но и они слабели, становясь нематериальными, призрачными. Силы покидали нас всех, а конца этому сражению видно не было.

Кто-то кричал мое имя — кажется, Алларис, но я не могла встать. Мне хотелось повернуться, чтобы сказать ему что-то ободряющее, успокоить, но сил не было. И очнулась я лишь в тот момент, когда меня коснулась холодная ладонь.

Я подняла голову и посмотрела в глаза цвета ночи.

— В тебе есть Тьма и есть Свет, Отражение. Теперь их поровну, — прошептала королева Тьмы, с любопытством всматриваясь в мои глаза. Вокруг нас образовалось пустое пространство, словно темнейшая построила невидимые стены, не позволяя сражающимся приблизиться. — Они пожирают друг друга и ведут к пустоте. А пустота — страшнее всего. Ты идеальный сосуд для меня, ненавистная Элея, дочь сестры моей Сейны, избранница моего любимого, проклятое Отражение и мой смертный враг. Я накажу тебя за все, что ты у меня забрала. И, клянусь, ты будешь страдать вечно!

Я хотела спросить, о чем она говорит, но королева наклонилась и поцеловала меня. Коснулась холодными губами, тронула языком, словно кусочком льда.

И я умерла.

И в последний момент увидела, что повелительница Тьмы исчезла, а мое тело поднялось с земли и улыбнулось бегущему Райдену.

— Лея! — выдохнул магистр, а та, что заняла мое тело, всадила нож в его грудь.

Больше я не видела ничего, затянута в водоворот Света и Тьмы...

Элея

— Где это я?

Села и осмотрелась. Я все еще находилась на тренировочном поле Хандраш. Только... Все застыло. Стражи и воины — с занесенными клинками, открытыми в крике ртами, оскаленными пастьми и когтями взрываемой когтями земли. Драконы в небе, с распахнутыми крыльями. Серые существа рядом с ними. Люди и оххаронцы, земля и небо, воздух и вода. Все застыло и обездвижело.

Райден с кинжалом в груди. Он успел упасть, и в его глазах застыло запоздалое понимание...

Королева, завладевшая моим телом, с беспросветной темнотой в глазах.

Я уже наблюдала такое — в Белой Башне, когда остановилось время и я оказалась вне пространств и времени. Поднялась и сделала осторожный шаг. Трава не примялась под моими ногами, и это было немного жутко.

— Да где же я?

— В Ничто, — раздался меланхоличный голос.

Я резко обернулась, но от моего движения воздух даже не колыхнулся. На камне сидел светловолосый парень в черном балахоне.

— Ты кто?!

— Крайген, — сказал он и махнул рукой. — Не представляйся. Я тебя знаю, Лея.

— Знаешь меня? — изумилась я, но выяснять, где и когда успела с ним познакомиться, не стала, гораздо больше меня сейчас занимали другие вопросы.

— Что это за Ничто? Почему все вокруг застыли?

— Кто все? Я никого не вижу.

— Так осмотришься! — разозлилась я. — Тут целое поле сражающихся, орущих и бегущих! И драконы в небе!

— Правда? — обрадовался этот странный Крайген. — Надо же... твое Ничто гораздо интереснее моего, знаешь ли. У меня лишь кабинет Аллариса, который я уже изучил вдоль и поперек. А у тебя — целое сражение! Тебе повезло, Лея. Сможешь долго рассматривать, и надоест не скоро! — Светловолосый завистливо вздохнул. Я окинула взглядом поле, где лежали мои друзья, магистр Райден... Шариссар... Рассматривать их мертвые лица целую вечность? Да врагу такого не пожелаешь!

— Как мне вернуться? — сердито спросила я. — Ты знаешь, как убраться из этого Ничто?

— То есть ты полагаешь, что я знаю ответ на этот вопрос, но продолжаю тут обитать? — съязвил Крайген. — И что только Алларис в тебе нашел? С логикой точно беда!

— Зато у меня рука тяжелая, — с угрозой произнесла я.

— И тела нет, — хмыкнул белобрысый. Я одарила его возмущенным взглядом. И задумалась.

— То есть для всех, кто там остался, время по-прежнему движется? Они продолжают умирать? И лишь я застыла в том моменте... когда угодила в это Ничто? Так?

Крайген кивнул.

— Мне надо вернуться. — Я решительно сжала кулаки. И уже закричала: — Я должна вернуться!

— Угу, — откликнулся Крайген. — Выход где-то здесь. Как найдешь — свистни, я пока

вздremну. А, тут же не уснуть. Как это я забыл!

Но я уже не слушала его насмешки, отвернулась и пошла по полю, всматриваясь в лица. Не знаю, что я желала найти. Какой-то ответ, что крутился в голове... Фраза или слово, зацепившееся за сознание, словно рыба за крючок. Брюхом, ненадежно, почти готовая сорваться с острия и исчезнуть в мутной воде, и оттого я выуживала эту мысль осторожно, боясь потерять.

Что царапнуло меня?

Почти в последний момент?

Что сказала королева Тьмы?

«Элея, дочь сестры моей Сейны, избранница моего любимого, проклятое Отражение и мой смертный враг...»

Вот что она сказала! Дочь Сейны, ее сестры. Вот кем мне приходилась эта женщина с красивыми синими глазами и печальным лицом. Я остановилась перед ее застывшей фигурой.

— Мама.

Конечно, она не ответила. Возможно, ее даже уже нет в живых, ведь к темной принцессе уже летит арбалетный болт, выпущенный чьей-то меткой рукой. Моя мама, Сейна.

Сейна?!

Я нахмурилась. Что мне рассказывала Незабудка о своей фее, приходящей во сне? И почему я никогда ее не слушала!

— Неужели это была ты? — прошептала я безмолвной фигуре. — Ты навещала ее? Ты скучала? Скучала по нам с Сиерой?

Темная принцесса молчала, а я сжала зубы. Отвернулась. В нескольких шагах от меня лежал Шариссар. Но к нему я не пойду. Иначе сойду с ума раньше, чем найду способ вернуться!

— Что же она говорила? — пробубнила я, сжимая виски.

Что-то о том, что надо собрать любовь. Много разной любви. Всю, что есть. И тогда я смогу победить Тьму.

Тьму — королеву? Кого, как не ее, назвать этим именем?

Я побежала обратно, туда, где стоял Крайген. Он подскочил, когда увидел меня.

— Лея! Хорошо, что ты вернулась! Я думал, что снова остался один!

— Ты меня не видел? — изумилась я. На огромном поле все прекрасно просматривалось, но парень покачал головой:

— Я вижу лишь кабинет. Когда ты ушла за его пределы, я перестал тебя видеть.

— Кошмар! Как ты сюда попал?

— Меня отправил сюда Алларис.

— Магистр? — не поверила я. — Он не мог поступить так жестоко!

— Я ему показывал непристойные картинки с твоим участием.

Я опешила.

— Я знала, что магистр слишком добр! — возмутилась я. — Надо было ограничить твои перемещения чуланом!

Крайген весело улыбнулся, а я махнула рукой.

— Мне сейчас не до твоих грешков. Я должна вернуться. — Я посмотрела на поле с навеки застывшими фигурами. Кто из них еще жив там, в реальности? — Вернуться и все исправить.

— И ты знаешь как?

— Возможно. Возможно, я это знаю, — прошептала я.

— Тогда — береги тебя Искра, — серьезно пожелал Крайген. — Иди, маленькое Отражение.

Я кивнула и вновь побрела по полю. Парень смотрел на место в стороне от меня, значит, я снова пропала за стенами его невидимого кабинета.

Собрать любовь. Как это сделать?

Разве что — отразить? Ведь я все еще Отражение! А Искра — это квинтэссенция любви, так говорил Алларис, когда я лежала на камне Оракула.

Я коснулась ладонью застывшей Сейны и открыла душу для любви той, кого никогда не знала.

— Любовь матери к своим детям, — прошептала я.

Дошла до Полины.

— Любовь сестры.

С нежностью провела ладонью по волосам Тиссы.

— Любовь к жизни.

Посмотрела на ящеров и приняла любовь к своей земле и чести. У целительниц я взяла любовь к ближним, у Ника — к растениям и знаниям. Я дотронулась до Шипа и отразила любовь к Академии и его отряду. У оххаронцев — любовь к их миру. У стражей Пятиземелья — к их.

В душе каждого, кто был на этом поле, была любовь. Разная, и порой ее было так мало, что тлел лишь крошечный огонек, но она была. К своим семьям, что с надеждой ждут возвращения воинов, к детям и родителям, к дереву за окном или бродячему псу, что прибился в походе. У капитана Дрозда — к кораблю и морю, у драконов — к небу.

У всех было, что или кого любить.

Я подошла к Шариссару, и его любовь — бесконечная, страстная и невысказанная — заставила меня плакать.

Но я все-таки пошла дальше.

Райден — любовь безответная и глубокая, словно океан.

И даже Ортан и Ельга, что прятались в камнях, — это тоже любовь. Настоящая и непонятная любовь к самим себе.

Ее было так много — любви, бесконечность золотого света, что тянется со всех сторон, насыщая теплом все живое и даже застывшее.

Лишь в душе королевы Тьмы не было ни капли любви, лишь темнота...

Я не знаю, в какой момент мои ладони начали светиться, а после я засияла и вспыхнула чистым Светом, становясь новой Искрой!

Только я не была Искрой поневоле, моя душа была свободна от горечи и насилия, я сделала это по доброй воле. Загорелась, потому что тоже любила этот мир, любила сильнее всех на этом поле. Любила своих друзей, свою маленькую сестренку и любила двух мужчин... Одного — любовью свершившейся, хоть и отрицаемой мною, другого — лишь зарождающимся доверием, предчувствием того, что могло бы произойти, если бы все случилось по-другому. По-разному и не понимая до конца своих чувств, но они оба были в моем сердце.

Я стала Искрой — сильнейшей из тех, что загорались во все времена, потому что готова была отдать не только жизнь — душу за тех, кого любила.

И Свет вспыхнул вокруг, засветился, являя мне все частички бесконечного времени и миров. В моих руках были нити всех реальностей, я видела все пространства и моменты, какие лишь желала увидеть.

Я стала той, что стоит вровень с Богами, я могла изменить все! Когда-то Ник сказал, что провидцы видят, но не могут изменить ход событий, на это способна лишь Искра. Я стала ею и сейчас желала отменить эти бессмысленные смерти. Нить времени лежала в моих руках, но я медлила, не зная, в какой момент нужно вернуться.

Ведь я могу отмотать ленту событий в самое начало. Туда, где Райден еще не возник на площади в Низинках. Где я иду по улице, мечтая о теплой булке и стакане молока, а Незабудка ждет меня на пыльном чердаке.

И ни Райден, ни Шариссар никогда не узнают меня...

Я покачала головой. Нет, я не вправе лишать их чувств. Любить и помнить меня — это их право.

Мне же нужно разъединить наши миры, просто разделить их навсегда, исключив дальнейшую войну и саму возможность соприкосновения.

Шариссар говорил, что миры притянулись, потому что наши источники силы были диаметрально противоположными. Ненависть Сердца Оххарона веками притягивалась к Искре, стремясь исцелиться. А если в двух мирах источником будет Светлая Искра, то они оттолкнутся друг от друга и больше никогда не притянутся.

Но как создать две Искры из одной?

Я ведь не могу разорваться!

Что же мне делать?

Решение было, но как его осуществить?

В отчаянии посмотрела туда, где стояла моя мать, словно прося у нее совета. Фигура Сейны застыла в этом безвременье, но ее лицо было повернуто в мою сторону, словно она и сейчас хотела мне что-то сказать.

— Помоги... — шепнула я.

И она помогла! Безмолвно, конечно, но подсказала! Я вдруг поняла, кем она приходилась темнейшей королеве. Выбеленные Тьмой волосы изменили облик повелительницы, но лицо осталось прежним — зеркальной копией той, что меня родила.

Они были не просто сестрами, а близнецами! Отражением друг друга. Когда-то — одним целым.

Отражение меня. Вот что мне было нужно! Отражение меня, моей души и Света. Отражение Искры.

Я не желала разорвать душу. Я хотела создать ее отражение. И тогда два мира смогут существовать в своих реальностях, больше не соприкасаясь. Две Искры отделят Оххарон и Пятиземелье друг от друга и положат конец этой ужасающей войне!

И в каждом из миров останется своя Лея.

И, наверное, у каждой дальше будет своя история.

Сейчас, держа в руках нити времен и пространств, я видела совершенно ясно, что в реальности Пятиземелья мне был предназначен мужчина с красными волосами и зелеными глазами, Алларис Райден. Он был словно весеннее солнечное утро, нежное и ласковое, словно пробуждение и рассвет, словно шоколад. Мудрый, ироничный, терпеливый соблазнитель-инкуб, с которым у меня ничего не случилось, но могла бы произойти целая жизнь. Прекрасная. Наполненная теплом и любовью.

Но из другого мира пришел тот, кто изменил судьбу, и в реальности Оххарона меня ждал именно он. Шариссар, с его глазами ночной синевы и темными волосами — моя ночь и Тьма. Моя страсть и боль, любовь и ненависть со вкусом ягоды красницы, искушение и прощение. Дикий зверь, что отдал мне свое сердце. Тот, с кем все случилось, но оборвалось так скоро, оставив на губах горечь.

И уже не сомневаясь, я соткала из ткани двух наших столкнувшихся миров зеркало. Большое, чтобы отразиться в нем целиком.

Я посмотрела на себя: в моих черно-белых волосах застыли травинки и веточки, одежда рваная и грязная, на рукаве — кровь. Но разноцветные глаза сияют чистым светом любви. Я протянула ладонь своему Отражению. И Отражение протянуло ладонь мне.

Наши пальцы соприкоснулись, и мы ойкнули, отдернули ладони одновременно и вместе рассмеялись. Она вышла из стекла — Отражение меня, вторая Лея.

Мы обе сохраним воспоминания, но что произойдет дальше — у каждой из нас будет свое. В каждом мире — своя Элея. И свои чувства к каждому из двух мужчин. Это единственное, что стоит разделить между двумя Отражениями.

Одна часть меня всегда будет принадлежать Шариссару, и эта Лея уйдет в Оххарон. Другая, без метки зверя и с зарождающимся доверием к магистру, останется в Пятиземелье. И лишь время покажет, что за любовь и судьба ожидает нас обеих. Мы были одинаковые, лишь наши глаза отличались, словно я по-прежнему смотрела не на живое воплощение себя, а в зеркало.

Мы сняли с шей медальоны — теперь их тоже было два. И вложили в полупрозрачный камень всю силу Искры.

Больше не будет живой души, заключенной в стенах Белой Башни.

Больше не будет Сердца, истекающего кровью.

Будет два медальона. Два камня. Два Отражения — Хранительницы. И две Искры.

И разные судьбы.

ЭПИЛОГ

Год спустя. Хандраш

— Ну скажи!

— Я сплю.

— Ты не спишь! Я же знаю, что не спишь! Скажи!

— Нет.

Я посмотрела в лицо мужчины, на животе которого сидела.

— Алларис Райден, ты лежишь, привязанный к столбикам кровати, если ты не заметил! И ты по-прежнему отказываешься мне отвечать?

Он открыл глаза, с картинным удивлением осмотрел свои запястья и лодыжки, что я надежно привязала веревкой. И снова откинулся на подушку.

— Ты все поняла совершенно правильно, дорогая жена.

— То есть ты отказываешься признаться, какие у тебя ещё есть имена помимо уже известных мне? — в моем голосе появились угрожающие нотки.

Этот разговор повторяется уже в который раз, и я снова укорила себя, что не просмотрела некоторые факты биографии этого упрямого инкуба, когда была Искрой! Ну что мне стоило заглянуть? А теперь я мучаюсь от любопытства, а этот нахал, за которого меня угораздило выйти замуж, не признается!

— У тебя пять попыток, — лениво протянул Райден.

Я поерзала, устраиваясь удобнее на его животе.

— Ну, ладно. Однажды я все-таки угадаю! Итак... — Я скосила глаза на его лицо. Но маг усиленно изображал равнодушие. — Эээ, может, твои имена Сладкий соблазнитель?

Уголки мужских губ дрогнули.

— Нет.

— Похотливый инкуб?

— Нет.

— Сладкоежка и гроза женщин?

Райден открыл глаза и приподнял одну бровь.

— А что? — развеселилась я. — Тебе такие имена пойдут.

— У тебя осталось две попытки.

— Эмм... — Я вновь поерзала и закусила губу, поняв, что мои движения вызывают однозначную реакцию в теле моего мужа. Я посмотрела на ту его часть, что явно оживилась в ожидании.

— Может... Неутомимый и... великий?

Маг фыркнул.

— Ну скажи! — завопила я, устав придумывать имена. Это была такая игра — раз в день мне разрешалось назвать лишь пять вариантов.

— Последний шанс. — Алларис снова прикрыл глаза.

— Вредный и невыносимый гад, которого я однажды прибью, потому что сил нет уже угадывать эти проклятушки имена! — выдала я на одном дыхании.

Магистр откинул голову и расхохотался. Отсмеявшись, посмотрел на меня и облизнулся, предвкушающе.

— Ты не угадала, Лея. А значит, снова будешь исполнять мое желание.

— А вот и не буду! Я тебя что, зря привязала?

— А ты меня привязала? — Бровь насмешливо поднялась, а я открыла рот. Веревки бесследно испарились.

— Ты использовал магию! Это нечестно! — Я попыталась вырваться, но мужское тело уже придавило меня к кровати. Алларис коснулся губами моего уха.

— А кто сказал, что я буду играть честно? — Провел языком по моей губе. — Ты проиграла! Мое сердце подскочило и забилося. От предвкушения. А тело уже наполнилось сладкой истомой и выгнулось. Я едва сдержала стон, зная по опыту, насколько богатая фантазия у этого инкуба!

— Непристойные фантазии! — заорала я в последней надежде. — Несносный развратник! Совратитель, наглец и интриган!

— Мне очень лестно, любовь моя, но твои попытки закончились. К тому же ты вновь не угадала, — сообщил Алларис, проводя ладонью по моей коже, заставляя меня выгибаться и закусывать губу. Он легонько и нежно дотронулся до внутренней стороны бедра, потом выше. Еще выше...

— Любимый мучитель, — выдохнула я ему в губы, когда пальцы коснулись точки между моих ног.

— Я почти готов сказать «да». Но нет...

Боги! Какие у него губы и язык! И что он ими вытворяет... Доводит меня до умопомрачения! Кстати, как раз начал — опустил голову, лаская мне шею, ямочку у горла, грудь... Мучительно медленно, дразняще томительно... Значит, сегодня мой супруг настроен на длительную и неспешную игру, от которой я расплачусь и растекусь, уже не в силах сопротивляться.

Порой мне казалось, что его сила инкуба все-таки нашла лазейку в моей невосприимчивости и сводит меня с ума, ведь это ненормально — так воспламеняться от движений умелых пальцев, от ощущения губ на коже, от совершенно непристойных намерений, которые он озвучивал хриплым шепотом.

Правда, в эту игру мы играем вдвоем, потому что когда за дело принимаюсь я, он теряет голову еще быстрее, и родные зеленые глаза становятся дикими и шальными. И мне нравится эта власть — над его телом и желаниями, я пользуюсь ею совершенно беззастенчиво, провоцирую и дразню, потому что люблю его.

Я очень люблю этого несносного инкуба, что делает меня счастливой. И мне страшно представить, что прими я год назад другое решение — обрекла бы его на одиночество и боль.

— Ал, еще! — Дальше я уже только стонала, потому что все связные мысли из головы испарились, как веревки с его рук.

Кстати, веревки потом материализовались, правда, привязана почему-то оказалась я. Но я ужасающе совру, если скажу, что была против...

Алларис Райден

Крайген уже ждал в кабинете, когда магистр все-таки смог покинуть свою жену и заняться делами.

— Ну хоть сегодня догадалась?

Светловолосый парень встретил уже привычным вопросом. К сожалению, в материальном теле его характер не улучшился, и он по-прежнему продолжал совать свой нос во все дела магистра.

Райден хмыкнул и покачал головой.

— Я ведь уже говорил, что это не твое дело? — спросил он.

— А то! Пару сотен раз точно. Но я просто не могу удержаться! Неужели она по-прежнему выпытывает твои имена? Вот упрямая.

— На редкость, — в голосе магистра прозвучала нежность, которую он не смог скрыть. Крайген широко улыбнулся.

— И когда ты собираешься сказать ей правду? Что у тебя просто нет других имен?

Алларис рассмеялся, зеленые глаза светились счастьем. Удивительно, но у главы ковена Искры действительно не было других имен. Он просто не успел их получить: прежний глава скончался раньше, а по правилам имя преемнику дает старший наставник. Он даже пытался сказать об этом Лее, но та уверилась, что он скрывает свои имена, и вознамерилась их узнать. И сам процесс узнавания так увлекал магистра, что он решил не торопиться с пояснениями.

— Пожалуй, повременю. Интересно, что Лея еще придумает. У нее отличное... воображение.

Он вспомнил, как она его привязывала, а он делал вид, что спит, и, наверное, что-то отразилось на его лице, потому что Крайген уставился с любопытством. Но вздохнул.

— Конечно, снова не расскажешь?

— Конечно, — хмыкнул Райден, усаживаясь в кресло и перебирая свитки.

— Знаешь, быть кляксой на стене все-таки иногда удобнее, не надо выпытывать ничего у скрытных друзей, можно просто посмотреть! — возмутился Крайген, но торопливо поднял ладони, увидев взгляд мага. — Я пошутил! Не надо меня возвращать в то состояние! Все-таки в теле мне нравится гораздо больше!

Райден скрыл улыбку и попытался сосредоточиться на бумагах. Но сделать это было не так-то просто: это какое-то наваждение, но он уже скучал по ней! Так и хотелось все бросить и найти Лею в Академии, вытащить с занятий, придумав какой-то дурацкий и не очень внятный предлог, запереться с ней в ближайшем пустом помещении... Чулан под лестницей вполне подойдет.

Несколько раз он не смог удержаться и делал это, хотя и ругал себя потом, понимая, что Хранительнице Искры, несмотря на статус и регалии, надо учиться. Все-таки она оставалась обычной девушкой, хотя и могла использовать силу Искры напрямую, даже без куска Оракула.

И планомерно разрушала все подряд, не умея нормально направлять Свет.

А он еще и отвлекал ее постоянно. Правда, и помогал тоже, многому учил сам, и эти уроки дорогого стоили.

С этих уроков все и началось.

Он помнил, как стоял на том поле, закрывая собой Лею, как сказал о своей любви. Как взлетели в небо драконы и она засмеялась. Та битва закончилась их победой, два мира соприкоснулись лишь на миг, а потом разошлись навсегда. Хрустальный Замок вновь исчез, как и другие куски чужой реальности.

Они не сразу поняли, что это навсегда, не верили... А потом на Риф прибыли корабли, и воины Пятиземелья помогли выловить оставшихся оххаронцев, которых было немного.

И еще у них появилась новая Искра.

Она залила мир чистым и сильным Светом, дающим жизнь, надежду и защиту. Позже Лея рассказала ему, что произошло на самом деле, хотя маг и так о многом догадался. Настоящее изменилось, а значит, и будущее. Хрупкое Отражение изменило судьбы двух миров, она не убила Аллариса, а, напротив, подарила жизнь и любовь. Их сближение было таким долгим для него, но Райден не торопил, приручал ее осторожно, боясь сделать неверный шаг или испугать. И до сих пор не верил, что она откликнулась, что осталась с ним, полюбила...

Он все еще просыпался среди ночи, чтобы убедиться, что Лея рядом. Прижимал к себе,

укрывал своим телом, оплетал руками и ногами, не желая выпускать, и она улыбалась сквозь сон.

Его девочка с разноцветными глазами. Правый синий, а левый зеленый. Раньше было наоборот, но об этом магистр Лею не спрашивал. Он был достаточно умен, чтобы не задавать вопросов, на которые и так знал ответ. Лея сделала выбор. Потрясающий, невероятный выбор. И она — с ним.

Райден вновь посмотрел на свиток.

Но как же хочется... В пустой чулан. С Леей. Ненадолго. Хотя бы просто поцеловать...

— Боги, и когда это закончится? — простонал Крайген, наблюдая за магистром.

— Никогда, — слегка смутился Райден и все-таки развернул свиток, на который смотрел.

Год спустя. Оххарон

Длина шлейфа составляла триста яров, и его несли сорок девять жриц Храма Ночи — самые красивые и талантливые девушки Оххарона. Лишь в одном месте полотно шлейфа, расшитое алыми цветами и серебряными монограммами, провисало почти до пола. И все потому, что среди высоких женских фигур была одна детская. Семилетняя девочка шествовала с важным и серьезным выражением лица, лишь глаза ее сверкали неиссякаемым озорством и живым восторгом.

Я старалась не оборачиваться на Незабудку, и так зная, что она идет там, держа в руке одну из пятидесяти серебряных петелек моего шлейфа.

Сегодня Оххарон и Темный Двор приветствуют свою новую королеву, Создательницу Искры, наследницу истинной темной крови, дочь Сейны и Лероя. И пару дарей-рана.

О последнем я подумала с улыбкой и не удержалась — чуть повернула голову, хотя советники предупреждали, что смотреть я должна исключительно на статую Бога Мрака. Но величественный идол, хоть и бесспорно красивый, не вызывал во мне и капли того трепета, что вызывал мужчина, стоящий слева от пьедестала. Сегодня на нем была парадная форма высших паладинов, и я залюбовалась Шариссаром в роскошных одеждах, отделанных черным мехом и рубинами. Он же смотрел на меня так, что мне вновь стало жарко. Он всегда так смотрел — совершенно беззастенчиво и горячо, заставляя мое сердце биться быстрее. Чуть улыбнулся, когда я ступила на постамент, и склонил голову, словно говоря: я с тобой.

И я вздохнула уже спокойнее, ощущая его поддержку и силу. Все же я изрядно волновалась перед сегодняшним днем — не каждый день становишься королевой целого мира!

Шлейф отстегнули, когда я поднялась по ступеням к идолу, и я развернулась к застывшему внизу Темному Двору.

Лиц было много. Очень много. Многие смотрели настороженно, кто-то с любопытством, иные изображали равнодушие. Я понимала их — они до сих пор не приняли новый уклад их жизни. Кровных нитей больше не существовало, а сила, что питала магию, — изменилась.

В Оххароне многое изменилось, и мое правление не будет простым, я это понимала. Но я не боялась. Я видела самое страшное, что может со мной произойти, — смерть всех, кого я люблю, и теперь борьба с Темным Двором меня не пугала.

И вновь память унесла меня в тот момент выбора, когда я стояла в Ничто.

Это был трудный миг, самый трудный в моей жизни. Но я приняла решение и исполнила его. Я отмотала ленту событий назад, на самое начало битвы, туда, где я еще лишь оставила Незабудку в крыле хранилищ и бегу к разрушенной стене, чтобы посмотреть на раскинувшееся передо мной поле, усыпанное осколками рухнувшей Башни Дождя.

И одна Лея бросилась спасать Камиллу и искать Райдена, чтобы вновь услышать его признание в любви, а вторая сразу перенеслась в Хрустальную Башню Оххарона.

Замок королевы Тьмы встретил меня боем барабанов и слепящим багровым светом — стражи готовились перейти арку в Хандраш. Я стояла на высокой верхней галерее, почти у самого Сердца, ощущая его биение. По ледяной лестнице я взлетела птицей, не обратив внимания на молчаливые силуэты, что застыли в хрустале. Правда, мне показалось, что они улыбались.

И на площадку я выскочила в тот момент, когда Чер Лерой занес над Сердцем руку с дрожащим в ней клинком. Сталь светилась от магии заклинаний, вложенных в нее, от силы магистра, что он отдал целиком ради мести.

— Нет!! — Я закричала, понимая, что добежать не успею. Но ветер помог — подхватил мой крик и бросил в лицо магу. Лерой замер, а потом медленно, не веря, обернулся. На его белое лицо было страшно смотреть, и я все-таки побежала и с разбега прижалась к нему, обняла изо всех сил. — Не надо! Это Сердце нельзя убивать. Иначе меня тоже не станет...

— Лея? — он смотрел растерянно. — Это правда ты?!

— Это я. И Незабудка тоже жива, поверь мне! Шариссар не причинил нам вреда, он соврал, чтобы ты не выдал нас королеве. — Я вздохнула. — Прости его. Порой он решает вопрос слишком... радикально!

— Ты жива! И Сиера жива! О... — Магистр судорожно вздохнул и прижал меня так крепко, что чуть не хрустнули кости. Но я лишь улыбнулась.

А потом Лерой помог мне заменить Сердце Искрой — все же он обладал огромными знаниями. И мы вместе смотрели, как кровные нити сменяются золотыми. Сила этого мира изменилась навсегда, прервав сближение миров и оттолкнув Оххарон от Пятиземелья так далеко, что два мира больше никогда не пересекутся.

Битва на поле в Хандраш не состоялась, потому что Оххарон лишь на миг соприкоснулся с Пятиземельем. Основные силы оххаронской армии так и не перешли ту самую арку, и Хрустальный Замок так и остался на своем месте. И два мира запомнили лишь короткое сближение, после которого они разошлись навсегда. А просвещать кого-либо, как было на самом деле, я не торопилась.

Темнейшая королева Лиария... исчезла. Арамир, парень с глазами цвета голубого льда, лишь улыбался, когда его спрашивали об участии королевы. И мне было не по себе от этой улыбки.

Шариссар лишь сказал, что королева получила то, что заслужила, и выспрашивать детали я не стала. Думаю, что темнейшая тоже оказалась в Ничто и теперь бродит по своему пустому Хрустальному Замку.

...Подняла голову, возвращаясь в настоящее. Сегодня я стану королевой этого мира, как наследница старшей принцессы Сейны, что отреклась от престола в мою пользу. Она тоже была здесь и улыбалась открыто и радостно, опираясь на руку Чер Лероя.

Незабудка наконец-то узнала, кто такая ее фея Сейна, и даже иногда называла ее мамой. Чер Лерой нещадно баловал девочку, и я всерьез опасалась, как бы не испортил мне сестру. Его ар-нори тоже постепенно меняли облик, и, возможно, когда-нибудь они смогут взлететь в небо вместе с моими драконами.

И все же, несмотря на обретенных родителей, больше всего Сиера любила проводить время... нет, не со мной. С Шариссаром.

Глядя на этих двоих, мое сердце наполнялось такой невыразимой нежностью, что я несколько раз сбегала, не в силах удержаться от слез. Слово паладина стало для Незабудки законом и истиной, и поначалу я даже немного ревновала, изумляясь их дружбе. Но, похоже,

именно в лице Темного Незабудка нашла того отца, которого всегда мечтала обрести.

И еще моя маленькая сестра была единственной, кто знал удивительную тайну моего Отражения. Ведь в другом мире, в Пятиземелье, осталась душа, что так же любила ее. Для нас, Ходящих Сквозь Миры, переход не был проблемой, и порой Сиера сбегала к другой Лее. Удивительно, но такое положение вещей она восприняла довольно спокойно — наверное, ее вера в сказки и чудеса позволяла Незабудке все вокруг принимать с открытой душой и любящим сердцем. Она лишь задумалась на миг, а потом радостно выдала, что раньше у нее была одна сестра, а теперь целых две сестры-близняшки. И, значит, любить ее будут вдвое больше!

Я вернулась мыслями в огромный Храм Мрака.

Когда я впервые увидела это здание — была потрясена и размерами, и внутренним убранством, стенами, сплошь выложенными драгоценными камнями, куполом на невообразимой высоте, идолом, что смотрел с пьестала с насмешкой и пониманием. В Оххароне чтили Мрак и его извечную спутницу — Тьму. Только Тьмой выступала королева Оххарона.

Я не стала оборачиваться на статую серебряного бога. Надеюсь, мы с ним поладим и он не станет ревновать, потому что спутник у меня уже есть. Живой, горячий, страстный и немного дикий зверь, от мыслей о котором мне хочется сбежать из этого храма. С ним.

Не удержалась и вновь посмотрела на Шариссара. Лучше бы я этого не делала. Порой я веду себя как кошка — та самая, в которую обращаюсь... Со вздохом заставила себя смотреть на свой Темный Двор.

Справа от Сейны стоял посол Ящеров — скрюченный старик, сплошь покрытый желтой чешуей, так что и непонятно было — это одежда или его собственная кожа. Слева возвышался бородатый Равнинник в меховой накидке и рогатом шлеме.

Новый Оххарон налаживал новые связи.

Вздохнула и положила ладонь на грудь, туда, где билось мое сердце. Бог Мрака взирал на меня сверху, и я улыбнулась ему.

Шариссар

Великий Мрак, как же она красива!

Он дикий ревнивец и собственник, потому что даже сейчас хочет закрыть Лею от посторонних взглядов, запереть в своих владениях и никуда не выпускать. А еще лучше — привязать к кровати, к той самой, с которой утром так не хотелось вставать. Ночью они вновь не выспались, потому что он не мог насытиться ею, ему требовалось снова и снова присваивать и обладать, чтобы убедиться, что Лея — его. Он помешался на своей разноглазой кошечке, рычит диким зверем, и даже Айк уже боится смотреть в сторону закольцованной пары дарей-рана.

Паладин улыбнулся, повторяя про себя эти слова. Закольцованная пара... Его пара.

Правда, Айк все равно смотрит.

Трудно не смотреть на наследницу темного престола и будущую королеву.

Шариссар наблюдал, как Лея идет по проходу — в тяжелом наряде, расшитом серебряными и алыми цветами, со сверкающей короной в темных волосах с белыми прядями, и чувствовал, что сердце вновь забилося в стремительном беге. Такое прекрасное и забытое чувство — бьющееся от волнения и счастья сердце...

Незабудка послала ему воздушный поцелуй, и Шариссар улыбнулся краешком рта. И вновь вспомнил, как они неслись по Хандраш, как обнимали его звериную шею детские ручки.

Острог высился на побережье темной и чужеродной громадиной, и Шариссар перепрыгнул обрушенную стену, не останавливаясь.

— Мой господин! — навстречу выбежал Айк.

— Собери всех стражей, — на ходу бросил Шариссар, возвращаясь в человеческую форму. — Я буду через минуту.

Он подхватил Незабудку и рванул к башне, что находилась под защитой духа-наставника.

Уже внутри присел перед девочкой на корточки.

— Я должен идти, обещаю, что не будешь бояться, Сиера.

Она серьезно кивнула.

— Шариссар-рей?

— Да, Незабудка?

— Ты защитишь Лею?

Он положил ладонь на грудь.

— Клянусь своим сердцем.

— Тогда я не буду бояться, — кивнула девочка и пошла к ожидающему ее наставнику.

На красной брусчатке двора его ждали стражи — суровые воины, которых он лично отбирал и обучал. Палладии окинул напряженные лица хмурым взглядом, медленно кивнул.

— Темные пан-реи, не буду скрывать — я не имею права вам приказывать, потому что больше не дарей-ран. И я не буду просить вас идти за мной, — сказал он. — Потому что со мной — означает против стражей Ее Темнейшего Величества. Это может означать смерть для каждого из вас. Я хочу, чтобы вы сделали свой выбор самостоятельно и осознанно. В этом мире находится та, что стала моей парой, и ее я буду защищать до последней капли темной крови. Кто захочет встать рядом, тот должен понимать, что воевать придется на стороне врага. — Он отвернулся. Время разговоров закончилось. Настало время действий. И когда повернул голову, увидел, что его стражи, все, как один, сделали шаг вперед.

Никто не пожелал остаться в Остроге. Эти стражи всегда были верны ему, а не темнейшей.

И самое удивительное, что рядом встали ящеры, те самые, которых доставили из королевского дворца. Одна из стен Острога рухнула, выпустив пленных из их темницы.

— Мы тоже пойдем с тобой, — хрипло сказал Разан Тхи. — И будем сражаться. Это плата за возможность умереть в бою, а не на потеху Темному Двору. И если выживем, обещаю нам свободу и возвращение в наш мир, паладин.

Шариссар коротко кивнул:

— Обещаю. Если буду жив, то верну вас.

Он коротко выдохнул и вскинул ладонь:

— Вперед!

Но уйти из Острога они не успели...

Грани миров вновь соприкоснулись, разрывая ткань пространств и разделяя Оххарон и Пятиземелье. Шариссар яростно рванул к белесой стене, но его откинуло с такой силой, что паладин отлетел, с рычанием переворачиваясь в воздухе.

— Мы возвращаемся! — закричал Айк.

Стены Острога дрогнули, сверху посыпались камни и битое стекло, куски черепицы и дерева. Красная брусчатка двора встала горбом и треснула, а за стеной крепости вновь появился привычный пейзаж Оххарона.

— Нет! — Шариссар ударил ладонью по стене с такой яростью, что пробил дерево. На кулаке осталась кровь, но он не обратил внимания.

— У нас готова арка, господин. — Айк тряс головой, в его волосах застряли кусочки битого камня. — Мы приготовили ее, когда началось перемещение!

Выяснить подробности паладин не стал, рванул в указанную сторону, лихорадочно прокручивая в голове дальнейшие действия.

Куда теперь? Куда?

К королеве?

Умолять или угрожать пустить его в Хандраш?

Во Вместилище Тысячи Душ?

Куда?!

Миры вновь разъединились, но в Хандраш остались оххаронцы из загона. А стражи королевы? Успели ли они перейти грань и напасть на Академию?

Он взвыл, бросаясь к арке, но она вспыхнула раньше.

— Что за... — начал Шариссар. И осекся. Потому что из перехода выскочила черная хищница и фыркнула, вызвав у всех стражей, что были у стены, слаженный вздох восторга. Шариссар собственнически зарычал и подхватил обернувшуюся Лею. Она была растрепанная, взволнованная, с кровью на рукаве и в грязной одежде.

— Успела, — выдохнула она и пошатнулась.

Он поднял девушку на руки, когда она начала оседать на красный камень брусчатки, совершенно не понимая, что происходит, но чувствуя, как внутри разливается счастье.

И, понимая, что держит на руках самое ценное, что есть в его жизни, прижимал к груди, чтобы уже не отпустить никогда.

— Ты вернулась? — Он обнял ее крепче, всматриваясь в глубину разноцветных глаз. — Вернулась... ко мне?

— Я никуда не уходила, — сипло сказала Лея. — Тебе лишь показалось...

— Я без тебя чуть не умер, — слова — непривычные и слишком обнажающие его душу — он выдавил с трудом, но, кажется, она поняла то, что он не смог сказать.

— Чуть — не считается... — лукаво улыбнулась Лея.

Элея

— Я клянусь служить этому миру, этой земле и этому народу. Быть Тьмой милосердной и оберегающей, укрывающей и ободряющей, дающей жизнь проходящим и вечный покой ушедшим. Я клянусь беречь этот мир, как берегу свое сердце.

Слова древней клятвы пронесли под сводами величественного храма и достигли самых дальних уголков огромного здания. Мгновение ничего не происходило, а потом статуя Мрака засветилась золотым светом. Моя клятва была услышана и принята.

Я повернулась к своим подданным, которые по очереди будут приносить мне клятву верности. И первым преклонил колени перед новой королевой мой дарей-ран. И мой супруг.

— Приношу клятву верности, долга и чести Оххарону и вам, Темнейшее Величество. Клянусь защищать вас до последнего вздоха и не покинуть ни при свете, ни в темноте. — Он смотрел на меня серьезно, а мне дико хотелось плюнуть на церемонию и снова поцеловать эти дерзкие искушающие губы. С трудом удержалась. Паладин прижал ладонь к груди, туда, где теперь билось живое и любящее сердце. — А мое сердце навеки принадлежит... тебе, Лея.

По толпе пронесся изумленный полувздох-полустон, а я с трудом удержала серьезную маску на лице.

— Вы непрослительно переврали слова клятвы, дарей-ран, — сдерживая улыбку, сказала я. — Какая непозволительная дерзость. Мне придется вас наказать.

Он склонил голову, скрывая предвкушение в глазах.

— И я тоже тебя люблю, мой паладин, — тихо, лишь для него добавила я.

Муравейник был большой.

Вот просто отвратительно огромный, шевелящийся и пугающий. Деловитые насекомые что-то тащили внутрь, раздраженно обходя застывшую на дорожке девушку, и казалось, что вопрошают: «Зачем пришла? Иди отсюда!»

Ринка и сама хотела бы развернуться и побежать к Академии, а не переминаться тут с ноги на ногу, с тоской рассматривая муравьиный дом.

Но Тисса сказала, что это самое лучшее средство от охватившей Рин напасти.

Девушка снова переступила с ноги на ногу, давая дорогу шеренге трудолюбивых насекомых, тянувших в домик травинки и веточки.

Лезть на муравейник не хотелось. Вот просто ужасающе. Но Тисса...

— Вернейшее средство, — авторитетно сказала лучница, подкидывая на ладони огненный шарик.

С тех пор как Тис открыла свой дар крови, она успела поджечь несколько строений и научилась создавать из огня настоящие скульптуры. А еще стрелы, мечи, дротики и другое оружие. Правда, магистр Райден запретил ей использовать огонь на территории Академии, и его Тисса ослушаться не посмела. И поэтому играла огнем только на побережье, где были лишь море и песок. Именно там она и нашла задумчивую Ринку, сидящую на скале. И сразу велела искать муравейник. Рин поначалу изумилась, но Тисса уверила, что помогает наверняка.

— Я бы и сама к нему пошла, но... — Лучница лукаво улыбнулась. — У нас с Арви и так все наладилось. Он сказал, что любит меня!

— Везет тебе, — грустно отозвалась Рин. — У всех все наладилось. Даже вредная Ельга собирается замуж за Ортана! А на меня этот дурак вихрастый даже не смотрит! В упор не замечает, словно я пень или стена! Только и талдычит — «понюхай травинку, понюхай веточку»! Не хочу я нюхать, я другого хочу!

— Тогда ищи муравейник, — хмыкнула Тисса, подбрасывая огненный шар. — Большой. И залезай на самый вверх. И лежи там... пока не полегчает.

— А полегчает?

— Еще как! — рассмеялась Тис и поднялась, похлопав подругу по плечу. — Вот увидишь, Рин!

И теперь Ринка вздыхала, разглядывая кучу с муравьями. Странно, раньше она не замечала, насколько они огромные! Но выхода не было, тоска по этому глупому вихрастому Нику извела ее окончательно!

Рин еще раз обречено вздохнула и полезла на муравейник, шипя сквозь зубы. Легла неудобно, боком, решив, что и так лекарство наверняка подействует.

Интересно, как долго ей тут оставаться?

Первый укус заставил ее поморщиться. Второй взвизгнуть. А потом насекомые, кажется, впились в нежное девичье тело все разом, и Рин заорала в голос, вскочила и бросилась вон от муравейника, оглашая лес истошным воплем. К счастью, озеро было совсем рядом, и Ринка, на ходу срывая с себя одежду, бросилась в его прохладную глубину, ожесточенно стряхивая с себя впевившихся муравьев.

— Что б вас всех... подруга называется... ну, ничего... я припомню... — бубнила Рин, выходя из воды.

И замерла. На илистом берегу стоял Ник и смотрел на девушку, открыв рот. По-настоящему смотрел, во все глаза, жадно осматривая ее округлости, обтянутые мокрой нижней рубашкой.

Они одновременно ойкнули и отвернулись, Ник залился краской, Рин побледнела.

— А я вот крики слышал... — откашлявшись, протянул парень, косясь в ее сторону. — Как водичка?

— Теплая, — растерянно ответила Рин. Ник отчаянно краснел и пытался на нее не смотреть, но его взгляд помимо воли возвращался к девушке, отчего парень смущался еще больше.

— Теплая. Ага, — протянул он.

А Ринка схватила свою одежду и бросилась в кусты — одеваться. Ник не уходил, топтался на берегу, вздыхал. А когда она вернулась уже в платье, Ник ковырял носком ботинка ил и хмурился.

— Слушай, — неуверенно сказал парень, — а давай вечером погуляем? Ну, просто так... Там новую башню возводят, магически... Посмотрим. — Он вновь покраснел. — Хотя если ты не хочешь, я пойму, я просто... чтобы...

— Я хочу, — тихо ответила Рин.

И улыбнулась. Тисса была права. Все-таки муравейник помогает!